Авантюристка из Арзамаса, или Закон сохранения энергии. Часть

Татьяна Туринская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нетрадиционная фантастика. Вернее, бытовая фантастика. А уж коль присутствует придуманный мир, то пусть будет нетрадиционное фэнтези с головокружительными приключениями героини.

- Туринская Татьяна

Туринская Татьяна
Авантюристка из Арзамаса, или Закон сохранения энергии. Часть I

1

Алька проснулась в начале одиннадцатого. Взглянула на электронные часы, утверждавшие именно это время, и слегка нахмурилась: рановато, однако! И что ее разбудило в столь ранний час?

Обычно Алька просыпалась не раньше двенадцати. А если учесть, что натрудилась накануне не на шутку, то вполне можно было предположить, что проспит она как минимум до вечера. Ах, вот оно, в чем дело! Она же просто перетрудилась! Еще бы, целый месяц работала, аки каторжная! Ведь Сашка, порази его душу гром, паразит такой, музыкант великий, на бригаду рабочих не заработал, вот и пришлось ломаться самостоятельно. Сам-то целыми днями на работе, вечером придет, махнет пару раз кисточкой — и все, он свою работу выполнил. А основная нагрузка легла на Альку, на ее хрупкие женские плечики, на беленькие, нежненькие, не привычные к физическому труду ручки. Целый месяц ей пришлось обдирать стены, шпаклевать, зачищать их от неровностей, а потом самостоятельно клеить обои во всей квартире. Вот тут и пригодился Альке опыт, полученный ею в педагогическом училище. Вообще-то в педучилище логичнее было бы получить опыт воспитателя, но что поделаешь, если их группу без конца посылали то на одну стройку, то на другую в помощь вечно не укладывающимся в сроки строителям? И вместо педагогики и психологии они усердно грызли гранит штукатурно-малярных наук. Вот тогда-то Алька и наловчилась клеить обои. Правда, считала, что давно уже утратила эти навыки. А ручки, изящные и холеные, оказывается, все прекрасно помнят. И теперь с полным основанием Алька могла утверждать, что ремонт в квартире сделан ее руками от начала до конца. Сашка ведь только малость покрасил двери — вот и весь его вклад в ремонт. Да и как покрасил — глаза б не смотрели на плоды его трудов! Уж лучше бы на скрипке своей скрипел, это у него намного лучше получается.

Алька повернулась на другой бок и попыталась заснуть. Однако мысли о муже вновь засверлили мозг. Да-а, где-то она явно лопухнулась… Вроде все просчитала, все спланировала-спроектировала, а результат оказался почти противоположный задуманному. Вроде бы кое-чего из планов она добилась, но ведь половинчатый результат — разве результат? Так, ни рыба, ни мясо — серединка на половинку…

***

Родилась и прожила до самого замужества Алька в славном городе Арзамасе. Ну, может, не таком уж и славном, но это был ее родной город и она до поры до времени любила его незабвенно, не замечая его глубокой провинциальности и даже некоторой убогости.

Альке в некотором смысле повезло — родилась она у добрых родителей, щедрых на ласку и любовь, и, к счастью для Альки, не сумевших завести второго ребенка. А потому все родительские щедроты с лихвой выпали на ее душеньку. С другой стороны — не так уж и повезло. Ведь могла же она родиться у состоятельных родителей, или, например, у власть имущих, а стало быть, опять же небедных. Или, на худой конец, пусть у тех же родителей, но в Москве или Питере. Так нет же, подвезло ей появиться на свет в роддоме N 2 города Арзамаса, у скромной бухгалтерши и водителя троллейбуса!

Алька, то есть Альбина Щербакова, в глубоком детстве была сущим ангелом, причем не столько внутренне, сколько внешне — беленькие невесомые волосики кучерявились над головушкой, образуя в солнечном свете сияющий нимб. Голубые глазоньки доверчиво глядели на мир, пухлые щечки так и просились под поцелуй, а губки сами собой именно для него и были, казалось, сложены бантиком самой природой. Чудо-ребенком восхищались знакомые и незнакомые, даже прохожие восторженно улыбались такой красоте и оглядывались вослед девочке-одуванчику. А если прибавить к приметной внешности некоторые Алькины способности, становится понятно, почему ребенок рос довольно избалованным.

Дело в том, что Алька всю жизнь пела. То есть именно всю жизнь, практически с рождения. По крайней мере, именно так выходило со слов мамы. Как только Альку внесли в дом и развернули драгоценный сверток, оттуда полилась странная, пока еще не слишком стройная, но уверенная музыка. Вместо крика по поводу мокрых подгузников Алька выдавала едва ли не оперные арии. Чем дальше, тем более звучный и стройный вокал исходил

из уст сладкоголосой Альки.

Светловолосое чудо росло под аккомпанемент всеобщего восторга окружающих. Естественно, каждый раз вниманию гостей предлагалось выступление папиной-маминой гордости, выставленной для вящего обозрения на табуретку посреди комнаты. Гости восторгались, усердно задаривая кроху кто конфеткой, кто шоколадкой. С годами круг почитателей Алькиного таланта расширялся. На утренниках в детском садике ей непременно доставались лучшие роли и лучшие песни, с приближением каждого Нового года вопрос о Снегурочке даже не поднимался — разве можно найти лучшую Снегурочку, чем Алечка Щербакова? В школе она также сначала играла Снегурочку, потом в театральных постановках доводилось играть и Джульетту, и Виолу, и всевозможных Оль и Ир из нехитрых пьесок, написанных учителем литературы. Правда, с возрастом Алькина красота несколько померкла: чудо-девочка переросла свою красоту и из ангела Алька превратилась в обычную девочку, не выделяющуюся из толпы замечательной внешностью. Однако восхитительный Алькин голос остался. Больше того, с возрастом она научилась им правильно пользоваться, модулировать, да и сам голос окреп и мог из самого бесчувственного чурбана выжать слезинку умиления. В общем, и в детском саду, и в школе Алька была звездой. И будущее ей прочили очень даже знатное. И выросла Алька в полной уверенности, что быть ей звездой номер один на широких российских просторах, а если особенно повезет — то и стать не последним человеком в мировом шоу-бизнесе.

Однако было одно маленькое "но". В свое время родители, ослепленные успехами дочери, не озаботились отдать чудо-девочку в музыкальную школу. Вернее, мать отвела было ребенка на вступительные экзамены, и Альку приняли безоговорочно, но… За школу нужно было платить двадцать пять рублей в месяц, а вырвать такую сумму из скромного семейного бюджета для Щербаковых было довольно болезненно, и родители решили, что поет Алька замечательно и без музыкальной школы, и вряд ли педагогам удастся научить ее петь еще лучше, а, стало быть, ни к чему тратить деньги на такое пустое занятие. И осталась Алька без музыкального образования.

С обычным образованием тоже было не совсем здорово. Характер у Альки был, как у самой настоящей звезды — капризный и вздорный. Заставить ее штудировать учебники было занятием абсолютно бессмысленным. На все укоры родителей за тройки и даже двойки в дневнике Алька отвечала: "А зачем мне эта дурацкая математика (физика, химия, биология и т. д.)? Она мне не поможет петь лучше, только помешает. Если я буду

зубрить всякую фигню, я не смогу запомнить все песни!" Сказать, что родители принимали такие объяснения плохой успеваемости, нельзя, однако поделать что-либо с гонористой дочерью они не могли. Учителя, признавая бесспорный Алькин талант к пению, выше троек в четверти все равно ей не ставили. Конечно, Аля Щербакова — местная знаменитость, но терпеть ее многочисленные фортели им давно надоело. А потому на выпускном вечере Алька получила аттестат с единственной пятеркой — естественно, по пению. Остальные тройки.

Это обстоятельство Альку лишь позабавило — ха, подумаешь! нужны мне ваши пятерки! А и правда, зачем будущей звезде отличный аттестат? Она прекрасно споет на вступительных экзаменах и с тройками. Разве кто-нибудь останется равнодушным к ее голосу?! Не остались. Однако конкурс документов Алька проиграла с треском.

Любящая мама ходила к директору местного музыкального училища, назойливо совала ему под нос Алькины почетные грамоты да дипломы смотров художественной самодеятельности. Тот снизошел, прослушал Альку еще раз и принял ее, как вольную слушательницу.

Казалось бы — вот она, удача! Хватай за хвост и держи покрепче, пока к другому не улизнула. Ан нет. Оказывается, в училище нужно не только петь, там нужно еще и учиться. Теперь уже никто не требовал от Альки штудировать химию с биологией. Зато теперь на нее наседали еще похлеще — теория музыки, гармония. Ну зачем ей, скажите на милость, теория музыки? Она и без всякой теории великолепно поет! Однако была беда и пострашнее теории. Теорию можно было бы хотя бы вызубрить. Но, кроме остальных "лишних" наук, на бедную Алькину голову выдумали какое-то дурацкое сольфеджио, а что это такое, так и не вдолбили в ее бедную голову. Подавляющее большинство студентов имели за плечами музыкальную школу, а стало быть, хотя бы мало-мальски разбирались в этой странной науке. Для Альки же сольфеджио превратилось в голгофу. Целый месяц она всеми силами пыталась въехать в эту науку, старалась догнать сокурсников, знакомых с сольфеджио несколько лет. Однако долго заниматься одной проблемой Алька не умела, и как итог — недопущение к первой же сессии. Плакало ее музыкальное образование…

Собственной филармонии в Арзамасе не было. Была лишь более чем скромная организация Арзамас-концерт, которая ведала, в-основном, гастролями полусамодеятельных коллективов по волжскому захолустью. Но и там Альку не ждали — все коллективы были укомплектованы, и доморощенная звезда

эстрады оказалась никем не востребованной.

Помыкалась Алька годик без работы и без учебы. Выступать теперь было решительно негде и абсолютно не перед кем. Ведь всю свою жизнь она пела то для коллектива детей и родителей родного садика "Чипполино", потом — во благо и за честь не менее родной школы N 27. Теперь же никто не выставлял ее своеобразным флагом учебного заведения, никто не отправлял ее на конкурсы самодеятельности. И Алька вынуждена была поступить хоть куда-нибудь, лишь бы и дальше иметь возможность выступать. Однако ее аттестат сгодился только в одном из самых непрестижных училищ города — педагогическом, или, как его называли в народе — "Педулька". Да и то только из-за хронического недобора учащихся.

Два года пролетели незаметно. Иногда, впрочем, довольно нечасто, Альке доводилось выступать на самодеятельных подмостках. Однако училище принимало участие в подобных конкурсах крайне редко. Гораздо чаще оно почему-то участвовало в строительных работах домостроительного комбината. Странное "хобби" учащихся педучилища объяснялось просто — директриса училища была дамой незамужней, много лет находящейся в состоянии перманентной охоты на мужа. Кандидатом номер один как раз и являлся заместитель начальника управления домостроительного комбината. Правда, он был пока еще женат, но директрисе так хотелось добиться, наконец, статуса замужней дамы, что она всеми правдами и неправдами помогала любовнику управиться с планом и получить премию. А он, подлец этакий, все не разводился и не разводился. Зато помощь в виде студентов принимал охотно.

Белоручка Алька повыпендривалась было со своим маникюром, мол, я не в строительное училище поступала, а в педагогическое, вот и учите меня педагогике, да одумалась, когда в ее присутствии директриса отдала распоряжение секретарше немедленно напечатать приказ об отчислении Щербаковой из училища по причине плохой успеваемости. Вздыхала про себя, страдала, но на стройку ходила, как положено. Вот только из вредности старалась отомстить противной директрисе и каждую обоину клеила по возможности криво или с морщинами. Но постепенно так насобачилась в этом деле, что бумажные ленты сами собой укладывались на стене, как вторая кожа.

И была уже Алька почти довольна своей жизнью, почти уже позабыла школьные свои амбиции, но с неотвратимой угрозой надвигались госэкзамены и распределение. В городе по обыкновению оставляли только обладателей красных дипломов, к числу коих Альку причислить было невозможно никоим образом.

И по всему светило чудо-девочке распределение в глухомань, в какую-нибудь занюханную Манзовку учителем начальных классов. И избежать этой кары небесной можно было только при помощи замужества.

Время припекало, а кандидата в мужья все не находилось. Внешность у Альки теперь была довольно заурядная. Правда, фигура не подкачала — стройная и в меру высокая. И волосы по-прежнему были Алькиной гордостью. Уже не такие белые, как в детстве, но все же довольно светлые, цвета спелой соломы, густые и тяжелые. Такие тяжелые, что натуральные кудряшки ныне превратились из мелких барашков в крупную волну. А лицо… Ну что ж, невыразительное лицо — это не так уж и страшно. Главное — не уродина. А на помощь невыразительности всегда придет косметика, главное уметь ею пользоваться. Стала же американская актриса Ким Бессинджер звездой и секс-символом Голливуда со своей более чем скромной внешностью! Фигура, волосы — да, этого у нее не отнять. Но лицо… Маленькие поросячьи глазоньки с коротенькими и довольно жиденькими ресничками неизменно вызывали в Альке чувство жалости к признанной мировым сообществом звезде. Ее же, Алькины глазки, хоть и нельзя было назвать поэтически "голубыми озерами", но и такими крошечными и невыразительными не были. Так что, когда нужно было, Алька научилась выглядеть довольно-таки эффектно. Это в особо парадных случаях. А в основном она лишь слегка подкрашивала рыжеватые реснички и чуть подчеркивала форму бровей. После таких нехитрых женских уловок она выглядела пусть не ярко, но и бледной молью уже не казалась. Однако женихов на горизонте все равно не наблюдалось.

Однажды подружка Рита пригласила Альку на концерт симфонической музыки. Классику Алька упорно не любила, и отнекивалась, как могла. Однако согласиться пришлось — были у Риты определенные обстоятельства, ради которых Альке пришлось ей уступить. Рита, в отличие от нее, была из чуть более благородного семейства, нежели Алька, и могла время от времени позволять себе некоторые материальные блага. Такие, например, как купить понравившуюся кофточку, не скандаля с родителями, или пообедать раз-другой в неделю не в студенческой столовке-тошниловке, а в кафе при институте культуры, где и училась на факультете режиссуры народных театров. И как раз накануне она там и обедала в обществе двух однокурсниц, но те поели слишком быстро и убежали по своим делам, бросив Риту одну за столиком. Та спешно дожевывала бифштекс, обиженная на подлых подруг — разве может интеллигентная девушка обедать в людном месте в полном

одиночестве? Это же неприлично! А кафе действительно было полнехонько, и единственные свободные места оказались как раз за Риткиным столиком. Стоит ли удивляться, что официантка тут же подсадила к ней двоих совершенно посторонних мужиков. От возмущения Рита даже подавилась. О, это был форменный ужас — подавиться среди чужих людей! Бедная Рита кашляла-кашляла, думала, конец ей пришел, да один из пришлых похлопал нежно по спинке, поднес стакан с минералкой и захлебывающийся кашель постепенно успокоился, одни слезы в глазах остались. Уж как там Ритка краснела, как бледнела, а то ли пожалели ее мужики, то ли и вправду понравилась одному из них, но пригласили они ее на завтрашний концерт симфонической музыки, и пойти ей туда хочется, так как мужички-то не из зрителей, мужички-то — шутка сказать! — московские музыканты, гастролеры, а одной идти вроде как неудобно, да и стыдно до сих пор за кашель истерический…

Как было не спасти подругу? Наведя праздничный марафет, подружки появились, как и было договорено, в полседьмого вечера у служебного входа в Зал Органной Музыки. Вернее, это он так громко назывался, а на самом деле органа там никогда в жизни и не было. Это проектировщики задумали устроить в Арзамасе такое крутое музыкальное заведение, а орган после открытия Зала так и не привезли. И теперь в Зале Органной Музыки проводились концерты музыки классической. Бывали вечера скрипичной музыки, камерной симфонической, или фортепиано с оркестром. В общем, концерты того, что Алька категорически не любила, а потому и не бывала ранее в этом Зале. И сейчас, направляясь к служебному входу, внутренне содрогалась — как же ей высидеть полтора часа этой нудоты?

У входа их уже ожидали двое парней не слишком атлетического сложения. Да и красавцами в полном смысле слова назвать язык не поворачивался. Правда, уродами они тоже не были — так, ни то, ни се. Один был очень среднего роста, скорее, ближе к маленькому, черноглазый и черноволосый, немножко похожий на кавказца. Второй был повыше, но очень худой, такой же рыжеватый, как и Алька. Рыжие брови и ресницы терялись на лице, и парень несколько походил на таракана-прусака. Маленький оказался Иваном и совсем не кавказцем, а очень даже напротив — виолончелистом. Рыжий — Александр и по совместительству скрипач. И, так как на Риту запал именно Иван, то Альке пришлось довольствоваться обществом скрипача. Да и то сказать, недорослый Иван росточком едва дотягивал Альке до макушки. Хорошо бы они смотрелись вместе! Нет уж, лучше пусть будет Таракан — по крайней мере, не будет снизу в ее глаза

заглядывать, как будто милостыню просить…

Скучно ли, весело ли, но концерт девчонки отсидели. Ну а уж по окончании концерта, как водится, последовало "неофициальное" продолжение. Сказать, что обеим понравились ухажеры — очень и очень преувеличить. Совсем не понравились. Зато ведь москвичи! А это мало того, что давало в перспективе возможность устроиться в Москве, но и в первую очередь дарило Альке надежду отлынуть от отработки диплома в какой-нибудь Наздрапетовке. А потому имело смысл с Александром подружиться…

И "дружили" они всю ночь. Худой и бледный Александр оказался к такой "дружбе" весьма и весьма охочим. Альке, правда, близость с ним особой радости не приносила, но и откровенного отвращения к кавалеру она тоже не испытывала. Правда, большого опыта в любви Алька не имела, но пару-тройку кульбитов в постели уже провела, так что сравнивать московского гостя было с кем. Однако сравнение не принесло ни позитивных, ни негативных результатов. То ли ей до сих пор крупно не везло, то ли сама она была какая-то недоделанная, но восторга от плотской любви ей испытать пока не довелось. Не удалось ввести ее в состояние экстаза и Александру. Неопытная в постели, однако не последняя дура по жизни, Алька догадалась не сообщать об этом факте партнеру. Больше того, она всю ночь охотно подыгрывала Таракану, как нарекла его при первом же взгляде. И где только научилась — неизвестно, а может и сама, женскими инстинктами догадалась, однако страсть изображала более чем убедительно. Уж как сладко постанывала, уж как извивалась под худющим нескладным музыкантиком, как высокохудожественно выгибала спинку, выставляя знаменем скромную девичью грудку — в общем, заводила вполне профессионально. Александр и сам признался под утро, что никогда еще ему не удавалось продержаться в постели до утра в полной боевой готовности. Ах, каким гордым он выглядел от осознания своего мужского подвига!

Три дня и три ночи подарила Алька Таракану. Не бескорыстно, конечно. Правда, Таракану об этом знать было не положено, и Алька умело играла любовь. Вот тут-то ей и пригодился театральный опыт. И, видимо, актрисой она была действительно талантливой, потому что Сашкино восхищение ею росло на глазах, и он даже не пытался его скрывать. Еще бы ему было не влюбиться — с кем еще, кроме Альки, он чувствовал бы себя настоящим половым гигантом? Судя по всему, раньше за собой таких талантов он не наблюдал, да и, похоже, не слишком-то был избалован женским вниманием. А тут довольно

хорошенькая девчонка, а в постели — так просто королева! Да еще и из него делает не короля даже, а самого что ни на есть императора!

Алька же вцепилась в Александра мертвой хваткой. Это был ее шанс, тот самый, который случается один раз в жизни, и упустить его — значит, не познать ей успеха до конца дней. Во-первых — москвич. Одно это обстоятельство превращало его из хилого невзрачного Таракана в суперсимпатягу и более чем завидного жениха. Во-вторых — музыкант! И как иначе, скажите на милость, воспринимать этот факт, если не подарком судьбы? Это же трамплин к ее, Алькиному, успеху на эстрадном поприще! Именно он, смешной неуклюжий любовник, став мужем, выведет ее в люди! Ну а уж потом, когда Алька станет звездой, тогда и найдет себе более подходящего спутника жизни. Что ж, придется пожертвовать его чувствами, как это ни подло. А что еще ей остается делать? Ведь без него она даже в Арзамасе остаться не сможет, придется ехать в какой-нибудь Задрюпинск!

…Таракан уехал. Без Альки. Но она не слишком переживала по этому поводу — куда он денется с подводной лодки?! Нигде он больше не найдет не то что лучше ее, а даже ее бледную копию. Волновало только одно — неумолимо приближался выпуск, а она все еще не имела заветного штампа в паспорте.

Однако звонки от влюбленного музыканта начались буквально через два дня после отъезда. Алька и по телефону умело играла дикую влюбленность. Голос ее дрожал и плакал, когда она произносила: "Сашенька, это ты?" Иногда, напротив, приветствовала сухо, почти враждебно: "А-а, это ты? Прости, мне некогда". Игралась в лед и пламень, дабы не надоесть сладостью и не оттолкнуть постоянной холодностью. Опять же неплохо поиграть немножко на струнах ревности, дабы знал, что и без него от женихов отбою нет, а она, мол, глупая, отдает предпочтение ему, ничем этого предпочтения не оправдывающему. Звонки были регулярными, но безрезультатными. Насчет "поговорить" у Таракана получалось довольно живенько, а вот на большее он пока не решался. Но Алька же не могла ждать!

Через три недели после его отъезда Алька отважилась на решительный разговор. На приветствие любовника ответила тихо, словно не зная, как с ним разговаривать. Не было в ее голосе ни холода, ни жара, одна только сплошная неуверенность и растерянность. Через пару минут разговора ни о чем, собственно, не разговора даже, а, скорее, монолога, Александр понял, что что-то не в порядке:

— Аленький мой, что-то случилось?

Алька помялась немного, потом тихонько, еще более неуверенно, чем раньше, ответила:

— Нет, Саш, с чего ты взял? У меня все в порядке…

Но вложила в это "все в порядке" столько чувств, что у глухого сердце бы выскочило из груди от сострадания.

— Аленька, я же чувствую, ты что-то от меня скрываешь!

Алька выдержала актерскую паузу в духе Станиславского, потом, буквально всхлипывая, ответила упрямо:

— Нет, Сашенька, все в порядке…

Таракан разволновался не на шутку:

— Аля, Аля, где ты, я тебя не слышу! Алё! Алька, милая, что случилось?! Я же чувствую — что-то не так. Аленька, ответь пожалуйста, не молчи, только не молчи!

Алька помялась еще минутку, потом почти шепотом ответила:

— Саш, мы, наверное, больше не сможем перезваниваться. Меня отправляют в Галёнки…

— Какие еще Галёнки? Что это такое?

Уже откровенно всхлипывая, Алька ответила:

— Это село, это такое село… И там два телефона на всю деревню, и те — один в сельсовете, другой у председателя колхоза. Ты мне хоть писать будешь?

И в трубке раздались душераздирающие рыдания. Александр пытался сквозь них прорваться:

— Как же это, как же так, Алечка? Аленький мой, успокойся, не плачь, маленькая моя…

Алька же все рыдала в голос, потом вдруг рыдания ее стихли, и она сказала сухим, неживым голосом:

— Прощай, Саша. Мы больше никогда не увидимся. Но я хочу, чтобы ты знал: я ни о чем не жалею. Это были самые лучшие дни в моей жизни. Ради этого стоило родиться. Спасибо тебе, Саш. И будь счастлив! И, если тебе было хоть наполовину так же хорошо, как и мне, вспоминай меня иногда.

— Аленька, что ты такое говоришь? — попытался было перебить словесный поток Александр, но его голос утонул среди Алькиного монолога.

— … никогда не забуду тех дней. Хотела бы, да не смогу — напомнят, — горько усмехнулась Алька чему-то своему.

— Кто напомнит? О чем? Аленький, я тебя совсем перестал понимать. О чем ты говоришь?

— Это я так, тихо сам с собою… Не обращай внимания. А может, и некому будет напоминать — там, в тех Галёнках, поди, никаких условий нет, так что все еще может закончиться благополучно для нас обоих…

Таракан совсем потерял нить разговора. Помолчал немножко, ожидая хотя бы короткой паузы в странных речах собеседницы. Дождавшись, вставил:

— Аленька, может, я позже тебе перезвоню, когда ты успокоишься? Я совсем не понимаю, о чем ты говоришь. Для кого не будет условий для напоминаний? И напоминаний о чем? Аль, ты какая-то странная сегодня. Давай я завтра перезвоню.

Алька вновь усмехнулась:

— Давай. Только не знаю, застанешь ли ты меня здесь. Мне еще много бумаг нужно оформить, да за билетами ехать, да вещички собирать пора, да и в больничку не мешало бы сходить — там у них один доктор-коновал на все село…

— В какую больничку, — встревожился Саша. — Ты заболела? Господи, да какие могут быть Галёнки с твоим здоровьем?!

— Я здорова, Саш. Абсолютно здорова. И ты здоров…

— Не понял?

— У тебя, Саш, с мужскими гормонами все в полном порядке. Это я тебе на будущее говорю, если кто-то будет утверждать, что ты не можешь иметь детей. Просто так, на всякий случай. Чтобы никто не смог тебя обмануть. А за меня ты не переживай — я сама виновата, мне и отвечать за ошибки. Но я все равно не жалею, мне было очень хорошо с тобой. И я хочу этого ребенка, я буду любить его, как тебя. Он не позволит мне забыть о наших трех днях. Все, Саша, будь счастлив. Прощай, — и безжалостно повесила трубку. Все, концерт окончен. Она свою арию исполнила даже лучше задуманного.

***

Стоит ли говорить, что уже через два дня Александр примчался в Арзамас спасать любимую от омерзительных Галёнок. Через неделю Алька была уже в Москве. К неописуемому ее восторгу выяснилось, что Таракан — мало того, что столичный житель и музыкант, оказывается, он еще и единоличный обладатель двухкомнатной квартиры! Квартирка, правда — так себе, довольно средненькая, да и район совсем не центральный, скорее, очень даже наоборот, какое-то Новогиреево, зато ведь Москва! А все остальное — так, мелочи жизни.

Вскоре у Альки от перемены климата "произошел выкидыш". Произошел он почему-то тогда, когда Саша был на очередных гастролях, так что застал несчастную Альку дома уже небеременную и всю в слезах. Не успел раздеться, как она заявила ему с порога:

— Я уезжаю!

Кинулся к ней:

— Что случилось, Аленький? Куда это ты собралась? — кивнул на одинокий чемодан в углу прихожей.

Со слезами в голосе та ответила:

— Не хотела уходить без тебя, это было бы несколько подло. Но мне больше нечего здесь делать. Ты ведь увез меня сюда только из жалости, из-за беременности. Ты просто слишком порядочный, вот и поступил, как совесть велела. А теперь мне здесь делать нечего — кончилась моя беременность, рассосалась, — и разрыдалась безутешно, словно вырвались наружу давно скрываемые слезы.

Саша принялся, как мог, успокаивать любимую. Хотя сказать, что расстроен потерей ребенка, он бы не смог — попросту не отважился бы так нагло соврать. Это известие его скорее обрадовало, так приятно было почувствовать свою шею вновь свободной. Однако Алька так безутешно рыдала на его плече, да к тому же чемодан назойливо попадался на глаза, красноречиво напоминая об Алькином намерении вернуться в Арзамас, что вместо вздоха облегчения он почти естественно изобразил печаль о несбывшемся отцовстве. Утешал Альку, а сам метался внутри себя, разрывался между желаниями выпроводить скорее неожиданную обузу домой, и уговорить ее остаться с ним навсегда. Одному-то оно, конечно, спокойнее, не надо ни перед кем отчитываться, не надо брать на себя ответственность за чужого в принципе человека. С другой стороны, ему так хорошо было с Алькой, так приятно сознавать собственную значимость в мужском и общечеловеческом плане. Вернется Алька в свой Арзамас — и что? Кому он будет нужен? Это раньше он не слишком страдал от отсутствия рядом особей женского пола, чувствовал себя вполне счастливым, если раз-другой в месяц удавалось склонить к интимным отношениям особо одинокую девушку лет так слегка за тридцать, не помышляя о серьезных отношениях. А Алька словно открыла для него иной мир, раскрыла ему глаза на самого себя. Ведь именно с ее подачи понял, какой он, оказывается, крутой любовник, как запросто может раскочегарить любую бабенку, да так, что та будет пищать и плакать от восторга, и просить о продлении удовольствия. Да от мыслей о собственной значимости получал в постели такой кайф, как ни от одной бабы до сих пор. Алька, конечно, хороша, но не до такой степени, чтобы затмить любование самим собою, упиваться открывшимся вдруг могуществом самца, заставляющего самку содрогаться в конвульсиях от экстаза. Это чувство пьянило так, как ничто другое, и жить теперь без него Александру совсем не хотелось. Хотелось, наоборот, еженощно

получать подтверждения своих недюжинных способностей, необъятного мужского потенциала. И одна Сашкина часть была почти что счастлива оттого, что Алька уедет и он станет совсем свободным, и сможет распространять свои умения на многих других прелестниц. И уже не только от Альки будет получать подтверждение своей мужской состоятельности, но и от других страждущих дам. Другая же половинка почему-то содрогалась от мысли об Алькином отъезде. А ну как силен-то он только с нею? А ну как без нее вновь превратится в то существо, кем был до совсем недавнего времени? Полным ничтожеством он, конечно, никогда себя не считал, но глубоко внутри прекрасно знал себе цену, благо, в зеркало смотрелся не по одному разу на день. Да и, чего там, до двадцати семи лет не довелось увидеть восхищения ни в одних женских глазах, кроме Алькиных. А потому здравый смысл возобладал над непомерной мужской гордыней и Александр стал уговаривать Альку остаться. Однако не так легко было заставить ее отказаться от своих планов. Выслушав любезное приглашение остаться, та уверенно встала с дивана и направилась в коридор, к родному чемодану:

— Нет, Саша, ни к чему это. Я ведь прекрасно понимаю, что ты меня не любишь, а в Москву забрал сугубо по причине крайней порядочности. Я-то в ней, как раз, и не сомневалась, потому и не хотела тебе говорить о беременности. Спасибо тебе за все, и за предложение, и за то, что от позора спас, но теперь меня ничто здесь не держит. Не хочу я семью строить на твоей жалости. Да и не семью ты мне предлагаешь, сожительство, гражданский брак. Ты ведь даже беременную меня в жены брать не хотел, теперь же я тебе даром не нужна. Нет, Саш, ты москвич, талантливый музыкант, ты просто потрясающий мужик и я счастлива, что ты был в моей жизни, правда, счастлива. А кто я? Так, девочка из Арзамаса. Педагог недоделанный. К тому же скоро даже этот диплом будет недействительным, ведь я не явилась к месту отработки по распределению, а штампа в паспорте, освобождающего от этого, у меня нет. К тому же ты еще и обладатель отдельной квартиры в Москве, что делает тебя совсем уж недостижимым для меня женихом. Нет, Саш, поеду я. Если останусь — уважать себя перестану, да и ты тоже. Не хочу, чтобы ты всю жизнь думал, что я на квартиру твою позарилась, на прописку московскую. Не пара я тебе, Саш. Ты парень видный, так что один не останешься. А насчет постели я и вообще молчу… За такого мужчину любая не пойдет — побежит. А я не хочу быть тебе обузой…

Александр, молча выслушавший весь монолог, при словах о постели, о том, какой же он все-таки в ней волшебник и просто

ненасытный мужик, встрепенулся и почувствовал, что таки да, таки действительно ненасытный, а ведь за десять дней гастролей так ни с кем и не сподобился, как-то неудобно было Альке изменять, да и не хотелось ни с кем другим, а сейчас она возьмет да и уйдет, а он так и останется, несолоно хлебавши… Надо ж перед отъездом хоть разочек того, как бы покультурнее выразиться… в-общем, чтоб потом приятно было вспоминать сцену прощания. Подхватил Альку на руки и давай тянуть ее в спальню, на узкую кровать-полуторку, мало приспособленную для двоих. Однако Алька, вопреки обыкновению, не обрадовалась внезапному пылу, стала брыкаться, вырываться из объятий худющего Ромео:

— Нет, Саша, нет! Ты совсем сдурел с голодухи?! Мне нельзя, я же только вчера из больницы выписалась! Прекрати, поставь меня!

При упоминании о больнице Саша быстро остыл. Да, конечно, как же он не подумал? Действительно нельзя. Бедная девочка и так настрадалась, там же сейчас сплошная живая рана…

— Прости, Аленький, я не подумал. Прости, родная. А когда можно будет?

— Не раньше, чем через месяц, — ответила Алька, одергивая короткую юбчонку.

Александр вздохнул тяжко:

— Как долго…

Алька усмехнулась:

— Не переживай, это только мне нельзя, тебе-то можно. Я вот сейчас уеду, и тебе сразу будет можно…

***

Свадьбу сыграли через два месяца после "выкидыша". Самое смешное, что Саша выглядел на ней гораздо более счастливым, чем Алька. За два месяца он столько дум передумал, и пришел, наконец, к однозначному выводу — лучшей жены, чем Алька, ему не найти. Только она одна видит в нем красавца, только с ней одной он такой неутомимый любовник. На очередных коротеньких гастролях он таки воспользовался возможностью и проверил действие своих чар на других женщин. Оказалось, Гераклом его воспринимает только Алька. Только она одна так сладко стонет, так страстно выгибается в его руках, только с ней одной он круглосуточно "готов к труду и обороне". Да и, чего уж там, сам возбуждался только в ее присутствии, только от ее восхищенного взгляда, только от ее нежных прикосновений. Радовало Александра и то обстоятельство, что замуж за него Алька пошла сугубо по любви, не имея за пазухой ни малейшего

расчета. Это другие мужики попадались на хитрые женские уловки, это чужие жены выходили замуж сугубо за квартиру и московскую прописку. Его же Аленька сама так и сказала — не нужна, мол, мне твоя квартира, и прописка московская не нужна. А раз не за квартиру-прописку выходит, стало быть, любит.

Первое время после свадьбы Саша не задумывался о прибавлении семейства. Им и вдвоем было хорошо, зачем им пеленки-распашонки? Вот если бы не случился тогда у Альки выкидыш, никуда бы они не делись, пришлось бы возиться с малышом. Ну а на нет, как говорится, и суда нет. Однако время шло, стаж семейной жизни перевалил уже за два года, а беременности у Альки никак не наступало. В принципе, Александра пока это не слишком тревожило, но вообще-то периодически он уже задумывался о том, что весьма неплохо было бы передать кому-то фамилию Утицкий, ведь Алька почему-то решительно отвергла его настоятельные просьбы и осталась Щербаковой.

Алька после свадьбы сильно изменилась. Не сразу, совсем постепенно, так что перемен Саша вроде как бы и не ощутил, просто в один прекрасный день обнаружил, что жена у него — страшная лентяйка, категорически отказывающаяся работать. Более того, валяясь целыми днями на диване перед телевизором, не могла заставить себя выйти в магазин за продуктами. Уборку она ненавидела больше всего на свете, из всех домашних дел со скрипом позволяя своим нежным ручкам разве что помыть посуду да изредка почистить картошку. Готовить пищу Александру приходилось самостоятельно, так как продукты он покупал по дороге домой, а к его приходу Алька обычно увлеченно следила за перипетиями очередной мыльной оперы, так что приходилось кормить не только себя, но еще и жену-нахлебницу.

В постели Алька тоже изменилась. Ныне она уже не была так пылка и ненасытна, уже не пищала от восторга в его объятиях. Вернее, она-то попискивала, а если еще вернее, то постанывала, но как-то не очень восторженно и уж совсем неубедительно. И все чаще ей стало хватать одного сеанса любви за ночь против нескончаемых любовных игр в недавнем прошлом. И теперь уже Александру приходилось уговаривать жену заняться любовью и после долгих уговоров довольствоваться быстрым незатейливым сексом.

Однако по натуре Александр оказался очень привязчивым человеком. Сначала он, может, и не любил жену, вернее, любил ее только в постели, зато теперь, все реже получая удовлетворение в постели, стал любить ее и душой. А может, и не любовь то была, а простая человеческая привязанность, суть привычка, — кто знает?

Может, и так. Только видеть на Алькином месте другую женщину ему не хотелось категорически. Ни в постели, ни на диване перед телевизором, ни на кухне.

***

Алька была разочарована. Не такой ей представлялась жизнь в столицах. Вместо блистания в свете — нескончаемое сидение на диване перед телевизором. Сколько раз пыталась выбить из любящего супруга помощь в музыкальном плане: мол, ты же крутишься среди музыкантов, помоги мне, устрой к кому-нибудь сначала на подпевки, а потом мой талантище непременно заметят, и быть тебе мужем не домохозяйки, но звезды! Однако Саша упорно не замечал в жене певческих данных. При всем своем музыкальном образовании и абсолютном слухе не почувствовал ее таланта. Больше того, всякий раз, застав жену за пением в ванной, непременно замечал, что поет она действительно неплохо, но голос у нее довольно заурядный, и даже кое в чем банальный, а потому идеально подходит разве что для хорового пения. Алька обижалась, старалась не петь при муже, а про себя все больше убеждалась в том, что никакой он не талантливый музыкант, раз не слышит ее выдающихся способностей, скорее всего, сам совершенно случайно затесался в мир музыки, а оттого и не хочет ей помочь, заранее ревнуя к ее будущей славе.

Сама пыталась несколько раз пробиться на прослушивание, но, убедившись в отсутствии музыкального образования, от доморощенной певицы отмахивались: "Ой, девушка, у нас своих талантливых хватает, не знаем, куда девать, и, заметьте — образованных. А у вас какой диплом? Педучилище? Так идите, деточка, в детский сад и воспитывайте подрастающее поколение". В той или иной интерпретации, но везде Алька слышала один ответ. Так что очень скоро гонору у нее поубавилось, равно как и уверенности в собственном таланте. И, в очередной раз нарвавшись на отказ, Алька возненавидела свой голос. Больше она не пела.

Устраиваться же работать воспитателем Алька не спешила — это от нее никуда не денется. И никогда никому не признавалась, что детей она не то, что не любит, а просто катастрофически терпеть не может, и не только чужих, но и своих собственных. А потому в интимной жизни вела тщательнейший подсчет опасных дней, предохраняясь в эти дни нехитрыми народными способами: то хозяйственным мылом, то таблеткой аспирина, то кусочком лимона. Хитрые-нехитрые, а положительный эффект от их применения Алька наблюдала уже четвертый год. Правда, с

мужем на эту тему не откровенничала, и на его недоуменные восклицания по поводу очередного ненаступления беременности отвечала: "Ах, дорогой, наверное, мне что-то там повредили тогда, когда сорвалась первая беременность, а может, климат для меня не подходящий — я ведь в прошлый раз залетела в Арзамасе". Саша глотал ее объяснения с грустным видом и тут же в очередной раз приступал к исправлению ошибок докторов или самой природы.

Его бесконечные интимные притязания уже давно тяготили Альку. К ее сожалению, Сашкины постоянные упражнения на данном поприще по-прежнему не приносили ей ни малейшей радости. Попервости она еще надеялась, что рано или поздно ее организм проснется, научится получать удовольствие от плотской любви, старалась доставить радость мужу, ожидая, что и сама почувствует какую-нибудь приятность от этого, но время шло, а женская натура в ней никак не просыпалась. И винить в этом своего Таракана она не спешила — при чем тут он, вон как старается, бедолага, а толку чуть. Нет, Сашка тут явно ни при чем, это ее, Алькины, проблемы. Это с ней что-то не так…

2

Алька покрутилась, повертелась сбоку на бок, пытаясь заснуть. Тщетно. Солнышко светило ярко, пробивая даже плотные темные гардины; глупые птицы радовались чему-то птичьему так громко и весело, суетились чего-то. А голуби вообще обнаглели — устроили важное заседание на жестяном карнизе под самым Алькиным окном, и мало того, что гулили громко и навязчиво, так еще и топтались без конца на месте, царапая жесть острыми коготками, раздирая при этом сердце и нервы бедной Альке отвратительным скрипом, как будто конспектировали протокол собрания гвоздем на стекле.

Нет, заснуть уже не удастся. Злая, аки лев рыкающий, Алька подскочила к окну и рывком распахнула шторы. Голуби сорвались с места, встревоженно хлопая крыльями. Алька удовлетворенно ухмыльнулась:

— То-то, будете знать, как меня будить, — и пошла умываться.

Проходя мимо зеркала, привычно взглянула на свое отражение. Какое-то оно сегодня получилось нечеткое, слегка расплывчатое. А-а, она же не выспалась, это глаза еще не сфокусировались, как положено. Вот сейчас она умоется, и, как обычно, начнет расчесывать свои шикарные волосы перед зеркалом. Как всегда — двадцать раз в одном направлении, двадцать раз в другом. Это был ежедневный утренний ритуал.

Алька могла не пользоваться косметикой, могла месяцами не делать маникюр — зачем, ведь она совсем не выходит из дому. Но за волосами следила строго и тщательно. До недавнего времени у нее было две гордости — голос и волосы. Теперь остались только волосы. И уж тут Сашке никак не удастся ее убедить, что и волосы у нее обычные, так сказать, массового выпуска, "хорового пения". Правда, с этим ремонтом она о волосах почти позабыла, все времени не хватало на уход за ними. Но ничего — ремонт остался позади, теперь самое время наверстать упущенное.

Румяная после умывания, Алька подошла к зеркалу с массажной щеткой в руке, занесла уже было руку к волосам и привычно улыбнулась своему отражению. Однако отражения почти не было. Вместо улучшения фокуса произошла, напротив, какая-то грубая разбалансировка. Отражение еще больше покрылось странным туманным маревом, вроде кто-то вошел в хорошо натопленную избу с пятидесятиградусного мороза. Но на улице-то — конец мая! И кроме Альки в квартире никого нет, так что никаких помех нормальному отражению не должно было возникнуть. Но они возникли. Алька ахнула:

— Зеркало поломалось! Надо же… Ведь только вчера повесили.

Алька была не совсем права. Зеркало не было новым, и висело в этой квартире задолго до Алькиного в ней появления. Но на время ремонта его сняли со стены, где оно провисело много лет. Надо сказать, что квартирка была довольно скромных размеров, и раньше из-за зеркала нельзя было использовать место в углу, куда хорошо монтировалась стиральная машина. Конечно, машине место не в коридоре, а в ванной комнате. Но это в нормальных домах в нормальных странах. У нас же только в последние годы стали строить более-менее просторные ванные, куда можно было бы поставить пусть не самую большую, но хотя бы средних размеров стиральную машину. Альку же Саша привел в старую хрущевку с раздельным санузлом, и в ванной не то что машинку, даже корзинку для грязного белья поставить было решительно некуда. Вот и придумала Алька повесить зеркало на дверь маленькой кладовки, а на его прежнее место поставить стиралку.

Кладовка же, в которой находился какой-никакой инструмент, гвозди там разные, отвертки-плоскогубцы, мотки медной проволоки да старая обувь, которую уже давно не носили, а выбрасывать почему-то все равно было жалко, выходила дверью как раз на окно гостиной. И сейчас, когда солнышко светило ярко-ярко, его лучи прямиком попадали на зеркало. По идее, они должны были бы отражаться в нем, но они, напротив, в нем

тонули. И вместо света в зеркале мутилось что-то непонятное, и оно все время уплотнялось, и прямо на Алькиных глазах совсем перестало походить на зеркало. Теперь это выглядело, как поверхность озера или моря в пасмурную безветренную погоду, только вертикальную: такое же темное и глубокое, и точно также покрытое мелкой рябью волны. Сходство с водой было так велико, что Алька инстинктивно протянула к зеркалу руку и "окунула" ее в марево, ожидая ощутить мокрую прохладу. И она действительно почувствовала прохладу, но не мокрую, а, скорее, какую-то вязкую, возможно, даже липкую, как будто нечаянно влезла в тарелку с недозастывшим желе. Алька в испуге отдернула руку и с удивлением уставилась на нее, ожидая увидеть тяжелые капли желеобразной массы. Но рука была сухая и даже теплая. Все это было так странно, что Алька даже не успела отдать себе отчет, что только что поковырялась рукой в зазеркалье. Она все разглядывала руку, не веря собственным глазам, ведь ощущение прохлады и вязкой субстанции запомнилось очень хорошо, а рука была совершенно сухая и теплая.

Алька не могла оторвать взгляд от зеркала, вернее, от того, во что оно превратилось. Время шло, а "картинка" в зеркале не менялась — оно по-прежнему рябило бездонной глубиной и не отражало ни единого лучика света. Это продолжалось довольно долго, у Альки уже устали непривычные к долгому стоянию ноги. Она придвинула стул поближе к тому, что еще недавно звалось зеркалом, и сидела, тупо глядя в суровую глубину. Было и страшно и любопытно одновременно. Иногда она протягивала пальчик и пыталась погладить неровную поверхность, но пальчик неизменно проваливался в странную желеобразную субстанцию и она, в который раз пугаясь, отдергивала руку и с любопытством разглядывала собственный палец, тщетно пытаясь обнаружить на нем остатки субстанции.

Прошло часа два, когда Алька заметила, что субстанция начинает светлеть, словно с изнанки зеркала появилась подсветка. Оно светлело буквально на глазах, как будто Алька смотрела на воду из быстро приближающегося к берегу катера. Оно уже стало совсем прозрачным, и Алька с нетерпением вглядывалась в него, ожидая увидеть прибрежные камешки со скругленными за миллионы лет водой краями. Однако вместо них постепенно стало прорисовываться ее отражение. Сначала зыбко, как сквозь туман, показалось Алькино удивленное лицо, такое же неверное, как отражение в неглубоком ставке. Постепенно отражение уплотнялось, все больше становясь похожим на нормальное зеркальное отражение, но изредка по

нему все еще пробегала дрожь, как в испорченном телевизоре. И, наконец, еще через несколько минут зеркало ничуть не отличалось от своего привычного состояния.

Алька приглядывалась к нему и так, и этак, гладила руками, пыталась проковырять пальчиком, добраться до той странной глубины, но все ее попытки не принесли удачи — это было обыкновенное стекло, покрытое с изнанки плотным слоем амальгамы. Алька не верила своим глазам — когда они ошибались? Теперь, когда видят обычное зеркало, или тогда, когда на этом самом месте плескалось странное вертикальное море?

До самого вечера Алька крутилась в коридоре, без конца поглядывая на собственное отражение в зеркале. Уже и Сашка пришел с репетиции и готовил на кухне тушеную картошку с курицей, уже подходила к концу очередная серия любимой мыльной оперы, а Алька все не отходила от зеркала. В конце концов Утицкий психанул:

— Да сколько ты можешь любоваться собою? Что-то раньше я за тобой не наблюдал такой страсти к зеркалам.

— Много ты понимаешь, — равнодушно ответила Алька, в очередной раз нежно поглаживая зеркальную гладь.

Ее так и подмывало рассказать мужу о сегодняшнем странном происшествии с зеркалом, да разве Сашка поверит? Покрутит пальцем у виска, скажет: "Ну ты совсем уже умишком поехала, старушка!" Да еще, поди, присоветует на работу устроиться, пока совсем не рехнулась. Нет, явно не поверит. И ничего удивительного. Да разве она сама поверила бы в такое, расскажи ей Сашка подобное? Конечно, нет! Тоже приняла бы за первые признаки умопомешательства. Нет, нельзя ему ничего говорить. Да и было ли это на самом деле? Не привиделось ли от хронической усталости да от недосыпу?

На следующий день Алька подскочила, едва за Сашкой захлопнулась дверь. Она давно уже проснулась, только не хотела афишировать этот факт перед мужем. Начнутся лишние расспросы, а то еще потребует, чтобы она ему завтрак приготовила. Ага, сейчас! Один раз приготовишь — понравится, на завтра войдет в привычку, и тогда все, прощай, вольготная жизнь! Сначала завтрак приготовь, потом рубашку погладь, потом постирай, убери. Вот так бабы и превращаются из любимых (или не очень) жен в обыкновенных домработниц.

Первым делом Алька посмотрелась в зеркало. Из него выглянула довольно бесцветная вялая физиономия со спутанными светлыми волосами. Впрочем, собственное отражение нисколько Альку не расстроило — она давно уже

привыкла ходить дома лахудрой. А и правда, чего ради утомлять лицо макияжем, ногти — маникюром, а волосы — укладкой? Нет, о волосах она, конечно, не забывает, старательно расчесывает по утрам по раз и навсегда заведенному графику. Собственно, на этом уход за волосами и заканчивается. А зачем мучить их красками да бальзамами, зачем мыть лишний раз? Ради кого? Ради Утицкого? Еще чего не хватало! И так перебьется! Куда он от нее теперь денется? Женился — теперь терпи. А не хочешь терпеть — скатертью дорога. Она его держать не собирается. Потребует муженек развода — даст в любую минуту. А вот квартиру — это уж извините, этого Алька никому не отдаст. Она себя ради этой квартиры, можно сказать, в рабство рыжему Таракану продала, до сих пор по ночам расплачивается. Да и вообще это ей впору потребовать от него возмещения морального ущерба за то, что не оправдал ее надежды на звездное будущее. Москва-то, конечно, дело хорошее, но ей что в Москве перед телевизором сидеть с утра до вечера, что в Арзамасе — какая разница? Разве что дома мама с папой на цыпочках перед ней бегали, старались каждую прихоть дорогой дочечки исполнить, а здесь ей самой приходится удовлетворять ненасытные Сашкины прихоти. И когда ж он уже "наестся"-то, кобель рыжий?!

Привычные мысли промелькнули быстро и без особых эмоциональных затрат, ведь думалось об этом по нескольку раз за день, а потому было давно обдумано и обсосано каждое слово. И если в обычные дни Алька могла довольно долго рассуждать на эту тему, то сегодня это было не более чем привычное утреннее занятие, как, например, умыться-расчесаться. Своеобразная утренняя гимнастика. А вот что полностью овладело сейчас ее сознанием, так это то, что зеркало снова ничуточки не отличалось от обычного. Такое же холодное гладкое стекло, такой же скол в верхнем левом углу. Все, как всегда. Никакой ряби, никакого тумана, никакого вертикального моря. Неужели привиделось?! Ну нет же, она же не ненормальная, она же видела собственными глазами и рябь, и туман, собственной рукой ощущала странную желеобразную субстанцию!

Обиженная на непослушное зеркало, Алька пошла на кухню. Сварила кофе и, как была в ночнушке, так и устроилась в глубоком мягком кресле перед телевизором. Как раз начинался повтор вчерашней серии, пропущенной Алькой из-за зеркальных выкрутасов. Потихоньку-помаленьку мыльный сюжет отвлек ее мысли от зеркала, и она полностью окунулась в сериальные страсти. От ящика смогла оторваться только тогда, когда по экрану медленно поползли титры. Алька встала и побрела на кухню мыть чашку.

Планировка квартиры была такова, что при любых передвижениях по дому миновать маленькую прихожую не было никакой возможности. Напротив кладовочки, на дверях которой и висело нынче зеркало, под прямым углом располагались двери в спальню и гостиную. Там же, со сдвигом в полметра, находилась кухонная дверь. Под прямым углом к ней — двери в туалет и в ванную. Таким образом, неважно, откуда и куда человек направлялся. В итоге ему в любом варианте предстояло пройти мимо зеркала. Вот и сейчас Алька вышла из гостиной, и оказалась прямиком перед зеркалом. За ее спиной находилось окно, где уже вовсю светило солнышко и его лучи освещали не только комнату, но и коридор. По идее, Алька сейчас должна была бы быть ослеплена солнечным светом, отображенным зеркалом. Но этого не произошло. И Алька не увидела не только отраженных от зеркальной глади лучей, но и собственного отражения. Зеркало опять "поломалось".

Алька забыла про чашку, которую держала в руках, забыла о том, что выглядит, как лахудра со спутанными и всклокоченными волосами, ведь даже причесаться из-за сериала не успела, в старенькой хлопковой ночной рубашке, а зеркало не могло ей этого подсказать, ведь оно не передавало нормального изображения. Забыв обо всем на свете, Алька сходу сунула руку по локоть в то, что еще недавно было зеркалом. Холодная муть субстанции уже не испугала ее. Алька старательно ощупывала скрытое от глаз пространство зазеркалья, надеясь наткнуться хоть на что-нибудь и попытаться узнать это на ощупь. Однако "там" ничего не было. По крайней мере, ничего не попадалось ей под руку.

С явным разочарованием Алька вытянула руку обратно и уставилась на нее, как на пришельца из космоса. Но, как и вчера, на руке не осталось ни малейшего напоминания о путешествии в неизведанное. Ни о чем не думая, Алька просунула в субстанцию голову и попыталась рассмотреть зазеркалье. Однако и рассматривать было нечего — перед глазами стелилась все та же муть субстанции. И с близкого расстояния это уже нисколечко не напоминало море, пусть и вертикальное. Вода предполагала пусть минимальную, но прозрачность. Здесь же ее не было и в помине. Субстанция теперь еще больше напоминала желе, только не прозрачное, а плотно-матовое, как будто в крутой отвар черники влили густое молоко и все это варево от души сдобрили желатином или крахмалом.

Забыв обо всем на свете, полностью отдавшись собственному любопытству, Алька, ухватившись свободной рукой за край зеркала, перекинула в субстанцию сначала одну ногу, потом

вторую. Она уже практически вся находилась вне квартиры, там, где должна была бы быть кладовка. С собственным домом ее теперь связывала только рука, все еще держащаяся за край зеркала. Впереди и по бокам по-прежнему ничего не было видно. Алька оглянулась назад. В сумраке едва проглядывал овальный контур зеркала, чуть просвечиваясь сквозь плотное марево. Все так же не задумываясь о последствиях, Алька отпустила руку, связывающую ее с настоящим.

***

Сначала она увидела свет. Марево расступалось постепенно, благодаря чему Альке удалось не ослепнуть от яркого солнца. Она стояла в большой комнате напротив окна. Комната сама по себе была просторной и светлой, сейчас же, заполненная солнцем, казалась и вовсе бесконечной — стены бледно-желтого цвета можно было увидеть, лишь приглядевшись. У перпендикулярной окну стены торцом стояла широкая кровать под тяжелым балдахином. По обе стороны от нее расположились небольшие резные тумбочки светлого дерева на изящных гнутых ножках. Алькины ноги утопали в пушистом ковре в тон стенам. Не отдавая отчета, где находится, Алька подумала завистливо: "У, живут же люди! А мой Таракан, гад такой, никогда из нищеты не выберется".

Алька не успела толком осознать и разглядеть, где находится, как дверь в комнату распахнулась и на пороге возникла крупная женщина вся в безумных ярко-рыжих кудряшках:

— Вставайте, Альбиночка! Уже полдвенадцатого…

Взгляд ее, уткнувшийся в обалдевшую Альку, застыл удивленно:

— Вы уже встали? Хм. вы не забыли, Альбиночка, у вас сегодня репетиция в два часа? — и, пристально оглядев Альку с ног до головы, дама спросила: — Вы себя хорошо чувствуете? Как-то вы сегодня странно выглядите.

Женщина подошла к Альке вплотную, взяла из ее руки чашку и с удивлением на нее уставилась:

— Так вы уже и кофе выпили? И сами заварили? Или это вчерашняя чашка? Какая-то странная, по-моему, у нас такой нет. И что это за хлам на вас надет? Альбина, вы в порядке? — и уставилась на Альку с явным подозрением.

Алька машинально кивнула, словно вопрос адресовался именно ей. Ей все было странно: и чужая комната, и полная женщина в кудряшках, и это имя — Альбина. Ее сто лет так никто не называл. По паспорту-то она действительно Альбина, но имя это с детства терпеть не могла, а потому все всегда звали ее

Алькой. Причем, если кто-то делал попытки называть ее Алей, она воспринимала это крайне болезненно, и мягко, но твердо, настаивала именно на имени Алька. Только Сашка позволяет себе несколько варьировать ее имя: то Аленький, то Алёнок, то Алёныш, то незатейливо-ласково Аленька, но муж на то и муж, чтобы отличаться от других. Но даже он никогда не позволяет себе называть ее Альбиной. Теперь же какая-то посторонняя тетка, как ни в чем ни бывало, зовет ее этим ненавистным именем.

Женщина продолжала недовольно разглядывать Альку. Нимало не смущаясь, она заявила:

— Нет, дорогуша, вы мне сегодня положительно не нравитесь! На вас смотреть без содрогания невозможно. Давайте-ка быстренько под контрастный душ, а я тем временем кофейку покрепче соображу, — взяла Альку за руку и повела было из комнаты, да тут увидела что-то ужасное и аж вскрикнула: — Боже, что с вашими руками? Зачем вы обрезали ногти?! И куда делся маникюр?! Света только позавчера приходила, а у вас руки, как у колхозницы! Позорище какое! Давайте живее шевелитесь, я вызываю Свету, она с вашими руками проковыряется до часу, не меньше. А волосы? Господи, что за волосы! На каком сеновале вы кувыркались?! Ладно, головой займемся вечером. Быстро под душ, оркестр-то сегодня сборный, долго ждать не будет.

Сопровождая Альку стенаниями по поводу ее ужасной внешности, дама учтиво, но настойчиво втолкнула ее в ванную. Вернее, это была не ванная в привычном понимании этого слова, а именно ванная комната. Размером она ничуть не уступала Алькиной гостиной. Сама ванна была угловая и больше напоминала маленький бассейн. В соседнем углу стояла душевая кабина. Одну стену полностью занимало зеркало. Алька наконец увидела свое отражение: дааа, выглядела она действительно не лучшим образом — мятая старенькая ночнушка, спутанные космы, неподкрашенные белесые ресницы и брови придавали лицу лысый эффект и делали его совершенно бесцветным.

По совету кудрявой тетки Алька залезла под душ. Правда, не под контрастный, а просто понежилась под упругими теплыми струями, потом растерла себя пушистым махровым полотенцем, благоухающим лавандой. Едва успела набросить белый атласный халатик, как дверь распахнулась и бесцеремонно ворвалась все та же настырная дама:

— Освежились? Вот и умница! Быстрее расчесывайтесь, кофе остывает. Господи, Альбиночка, что бы вы без меня делали? Вы ж без меня, как дитя малое. "Люся, свари кофе", "Люся, позвони Иоанну Ильичу", "Люся, разбуди меня", "Люся, не буди меня".

Люся то, Люся — это. Я у вас уже давно не домработница, а домашний директор. Только зарплата у меня, как у уборщицы. Не цените вы меня, Альбиночка. Вот уйду от вас к Утицкой, будете знать!

Алька остановилась, как вкопанная, услышав знакомую фамилию. И не просто знакомую. Утицкий — ее муж. И она сама должна была стать Утицкой, если бы не выпендривалась. Она-то, глупая, все надеялась стать звездой, потому и осталась после брака Щербаковой. А кто такая Утицкая?! И вообще — что все это значит? Куда она попала? Почему тетка, которая, видимо, и есть Люся, не удивилась, увидев в комнате постороннего человека? Вернее, она удивилась, но не факту нахождения Альки в комнате, а лишь ее странному внешнему виду. И откуда она узнала ее имя, да еще и паспортное? И кто такая эта Утицкая, в конце концов?! Тот паразит себе что, другую бабу завел?! Ах ты, кобеляка ненасытный, надо бы тебе обкорнать ненасытность твою под самый корешок. Ишь, подлец, замену ей нашел! А домой все равно голодный приходит: "Аленький, дай", да "Алюсенька, уважь супруга". Тьфу, Таракан паршивый! Ну погоди, подлец, дождешься ты своего часа!

Препровожденная за ручку в столовую, Алька сидела на мягком стуле и пила не слишком уже горячий кофе. Люся хлопотала рядом, непрестанно жалуясь на неблагодарность хозяйки и расхваливая себя. Алька наконец не выдержала неизвестности:

— А кто такая Утицкая?

Люся мигом отозвалась:

— Вот и я говорю: а кто такая эта Утицкая? Бездарь бесталанная! Не то, что вы! А домработница у нее, между прочим, почти в два раза больше получает! А она меня к себе переманивает. Не цените вы меня, Альбина, ох не цените…

Алька перебила разговорчивую домработницу:

— Тихо, Люся! Будешь хорошо себя вести, подниму я тебе зарплату. У тебя есть фотография Утицкой?

Люся обиделась:

— Да что ж я, плохо себя веду, что ли? Что ж вы меня так обижаете, Альбиночка? Я ж так стараюсь, я ж так о вас забочусь…

— Люся, я спросила о фотографии, — бестактно перебила Алька. — И вообще неси все, что есть. Хочу посмотреть на знакомые физиономии.

— Альбинушка, Бог с вами, голубушка! Какие фотографии? Сейчас Света придет вас маникюрить. А лицом-то когда заниматься будете? Не пойдете же вы в таком виде на улицу. Все фанатки от испугу разбегутся…

Алька весьма красноречиво шарахнула чашкой по столу:

— Люся, я кому сказала! Давай все, что есть!

Чашка звякнула, но не раскололась, только остатки кофе выплеснулись на мраморную столешницу. Люся ахнула, тут же протерла стол тряпкой и проговорив испуганно:

— Несу, несу, — выскочила из комнаты.

Вернулась через пару минут, неся три здоровенных фолианта. В это же время раздался звонок, и Люся, едва дотащив альбомы до стола, резво побежала открывать двери со словами:

— Это, должно быть, Света.

Ее голос утонул в дебрях огромной квартиры, а Алька с жадностью схватила верхний альбом. В нем оказались ее детские фотографии. Вернее, на фотографиях явно была она в окружении родителей, но Алька не помнила ни этих фотографий, ни условий, в которых они были сделаны. Вот она с родителями запечатлена под пальмами, явно в Крыму. Но она ни разу не была в Крыму! Ни одна, ни с родителями. Их скромные доходы позволяли разве что поехать к отцовой матери в деревню. А вот у Альки на руках кошка — но у них в доме никогда не было животных! Странно, как все это странно…

Куда она попала? Что это за место такое, где у нее вдруг появилась домработница, шикарная квартира, новые детские фотографии? И какая-то Утицкая. Ах да, Утицкая! И Алька отбросила детский альбом, схватив следующий. Нужно же поскорее разобраться, что это за соперница у нее объявилась.

В столовую вошли Люся и хрупкая женщина средних лет. Света, как догадалась Алька, радостно улыбалась:

— Здравствуйте, Альбиночка! Как настроение? Люся говорит, вы спешите. Тогда давайте не будем терять время на светские разговоры, идемте в комнату, — и она по хозяйски отправилась вглубь квартиры.

Альке ничего не оставалось делать, как семенить за ней, захватив второй альбом. Она только крикнула, уже выходя из комнаты, Люсе:

— Возьми альбомы, — и устроилась в полукресле, вежливо, но настойчиво усаженная в него Светой.

Самостоятельно листать альбомы Алька не могла, так как ее руки отмокали в специальной маникюрной ванночке. Света посокрушалась насчет ужасных Алькиных рук, но вынуждена была примолкнуть, так как Алька упорно не обращала на нее внимания. Она удивленно разглядывала фотографии, время от времени командуя Люсе:

— Переворачивай.

Перед ней мелькали лица знакомых и незнакомых людей.

Кроме родителей, была там и арзамасская подружка Рита, были и некоторые родственники. А вот Таракана среди знакомых лиц почему-то не наблюдалось. Довольно часто мелькала знакомая, вроде бы, физиономия, да Алька никак не могла припомнить, откуда знает этого человека. Спросила у Люси:

— Это кто?

Та расхохоталась весело:

— Ой, ну вы сегодня шутить горазды! Выглядит он тут, конечно, не самым лучшим образом, он вообще нефотогеничен, но не до такой же степени, чтобы совсем на себя не быть похожим. А вы уж сразу "Кто"! Он и в жизни-то не красавец, чего уж вы так над ним издеваетесь? Ну развелись, подумаешь, да сколько вы с ним прожили-то? Да и грех вам, Альбиночка, на него обижаться. Разве б вы стали Альбиной Щербаковой, если б не Иоанн Ильич? Вы, конечно, певица от Бога, никто не сомневается, но ни для кого не секрет, что в наше время этого совсем не достаточно для головокружительной карьеры. А Иоанн Ильич, хоть и нашел себе другую, а вас без поддержки не оставляет. И квартиру вам оставил, как порядочный. Ну а что другую нашел… Что ж, все они кобели. Ваш еще не самый плохой. Да и не вас одну бросил. Сколько до вас уже несчастных было, а сколько еще будет после…

Алька слушала и радовалась разговорчивости домработницы. Хотя, будь она на самом деле хозяйкой, она б ее немедленно выгнала именно за разговорчивость, да еще при постороннем человеке — Света-то вон как притихла. Делает вид, что поглощена работой, а сама боится слово пропустить. Еще бы, это ж всему миру интересно, что происходит в личной жизни Альбины Щербаковой! При этих мыслях Алькино сердечко затрепетало: сколько лет она мечтала, чтобы имя Альбины Щербаковой было известно всем и каждому. Как она мечтала стать знаменитостью, чтобы каждому хотелось знать о ней все-все-все! И вот, кажется, кому-то удалось добиться того, о чем мечтала Алька. Но не самой Альке. Славы добилась какая-то другая Альбина Щербакова. Очень похожая на нее, и даже имеющая родителей, феноменально похожих на Алькиных, но все-таки не Алька. Другая Альбина добилась от жизни всего, к чему так стремилась Алька. Но даже этой Альбине не удалось удержать в руках птицу счастья — ее тоже кто-то бросил. Тоже — потому что, видимо, от самой Альки ушел Утицкий. По крайней мере здесь, в этом странном мире. Ведь была же здесь другая Утицкая, кроме нее самой!

Да, много интересного узнала Алька из рассказа домработницы. И, пожалуй, самым интересным была личность

славноизвестного Иоанна Ильича. На том снимке, который и начала обсуждать разговорчивая Люся, был изображен не кто иной, как Ваня Муравич, тот самый Сашкин приятель, благодаря которому они и познакомились. Вернее, это именно Иван пригласил на концерт Ритку, а та уже за компанию позвала с собою Альку. В итоге Алька вышла замуж за Утицкого и уехала с ним в Москву, а бедная Ритка до сих пор прозябает в Арзамасе, одинокая и неприкаянная. Здесь же, в зазеркалье, все произошло иначе: Алька вышла замуж не за Утицкого, а за Муравича. Только девичью фамилию и здесь не поменяла, осталась Щербаковой. Естественно! Хороша была бы звезда эстрады — Альбина Муравич. Мура — она и есть мура. Зато Иван почему-то вдруг оказался Иоанном.

Ах, какие глупости лезут в голову. Мура, не мура, Иван — Иоанн… Разве в именах-фамилиях дело? Да, да, и в фамилиях тоже! Ведь, обнаружив на очередном снимке Ритку, Люся прокомментировала:

— И как вы могли дружить с этой бездарью? Звезда, елки-палки! Всем известно, каким путем она "озвездела"! Большую работу проделала — ножки раздвинула под Муравичем, и она уже не просто Ритка, а Маргарита Утицкая! Я, конечно, понимаю — издержки профессии и все такое, но одно дело, когда у человека талант, когда это непосредственно работа, так сказать, сугубо рабочая обстановка, чисто профессиональная обязанность, и совсем другое — достигать таким образом своих корыстных, никаким талантом не подтвержденных, целей. А Утицкий? Да нормальный мужик как минимум выгнал бы ее к свиньям собачьим, как максимум — повесился бы от позора. Это же мурло, как ни в чем не бывало, живет с поблядушкой, как с порядочной женщиной! Да разве что младенец не знает, с кем спала эта шалава, чтобы стать певицей. А петь-то как не умела, так и до сих пор не научилась!

Люся еще долго развивала эту тему. Алька же погрузилась в размышления. Света потихоньку ковырялась с ее руками, ласково массировала их, втирала какое-то ароматное масло в кутикулу, подпиливала ногти, и это было так приятно, что Алька могла бы вообще прикемарить, если бы не мысли. Так вот оно, в чем дело! Вот она, женская дружба! Пригрела змею на груди. Привезла ее из Арзамаса (или откуда по-здешнему?), познакомила с мужем. А она, гадюка, и одного мужа у нее увела, и другого. И Утицкого, и Муравича! Хотя Муравича Алька мужем совсем не воспринимала. Ни в прошлом, ни в настоящем. Даже со скидкой на то, что это какой-то другой мир, в котором все совершенно иначе. И даже смешно и немного обидно было за здешнюю Альбину: как она

могла выйти замуж за того коротышку? Он же ростом едва ли не ниже ее! Зато поди-ка, сумел сделать из нее звезду. Вот она, главная ее ошибка. Может, и правда нужно было наплевать на его малый рост, и отбить его тогда у Ритки? Пусть бы выходила себе замуж за Утицкого — толку от него, разве что в постели все скачет, как кузнечик ненасытный, да только Альке от этого никакого удовольствия. Иной раз даже обидно, что столько добра пропадает, а баб голодных в мире — тьма тьмущая. А Ритке он, может, и подошел бы… Да, что-то она неправильно рассчитала, явно лопухнулась в своих стратегических планах.

Интересный, однако, мир получается. Здесь она — звезда. Правда, покинутая мужиком. Да и на кой хрен ей тот Иоанн еще нужен? Вывел в звезды, подарил квартиру — спасибо и вы свободны, дорогой товарищ! А для души мы себе чего поинтереснее подыщем! Вот только непонятно, куда делась Альбина из этого мира?

3

Альбина проснулась от странного ощущения, будто кто-то ее куда-то несет. Открыла глаза и испугалась, что ослепла — вокруг нее было какое-то странное марево, плотное и вязкое, как холодный кисель. Однако совсем испугаться она не успела — марево постепенно стало светлеть, а потом вдруг и вовсе резко исчезло вместе с ощущением полета, вязкости и холода.

Альбина осмотрелась. Она оказалась в маленьком пространстве. Впереди и справа от нее располагались двери. Впрочем, чтобы разглядеть, куда они вели, не было необходимости входить в них. Обе комнатки были откровенно малы по Альбининым представлениям и никоим образом не имели права называться жилыми помещениями. Однако, видимо именно таковыми они и являлись. Прямо перед Альбиной находилась, похоже, гостиная. Правда, выглядела она не слишком привлекательно — более чем скромного размера, она казалась еще меньше из-за недостатка освещения. Окно было довольно большим, но легкие перистые облака укрыли солнце, и световой поток был крайне слабым. Вообще-то это было несколько странно — не настолько плотными были облака, чтобы почти аннулировать солнечный свет. Вдобавок ко всему комната была уставлена довольно массивной, совсем не новой мебелью, а потому выглядела еще более темной. Телевизор какой-то странной марки Samsung показывал никогда не виденную ранее Альбиной передачу. И ведущая была какая-то незнакомая…

Альбина прошла в спальню. Эта комнатка была еще меньше,

откровенно крошечная. Кровать стояла незастеленная, одеяло сползло и одним углом неряшливо валялось по полу. На стуле рядом со шкафом была навалена гора постельного белья, очевидно, выстиранного, но еще не поглаженного. Альбина брезгливо скривилась и вышла из спальни. Прошла на кухню. Там ей тоже не понравилось. Крошечная комнатка, уставленная дешевой мебелью, в раковине — грязная посуда. Бр-р, куда она попала?

Альбина обследовала все уголки, но не нашла абсолютно ничего знакомого и имеющего отношение к ней самой. Электронные часы высвечивали уже половину первого, а Альбина все не находила не только выхода, но и объяснений, как же она сюда попала. Ей и сразу не нравилась нелепая ситуация, в которой она оказалась. Теперь же она нервничала совсем уж откровенно — через полтора часа репетиция со сборным оркестром. Ей отведено всего два часа, завтра — концерт, а ведь она еще ни разу не репетировала с этими музыкантами! И что это за каморка? Кто ее здесь заточил?

От нечего делать Альбина бесцеремонно залезла в чужой шкаф. Она вообще была девушкой любопытной. А тут еще кто-то засунул ее спящую в чужой дом и оставил без присмотру. Вот пусть сами потом плачут, коль не досчитаются чего-нибудь.

В одном из шкафов ей попался на глаза дешевый фотоальбом. От любопытства у Альбины аж засвербело внутри — интересно, кто же может жить в такой конуре?

С первой же страницы Альбине стало плохо — с фотографий на нее смотрела… она сама! Это определенно была она, только почему-то неухоженная. И далеко не все лица, сопровождавшие ее на фотографиях, были ей знакомы. А уж когда она добралась до свадебных фотографий, и вовсе опешила — на них рядом с ней в роли жениха выступал не кто-нибудь, а Утицкий! Ни много, ни мало — муж ее бывшей подруги. Так вот кто стоит за этим розыгрышем!

Альбина долго разглядывала фотографии. Да, ничего не скажешь — фотомонтаж сделан мастерски! Самое интересное, что ни одно ее изображение не было ей знакомо. Это, без всякого сомнения, была она, но Альбина никогда в жизни не видела фотографий, с которых можно было бы взять ее изображение для подобного розыгрыша. Хотя… Много фотографий, ни разу ею не виденных, гуляет по стране. Ее снимают и на концертах, и на иных мероприятиях. Бывает, и на отдыхе застукают любопытные пройдохи. А вот розыгрыш получается довольно злой и даже жестокий. Скорее, это и не розыгрыш вовсе, а большая подлянка — заставить ее пропустить репетицию со сборным оркестром,

чтобы завтра на концерте она лажанулась перед всей страной. А может, даже больше, может, конечная цель — свести ее с ума, отправить в дурдом? С Ритки станется! Сама она, конечно, с такой задачей не справилась бы, а вот Муравич мог бы ей в этом посодействовать…

При воспоминании об Иоанне сердце сжалось. Ванечка-Ванюша, Иван-Иоанн, что ж ты наделал, подлец? Каким же медом у Ритки "там" намазано, что Альбина так намазать не умеет? За что ж ты предал, за что обманул? Предатель! Переметнулся к этой курве, к шалаве! Правда, и с ней надолго не остался. Но, видимо, и насовсем не распрощался, раз решили вместе такую штуку разыграть. Да и кого в "мужья"-то ей подсунули? Утицкого, этого слизняка?! Который, отлично зная, с кем ему Ритка рога наставляет, прекрасно существует с этим знанием. Да еще и холит рога свои, лелеет, небось, по утрам бархоткой полирует. Кретин и тряпка! А теперь они решили ему Альбину скормить, дабы тому уроду не так обидно было терпеть Риткины откровенные загулы?!

Альбина пошарила еще по шкафам. Надо бы найти что-то из одежды и убираться отсюда. Нашла какие-то застиранные джинсы да дешевую майку — не слишком приятно носить такое тряпье, да что поделаешь — не пойдет же она на улицу в пижаме. Даже будь она никому не известной личностью, и то в таком прикиде на людях не появишься, а уж чтобы Альбина Щербакова явилась любопытным зевакам неглиже — это уж и вовсе недопустимо. Покрутилась перед зеркалом, брезгливо примеряя чьи-то обноски. Да-а, хороша звезда, ничего не скажешь… И сама наверняка выглядит не лучшим образом, так еще и зеркало повесили дешевое, явно бракованное — отражение в нем получалось каким-то темным и мутным. Вроде его не мыли лет сто. Альбина даже попыталась протереть его носовым платком — так сильно было ощущение загрязненности. Но нет — за тряпкой не тянулась светлая полоса, стекло оставалось все таким же серым и безрадостным, отражая мрачность погоды за окном и нелепо одетую светловолосую девушку. Не хотелось Альбине выходить в таком виде на люди, да деваться некуда, больше ничего приличного в этом доме нет. А так… Ну, допустим, решила заняться спортом, вышла для пробежки, вот и кроссовки в доказательство этой версии. Вот только как добраться до дому? Она ж без денег, без машины. И неизвестно, в каком районе находится эта каморка?

Альбина вышла из квартиры и безжалостно захлопнула за собой дверь. Ключей у нее не было, но они ей и не нужны — она ж не собирается сюда возвращаться. К счастью, у нее есть

нормальный дом. Есть хорошая одежда, есть машина, есть нормальная человеческая еда, а не скрюченные засохшие палочки, слегка пахнущие мясом, как в этом странном доме. Спустилась по лестнице с третьего этажа и вышла из парадного, внимательно посмотрев на табличку с номером дома и названием улицы. "Дом 17-а, ул. Розы Люксембург". Хм, странно, что за улица такая. Альбина никогда раньше не слышала о такой. С каких пор в их городе улицы стали называть в честь сорта розы? Интересно, чем он, этот сорт, отличается от всех остальных? Или может, где-то в Мамсбурге существуют и улицы Розы Гольштейн и Розы Летнего солнцестояния? Да, следует признать, что с окраинами Мамсбурга она совершенно не знакома…

Незнакомой была не только улица. Дома — странные коробки. Ну, может, на окраинах такие и строят, но Альбина-то живет в центре. Там дома красивые и дорогие. Надо просто поймать такси. Таксист непременно должен знать, как отсюда выбраться. Или хотя бы довезет ее до метро, а уж от метро она сможет самостоятельно добраться домой. Правда, она уже лет сто не пользовалась общественным транспортом. Ухмыльнулась, представив, как ее будет останавливать каждый встречный-поперечный: "Ах, Альбина Щербакова! Оставьте автограф на память о незабываемой встрече!". И она, конечно, будет улыбаться, расписываясь на вырванных наспех тетрадных листках и старых квитанциях, на талончиках к доктору и автобусных, на спичечных коробках и сигаретных пачках, в блокнотах или просто на ладони, если у жаждущего получить автограф не окажется даже клочка бумаги. Ее всегда поражала страсть людей к автографам. Зачем человеку бумажка с подписью Альбины Щербаковой? Он что, повесит ее на стену и будет любоваться? Или молиться на нее станет? А что он будет делать с ее автографом на руке? Перестанет умываться, чтобы в глубокой старости демонстрировать правнукам: "Смотрите, детки, на этой руке поставила закорючку сама Альбина Щербакова!"

Альбина добрела до ближайшей дороги и подняла руку, голосуя такси. Машины проскакивали мимо, даже не притормаживая. Да и машины попадались какие-то сплошь странные, незнакомых марок. Альбина уже десять минут голосует, и за это время не встретила ни одной более-менее известной марки автомобилей. Странно. Как-то все сегодня странно. Злобный розыгрыш с чужой квартирой и фотографиями Утицкого в качестве ее мужа, совершенно неизвестные марки телевизора и машин. Но страннее всего для Альбины было, пожалуй, то, что до сих пор ни один встреченный ею человек не только не попросил автографа, но даже не удивился, встретив на

улице, в таком жутком районе и довольсно странном одеянии саму Щербакову. И ни на одном лице Альбина не увидела ни улыбки, ни восторга. Казалось, что люди просто перестали узнавать ее. Но разве это возможно? Ведь еще вчера нельзя было пройтись по улице без охраны, она давно уже передвигается по городу только на автомобиле с затемненными стеклами, иначе от фанатов и более спокойных поклонников проходу нет. А сегодня — полное безразличие со стороны простого люда. Хм, странно все это, как это странно…

Наконец перед Альбиной притормозила какая-то машина. Водитель равнодушно взглянул на пассажирку, и обворожительная улыбка вмиг исчезла с уставшего от странностей лица Альбины. Произнесла сухо, устраиваясь на заднем сиденье:

— На Большую Юринскую, пожалуйста, дом двенадцать.

Водитель, кажется, проснулся, переспросил удивленно:

— Куда?

Альбина повторила четко и громко, как для слабослышащего:

— Большая Юринская, двенадцать.

— Это где такая? Что-то я такой улицы не знаю, — откликнулся водитель. Тем не менее, машина плавно тронулась с места.

Альбина недовольно пояснила:

— Это в самом центре. Вы что, недавно в городе?

— Да я-то как раз здесь и родился, а улицы такой — представьте — не знаю.

— Надо бы получше знать родной город, любезный, — высокомерно посоветовала Альбина. — Хотя бы его центральную часть. Нельзя же довольствоваться одним Эгершельдом.

— Чем-чем? — удивленно переспросил водитель.

— О Господи, неужели вы даже об этом массиве не слышали?! Тогда что вы знаете вообще?! Только свой район? Кстати, как он называется?

Водитель натужно улыбнулся странной пассажирке:

— Этот район называется Новогиреево. Так что еще неизвестно, кто из нас плохо знает город. Да я извозом занимаюсь девятнадцать лет, я город знаю, как свои пять пальцев! Но ни про какого Эгерфельда, ни про Юринскую никогда слыхом не слыхивал.

— Значит, у вас проблемы со слухом. Не Эгерфельд, а Эгершельд. И не просто Юринская, а Большая Юринская. И находится она в самом центре столицы, прямо возле площади Петра Деворковского. Или, может, Вы и этой площади не знаете, — с откровенной издевкой в голосе спросила Альбина.

— Петра Деворковского? Не знаю, — растерянно ответил водитель. — Я и имени-то такого не знаю. А это кто — поэт или композитор?

— Это первый президент! Хотя бы такие мелочи вы должны были бы знать, уважаемый! Я могу понять, что вы не узнали меня — и правда, не все увлечены моим творчеством. С трудом допускаю, что можно не знать Большую Юринскую и массив Эгершельд. Но не знать, кто такой Деворковский, не знать главную площадь не только столицы — страны! — это уж, простите, ни в какие ворота никаким задом. Даже приезжему стыдно было бы не знать этого, а уж коренному мамсбуржцу никак не позволительно!

— Чего-чего, — удивленно уставился на пассажирку таксист, от возмущения забывший про дорогу. — Президент чего? И кем вы меня коренным обозвали? Мамуржец? Сами вы марамужница! А я коренной москвич в четвертом поколении!

Альбина пробормотала уже не так громко и уверенно, опасаясь за свою жизнь:

— Я ж говорила, что у вас со слухом не все в порядке. Вы за дорогой-то следите, а то мы вообще никуда дальше ближайшего столба не уедем. Господи, до какой степени может дойти людская безграмотность! Не уметь правильно назвать собственную столицу! Как вы могли родиться здесь, если в четвертом поколении явились на свет в каком-то Москвиче? Где это, кстати? Я о таком городе не слышала. Или это деревня?

— Сама ты деревня! — психанул таксист. — И Мамурж твой наверняка деревня. Давай командуй, куда тебя везти. Не знаю я ни Малой Юринской, ни Большой, ни площади Деворковского. Куда поворачивать — направо, налево?

Альбина огляделась вокруг. Нет, ровным счетом ничего не было ей здесь знакомо. Странные дома, странные машины, странные люди. Водитель, похоже, вообще псих ненормальный!

— Везите меня в центр, — тихо и уже совсем неуверенно сказала она.

— В центр куда? Центр — он большой. На Красную площадь, главную площадь страны? Или на Тверскую? Или на Кутузовский проспект? Или, может, на Арбат? От него, в принципе, много улочек отходит, может, и есть какая-нибудь Юринская?

От обилия незнакомых названий у Альбины закружилась голова. Куда она попала? Где она? Что с ней приключилось?

— Простите, я в каком городе нахожусь? Разве это не Мамсбург? Что-то я не узнаю город…

— Какой Мамсбург, милочка? Такого города вообще, по-моему, нет. Это Москва. Москва, столица нашей родины. Вы же

сами говорили про столицу. Так столицей России всю жизнь была Москва!

— Москва? — ахнула Альбина. — Что такое Москва? Впервые слышу…

— Ну ты, милая, с дуба свалилась! Ты не из Кащенко ли, часом, сбежала?

— От какого Кащенко? Кто это?

— Да, детка, — протянул таксист. — Надо же, такая молодая, а уже…

Он так и не сказал, что "уже", но весьма выразительно поглядел на Альбину в зеркало заднего обзора. И Альбина поняла без дополнительных разъяснений, что именно "уже". Он считает, что она сумасшедшая. И хуже всего то, что Альбина и сама уже начинала сомневаться в своем психическом здоровье. Разве Ритка с Муравичем могли устроить розыгрыш столь впечатлительных размеров? Разве могли они перестроить город? Или перевезти ее в другой город незаметно для нее самой? Даже если допустить такую возможность, то страна-то осталась прежней — говорят ведь все на понятном ей языке. А значит, прохожие должны были бы ее узнать, ведь известна она не только в Мамсбурге, но и далеко за его пределами. Нет, нет, не мог Иоанн подстроить все это. Даже если бы захотел посмеяться над ней, то просто не смог бы додуматься до такого, не смог бы устроить розыгрыш такого масштаба. Мыслит он, конечно, весьма и весьма широко, но все-таки не столь масштабно. Тогда как еще можно объяснить все эти странности?!

— Так куда тебя везти?

Таксист перешел на "ты" без особых сомнений. А чего с ненормальной церемониться? Дурочка она и есть дурочка. Жалко только девку. Молодая, симпатичная. А по виду и не скажешь, что дурочка. Весьма интеллигентное лицо. Одета, правда, более чем скромно.

— У тебя деньги-то есть? — забеспокоился водитель.

Альбина побледнела. Денег у нее определенно не было. Она надеялась расплатиться у дома в худшем случае. А в лучшем рассчитывала прокатиться на халяву — она же звезда, такая пассажирка — сама по себе награда. А таксист взял, да и не узнал ее. И дома у нее, получается, в этом странном городе нет. И денег взять негде.

— Нету, — покачала головой и чуть не расплакалась. Куда ей ехать, куда идти? Нет в странном городе Москве Большой Юринской улицы. Никто ее здесь не знает, никто не поможет. Куда она попала? И как? Разве спать в собственной постели — преступление? Пусть даже и в полдень. Но ведь она спала в своем

доме, а проснулась в чужой конуре да еще и в чужом мире…

***

Александр вернулся с репетиции, как обычно, около четырех пополудни. Привычно тянул сумку с продуктами — кроме него, позаботиться об этом было решительно некому. Шел себе спокойненько, не спеша, обдумывал, чего бы такого приготовить. Макароны с сосисками давно надоели. Может, по-флотски сделать? Как раз фаршу прикупил в универсаме. Или котлет лучше нажарить?

Возле парадного на израненной одуревшими от безделья подростками скамейке сидела поникшая Алька. По сгорбленной спине сразу угадывалось ее убитое настроение. Утицкий испугался:

— Аленький, что случилось? — участливо поинтересовался он, пристраивая пакет с продуктами на скамейку.

— Какая я тебе Аленький? Что за идиотское название? — Альбина возмущенно сбросила с плеча его руку.

— Что с тобой, Алюня? Тебя кто-то обидел? И почему ты здесь, как сирота казанская?

Альбина взорвалась истерикой:

— Я не знаю, почему я здесь! Я не знаю, где я! Я не знаю, почему ТЫ зовешь меня Аленьким и Алюней! Кто ты такой, чтобы так называть меня? Кто дал тебе право на фамильярность? Для тебя я — Альбина, и на "вы", пожалуйста. А Алюней будешь свою Риту называть! И вообще, весь этот фарс…

Альбина расплакалась, размазывая слезы по щекам и усиленно шморгая носом — платок перевела на грязное зеркало, и позволить теперь нестерильной тряпке коснуться своего ухоженного лица она никак не могла. Утицкий подсел рядом, поглаживая жену по коленке:

— Ну что ты, Алёныш, успокойся… Опять, наверное, насмотрелась сериалов и расстроилась. Сколько раз говорил тебе — не принимай их так близко к сердцу, это же просто чьи-то выдумки. Сидит на студии специальный человечек и сочиняет сказки, чтобы потом такие впечатлительные, как ты, вздыхали и плакали. Ну ладно, расстроилась, так сидела бы дома, там бы и плакала. Или ты надеялась, что так я быстрее приду домой?

— У меня ключей нет, — выдавила сквозь всхлипывания Альбина.

— Так что ж ты без ключей из дому вышла? И вообще — куда ты ходила? Или ты специально одевалась, чтобы меня встретить? Ах, милая, какой подвиг! Я польщен…

— Дурак ты, Утицкий! Неужели ты думаешь, что я ради тебя

стала бы надевать на себя эти обноски? Да я вырваться хотела из этого плена! Я домой хочу!

— Так пойдем, кто ж тебя туда не пускает? Глупая, пойдем домой, — Утицкий встал и потянул Альбину за руку, намереваясь войти в парадное.

Альбина затрясла головой:

— Нет, мой дом не там!

Александр опять присел на скамейку:

— Так, это что-то новенькое. Тебе захотелось обратно в Арзамас? Москва уже не подходит?

Альбина разрыдалась еще яростней:

— Нет, я не хочу в Арзамас, не хочу в Москву. Я не знаю, что это такое! Я хочу домой, в Мамсбург!

— Чего? — удивленно переспросил Утицкий. — Куда?

— В Мамсбург! — выкрикнула Альбина. — В Мамсбург, в Мамсбург! И не уверяй меня, что такого города не существует! И что ты — мой муж! Это все ложь! Я не знаю, как вам удалось все это обставить, но я знаю, что это ложь! Ты со своей Риточкой подговорил Иоанна. Вы предали меня, предали… Сволочи…

— Аленький, что ты несешь?! Ты в своем уме? Какая моя Риточка? Ты имеешь ввиду свою подругу? Так она в Арзамасе. И почему вдруг она стала моей? А кто такой Иоанн? Уж не Грозного ли ты имеешь ввиду? Что ты несешь, Алька?! Что за бред? Брось, Алёныш, успокойся, идем домой…

— Куда — домой? Что ты называешь домом? Эту конуру? Спасибо, я там уже была. Я хочу к себе домой, в Мамсбург, на Большую Юринскую, двенадцать!

— Какой еще Мамсбург? Нет, старушка, ты точно сериалов пересмотрела! А ну пошли домой, — и Утицкий повел Альбину домой, не обращая внимания на ее сопротивление. Было неудобно тащить и тяжелую сумку с продуктами, и внезапно взбунтовавшуюся супругу, но, несмотря на хилую фигуру, Александр был довольно силен, и уже через пять минут Альбина сидела на старом диване с просевшими пружинами.

Рассказ супруги о ее необычайно яркой славе и успехах на эстрадном поприще, о том, что Утицкий — вовсе, оказывается, не ее муж, а муж ее бывшей подруги Риты, что мужем Альбины, правда, тоже бывшим, является не кто иной, как Ваня Муравич, ныне Риткин любовник и к тому же супер-известный продюсер в мире шоу-бизнеса, к тому же почему-то уже не Иван, а Иоанн, и что живут они все не в какой-то занюханной дыре, а в самом Мамсбурге, убедили Александра, что супруга, увы, умишком поехала основательно. Он пытался привести ее в чувство, объяснить, что вселенская слава — лишь ее несбыточная мечта, что Риту он видел несколько раз в жизни, что Иван — никакой не продюсер, и уж совсем не Иоанн, а очень даже посредственный виолончелист, и, конечно, и в подметки не годится самому Утицкому. Что Мамсбурга на самом деле не существует в природе, и название это — какое-то совсем дурацкое и неумное, на что Альбина совсем уж взорвалась:

— Это ваша Москва — дурацкая, и слово это дурацкое, лягушачье, а Мамсбург — это одна из крупнейших столиц мира! И это самый замечательный город на свете…

— Аленький, ну что ты ерунду несешь?! Ну ты сама вслушайся: Мамсбург. Ну чушь же собачья! Ты б хоть пооригинальнее что-нибудь придумала, у тебя ж фантазия — дай Бог каждому, а ты такую ахинею несешь…

— Сам ты ахинея вместе со своей Москвой! Мамсбург — Мать

городов и Город Матерей! Как ты смеешь называть его ахинеей?

Утицкий не выдержал:

— Хватит! Ты, Алюня, сама себя переплюнула. Замечталась до такой степени, что в мечты свои поверила, как в явь. Я понимаю, что тебе очень хочется стать певицей, но я тебе уже миллион раз говорил: у тебя нет данных к сольной карьере. Да, ты поешь чисто, и голосок у тебя довольно славный, но годный не более чем для хорового пения. Даже для подпевок нужны более богатые данные. Уж поверь мне, профессионалу. Ты же знаешь, у меня абсолютный музыкальный слух и уж в чем в чем, а в этих вопросах я, слава Богу, разбираюсь…

Альбина аж зашлась:

— Это у меня голос для хорового пения?! Ах ты козел малограмотный, музыкальный слух у него! И как же ты, недоумок, можешь тогда утверждать, что я не гожусь для сольной карьеры?! Да я — звезда номер два на нашей эстраде, выше меня — только Ольга Кулагина, да и то потому, что родилась на четверть века раньше меня и наглухо заняла мою нишу, курва старая!

— Господи, что ты несешь, — попытался перебить супругу Утицкий. — Аленький, это же смешно — ты и звезда. Деточка, тебе в детстве кто-то оказал медвежью услугу: нахвалили, наобещали блестящего будущего, ты и возомнила из себя звезду. Дорогая, очнись — ты всего лишь домохозяйка! Да и то — чисто символическая. Когда ты последний раз тряпку в руки брала? Когда стирала? Ты не только в музыке полный нуль, ты и как жена — безоговорочное ничтожество. Пользуешься тем, что я тебя люблю. Но и моему ангельскому терпению есть предел. Я не позволю тебе называть меня козлом. Ты мечтай-мечтай, но меру-то знай. Я — музыкант, ты — моя жена. Бездарная жена, должен признать. Да-да, и даже не спорь! И единственное, что у тебя хорошо получается, так это удовлетворять мои постельные притязания. Вот это и есть твое настоящее призвание. За это я тебя и кормлю-пою. Так и занимайся тем, для чего создана, а не выдумывай себе чужую жизнь в ином мире!

4

Алька лежала на широкой кровати, ласкаемая шелковыми простынями, и смотрела на провисающий балдахин, украшенный длинной бахромой. Какой чудесный, замечательный мир! Просто восхитительный! И как замечательно быть звездой не в мечтах, а наяву! Купаться в роскоши и славе! Это ли не счастье? Ах, какое замечательное, волшебное зеркало! И как здорово, что она решилась заглянуть в зазеркалье. Ведь, испугайся она этого, на

всю жизнь так и осталась бы безвестной Алькой Щербаковой, женой никчемного Таракана. А теперь она — звезда! Думать о том, где теперь настоящая Альбина, и каково ей приходится в роли Альки, не хотелось. Хватит, пожила та Альбина жизнью звезды, теперь пусть поживет жизнью обычного человека, простой домохозяйки. Нечестно получается: одной Альбине — все, а другой — фигу с маслом? Нет уж, Ленин говорил делиться. Теперь Алькина очередь снимать сливки. А другая Альбина пусть поживет ее жизнью, пусть посидит дома перед телевизором, подавится макаронами с дохлыми сосисками, да потерпит бесконечные Тараканьи ласки. А Алька здесь будет веселиться, петь, наслаждаться жизнью небожительницы. Будет спать на шелковых простынях, питаться деликатесами, наслаждаться славой и позволять другим заботиться о себе, любимой.

Правда, избежать трудностей Альке все же не удалось и здесь. На репетиции сводного оркестра дирижер костерил ее почти открыто, не обращая внимания на присутствие музыкантов. Ну не могла же Алька ему объяснить, что впервые слышит эту песню и вообще не разбирается в нотной грамоте, а всю жизнь поет, опираясь сугубо на слух. Она, конечно, в машине по дороге на репетицию прослушала записи Альбины Щербаковой, но музыкальной информации оказалось так много, что ни слов, ни мелодий Алька не запомнила. Правда, пару песен удалось более-менее разучить для завтрашнего концерта, но дирижер явно остался ею недоволен. Ничего, Алька завтра постарается, позанимается с утра под магнитофон, к вечеру должна освоиться в этом мире. А уж дальше она свое не упустит, что она — хуже этой Альбины, что ли? Да они же, наверное, абсолютно идентичны друг другу.

Времени поразмышлять над метаморфозой в течение нынешнего дня у Альки практически не было, и только сейчас, пытаясь заснуть в чужой постели, она стала анализировать все произошедшее. Видимо, зеркало каким-то чудесным образом явилось проходом в параллельный мир, где существуют те же самые люди, что и в Алькином мире, и даже носят те же самые имена. Вот только судьбы их не обязательно повторяют судьбы двойников из другого мира. Видимо, обязательными для обоих миров являются только наиболее важные моменты человеческих судеб: рождение и смерть. Ну и, конечно, продолжение рода. Уж коли в обоих мирах существуют одни и те же люди, можно смело предположить, что и дети у них рождаются одни и те же. То есть от одних и тех же родителей и в одно и то же время. Таким образом, если бы Алька действительно забеременела в свое время от Утицкого, то же самое произошло бы со здешней Альбиной. И

наоборот. Если бы Альбине вдруг вздумалось родить от мужа, ныне уже бывшего, то и Альке пришлось бы рожать от Муравича. Уж неизвестно, каким образом это произошло бы: то ли она изначально кинулась бы не на Утицкого, а, как и Альбина, запала бы сразу на Муравича, то ли по пьянке где-то в общей компании переспала бы с ним, то ли совершенно обдуманно отдалась бы Ивану, выбрав его на роль любовника. А может, он бы ее изнасиловал где-нибудь в подворотне — не важно, важен лишь результат: если бы здешняя Альбина Щербакова родила от здешнего Муравича, то и Альке пришлось бы рожать от того Муравича, из ее собственного мира. Да, забавные наблюдения…

Интересно, как там устроилась настоящая Альбина? То есть не настоящая, а из этого мира, ведь Алька — тоже настоящая, а никакая не подделка под звезду. Она по паспорту Альбина Щербакова, родилась у тех же родителей, что и эта Альбина, вернее, у здешних копий этих родителей. Тьфу, совсем запуталась! Это та Альбина родилась у здешних копий Алькиных родителей, а сама Алька — у тамошних оригиналов здешних копий ее родителей. Или опять неправильно? Неважно, главное, они абсолютно идентичны: Алька — Альбине, а ее родители — родителям Альбины. Вот, так наверняка правильно. Итак, куда же делась Альбина из этого мира? Факт, что отсюда она исчезла, иначе они непременно где-нибудь пересеклись бы, хоть дома, хоть на репетиции. Однако этого не произошло. Видимо, по задумке Творца параллельного безобразия встреча двух Альбин в одном мире не была предусмотрена. Значит, войдя в этот мир, Алька тем самым отправила Альбину в свой? Раз уж незапланированная Алька появилась здесь, то другая непременно должна оказаться там, откуда пришла Алька. Как в законе о сохранении энергии: если где-то чего-то прибыло, в другом месте непременно столько же и того же должно убыть. Надо же, вот и физику вспомнила, когда понадобилось! И Алька рассмеялась про себя. А она-то, будучи школьницей, все твердила матери: "Зачем мне нужна эта физика?" Вот и сгодилась! И кто бы мог подумать, при каких условиях! Да, их учитель физики не поверил бы в такое никогда в жизни. И никакой закон сохранения энергии не помог бы. А Алька, несмотря ни на что, все-таки оказалась в параллельном мире. И теперь она — звезда эстрады Альбина Щербакова. А Альбина теперь — Алька, тоже Щербакова, но неудачница.

Алька усмехнулась в темноте: да, наверное, весело Альбине было оказаться на Алькином месте! И тут же сердце похолодело: ведь если Альбина оказалась в ее квартире, то она тоже может обнаружить проход в зеркале! И тогда — амба Алькиным мечтам

остаться здесь навсегда. Как миленькой, придется возвращаться домой, к опостылевшему Таракану… Да, но тогда зеркало опять окажется к ее услугам! И она снова сможет вернуться в этот мир! И тогда опять зеркало окажется во власти той Альбины? И что же, теперь они так и будут вертеться целыми днями из одного мира в другой?! Тогда почему же Альбина до сих пор не вернулась? Или, может, ей тоже там понравилось, так же, как и Альке здесь? Бред, кто может остаться на ее месте добровольно, променять звездную жизнь на прозябанье в нищете, да еще и с противным Тараканом?!

Однако Альбина не вернулась, и это — реальный факт. Значит, она не смогла вернуться, то есть не обнаружила проход. Почему? Неужели зеркало закрылось за Алькой? Тогда что же, она никогда не сможет вернуться? Подумаешь, велика потеря! А родители? Сердце заныло. Алька в принципе никогда не была послушной и заботливой дочерью, но привыкла, что в любой момент родители должны быть к ее услугам. К кому бежать здесь, если вдруг чего? Судя по всему, ее здешние родители должны быть живы, иначе и с ее настоящими что-то произошло бы. Но ведь это — не Алькины родители. Да, они, должно быть, абсолютно на них похожи, но все-таки это не они. И еще неизвестно, какие отношения существуют между Альбиной и ее ближайшими родственниками.

Ой, как все запуталось! Ладно, на кой ей родители в этой жизни, когда она и без них как сыр в масле кувыркается? Она-то без них здесь запросто перебьется, а вот они без нее как? Может, они тут привыкли, что Альбина посещает их чуть не каждый день, да еще и материально содержит? Это что ж, она теперь должна взять на себя заботу о чужих стариках? Этого еще не хватало! Алька привыкла, чтобы заботились о ней, сама же ни о ком и никогда не заботилась. А, ладно, как-нибудь да будет… И Алька со спокойной совестью уснула.

***

Перед концертом Алькино сердечко выскакивало из груди от волнения. Во-первых, она уже сто лет не выступала. Во-вторых, пела-то она до сих пор лишь на школьных праздниках да концертах самодеятельности, большой аудитории зрителей пока не удостаивалась. Тут же ей предстояло выйти на сцену под пристальными взглядами трех тысяч зрителей, да к тому же и под словно приклеившиеся, назойливо отслеживающие каждый ее жест, камеры — концерт транслировался в прямом эфире телевидения. Однако восторг зрителей, приветствующих бурными овациями появление на сцене любимой певицы, не дал упасть в обморок от волнения, придал силы, и Алька спела более-менее

сносно. Зритель "скушал" исполнение, но сама-то Алька чувствовала, что спела далеко не лучшим образом. Да и песни были непривычные, мелодика несколько странная, царапающая Алькино ухо. Но какой восторг она испытала, стоя на огромной сцене в свете софитов, задаренная аплодисментами и цветами благодарных поклонников!

Однако эйфория скоро улеглась. В гримерку влетел образина двух центнеров веса:

— Ты что себе позволяешь, сука? Ты решила, что тебе все можно? Дорогуша, позволь тебе напомнить — у Муравича нынче другие симпатии, и тот факт, что когда-то ты была его супругой, не основание для откровенной халтуры. Ты, дорогуша, устала от славы? Так отдыхай! Ты свободна, детка! Мне такие "звезды" на хрен не нужны! Ты в прямом эфире позволяешь себе такие киксы, как юная горнистка на плацу! Утицкая — дерьмо собачье, но даже она себе этого не позволяет! Знает, что способна облажаться в любую минуту, так "фанеру" за собой таскает по всем весям и не лезет в эфир живьем! Собирай манатки и выметайся отсюда! Поищи себе другого продюсера! Муравич тебя кинул на всю страну, я приютил. Так вместо благодарности ты меня опозорила?

Алька сидела ни жива, ни мертва. Кто это такой, чтобы хаять ее, Альбину Щербакову?! Подумаешь, облажалась чуть-чуть, зрители этого, кажется, даже не заметили. А этот кусок дерьма, двести килограммов чистого сала, смеет так на нее орать? Да еще и выгнать грозится?! Алька чуть было не высказала все это в лицо нахалу, да вовремя одумалась: а кто это, собственно? А вдруг она от него действительно зависит? Слова же "Поищи другого продюсера" многое объяснили, и Алька испугалась. Так Муравич, оказывается, бросил ее не только как женщину, но и как певицу? Да еще и на всю страну? А если теперь Сало ее бросит, она что, окажется вообще никому не нужной?! И опять останется у разбитого корыта, как в том мире?! Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить! Она любым способом должна сохранить место под солнцем. Если Альбине удалось чего-то добиться в этой жизни, то Алька просто не имеет права пустить ее успехи коту под хвост. Как показала практика, сама Алька ничего не смогла добиться, а значит, должна приложить все усилия для того, чтобы удержаться на гребне чужого успеха. Не ради Альбины, а ради себя самой! Ведь ей здесь жить! Она уже твердо решила, что по собственной воле не вернется в свой мир, останется здесь пожинать плоды славы Альбины Щербаковой. А теперь оказывается, что положение Альбины не так уж и прочно, и его нужно отстаивать каждую минуту? Нет, она решительно не имеет права напаскудить себе самой, потеряв покровителя! Но как же

Альбина умудрилась найти себе в покровители такого откровенного урода?!

— Что молчишь? — хамовато спросил Сало. — Решила, что звездой великой стала? Не нужен больше Варенник? А как Муравич тебя бортанул, что пела? "Коля, возьми меня, верой и правдой отработаю"? Что-то я не вижу ни веры, ни правды. Ни отработки хорошей. Я тебя, курву, под свое крылышко пристроил, а где благодарность? Где, я тебя спрашиваю? За такое пение, как сегодня, скоро не тебе платить будут, а ты сама. Я на тебе разорюсь, детка. Так за что, скажи, я должен страдать? Чем провинились мои уши, что должны слушать этот вой? Чем провинились мои щеки, что должны краснеть за такие выступления в прямом эфире? Ради чего я должен подставлять под удар свое доброе имя? Чтобы все говорили, что Варенник слабак, подбирает объедки со стола Муравича? А ведь я с тобой еще не спал, чтобы мог терпеть такое. Может, ты и стоишь таких унижений, но я об этом пока не догадываюсь. Так что делать будем, крошка? Будем уходить к другому продюсеру? Или вообще со сцены? Или разденемся для начала?

Алька молчала в ужасе. Так она должна платить этому уроду собственным телом? Нет, так они не договаривались! Она, конечно, на все готова ради сцены, но не на это же!

— Коля, прости, я последний раз лажанулась. Обещаю — больше такого не повторится, я буду умницей. Ты же знаешь — я певица от Бога, просто не успела, — Алька чуть было не проговорилась, что она не успела выучить новые для нее песни, что совсем не разбирается в нотах, да и сами ноты вместе с музыкой не такие, как в Алькином мире.

Однако Варенник не дал ей проговориться, прервал грубым смехом:

— Не смеши — "певица от Бога"! Ты — певица из-под Муравича, — смех прервался на полхоха, и Сало продолжил жестко, даже жестоко. — Только Муравич твой в прошлом. Хочешь и дальше быть певицей — станешь певицей из-под Варенника. И не иначе. И не завтра, а сейчас. Мне надоели твои фортели. В конце концов, ты не с луны свалилась и сама знаешь правила. Я и так долго ждал, был слишком добрым к тебе. А чем ты, собственно, лучше других моих шлюшек? Разве что поешь действительно чуть лучше, но не настолько, чтобы освободить тебя от налога. За "лучше" ты получаешь больше да имеешь больше субботников, вот и вся разница. А передо мной вы все равны.

И, не ожидая от Альки ответа, нагло задрал концертную юбчонку и усадил прямо на гримерный столик. Алька сжалась,

как от удара. Прикосновения Сала были так противны, к тому же от него отвратительно пахло смесью дорогого одеколона, дезодоранта и немытого тела, что Альку чуть не стошнило прямо ему на колышущееся брюхо. Так хотелось вцепиться зубами в его толстые, как вареники, губы, плюнуть в жирную самодовольную рожу. Но так страшно было вновь потерять надежду выйти на сцену, никогда больше не слышать аплодисментов и скандирования: "Аль-би-на, Аль-би-на!", и она терпела, стиснув зубы, вторжение чужой плоти, и, чтобы не вырвать, старалась отвлечься от происходящего, размышляя: Варенник — это фамилия или прозвище из-за толстых губ, весьма похожих на известное кулинарное изделие…

***

На следующее утро Альке ужасно не хотелось просыпаться. Во сне все было так здорово, просто замечательно. Она была звездой, все ее любили, и жизнь ее была цветна и прекрасна. Ей хотелось завернуться в этот сон, как в стеганное лоскутное одеяло, и никогда не просыпаться. Но ужас вчерашнего дня разбудил в рань несусветную, не позволяя вновь заснуть. Алька ворочалась с боку на бок, пытаясь отогнать неприятные воспоминания, но Сало вновь и вновь колыхался над ней бесконечным пузом, сопел и кряхтел, и Алька представляла себе его так отчетливо, что казалось, будто она задыхается от чудовищной смеси запахов его тела и дыхания, чувствует прикосновение его липких ладоней.

Да-а, не так уж сладка оказалась на самом деле звездная жизнь. Ну ладно, один раз ей удалось выдержать близость с отвратительным продюсером. Возможно, она сможет еще раз наступить на горло собственной песне и со скрипом допустит к телу этого урода. Но остановится ли на этом Сало? А что, если близость с Алькой войдет у него в привычку? И как-то непохоже, чтобы он привык спрашивать согласия на близость у партнерш. Это что ж получается — она в любой момент должна быть готова "принять" эту бочку прогорклого сала? Да еще и изображать при этом вселенский восторг от его отвратных ласк?!

Запах почти всемогущего продюсера до сих пор преследовал Альку. Несмотря на принятый сразу после возвращения домой душ, ей казалось, что она насквозь пропиталась его вонью. Алька сбросила с себя одеяло и решительно направилась в ванную, чтобы покиснуть пару часиков в воде и окончательно избавиться от воспоминаний о вчерашнем.

Но и в ванне, обласканная теплой водой и мягкой пеной со странным, незнакомым запахом, Алька не могла избавиться от

воспоминаний и, соответственно, размышлений о дальнейшем ходе событий. Распрощаться с эстрадой — нет, этого она никогда не допустит. Это даже не обсуждается. И если ради возможности выйти на сцену ей придется спать с Салом — ничего не поделаешь, она будет терпеть его притязания. В конце концов, терпела же она до позавчерашнего дня ежедневные притязания Таракана. Причем, терпела даже не за славу, не за возможность выходить на сцену, а всего-то, образно говоря, за тарелку супа! Нет, сцена — это все. И появилась Алька на свет именно для пения. В данном случае неважно, на какой именно свет она появилась. В каком бы мире она ни родилась, все равно она создана для сцены. И добровольно она с нее не уйдет. Она ляжет под кого угодно, лишь бы петь. Лишь бы ее кто-то слушал, лишь бы мир знал, кто такая Альбина Щербакова. Если нужно, она будет отдаваться Салу, как некогда Таракану, каждый день. Она будет к его услугам в любое время дня и ночи, лишь бы иметь доступ к сцене. Но Боже мой, как ей не хочется этого делать! Может быть, все же есть иная возможность остаться в зените славы, не будучи при этом Варенниковой подстилкой?

Выход должен быть. Он есть, его не может не быть. Его нужно только отыскать. Вопрос — где? К кому она может обратиться за помощью в этом мире? Кого она здесь знает? Утицкий? Отпадает. Судя по всему, он здесь, как и там — ноль без палочки. Больше того, еще и тряпка половая. Знать, что жена наставляет тебе рога практически на глазах у всей страны, и принимать это, как само собой разумеющееся и даже вполне достойное положение вещей, это уж самая последняя низость на Алькин взгляд. Даже если любовником жены является не кто иной, как знаменитейший продюсер Муравич. Муравич! Вот к кому она должна обратиться! Ведь он здесь — не просто едва знакомый человек, здесь он — ее бывший муж и экс-продюсер, а значит, она имеет полное моральное право обратиться к нему за помощью. Вот он, выход!

Радостная, Алька выскочила из ванны. Обмотавшись полотенцем, побежала в спальню, крикнув на ходу:

— Люся, позвони Иоанну Ильичу! Я отвечу из своей комнаты.

В спальне Алька сбросила полотенце с еще влажного тела и подошла к зеркалу. Полюбовалась собственной фигуркой: "Да, а я еще вполне ничего себе!", освещенная со спины яркими лучами солнца. Капельки воды поигрывали в солнечном свете, и Алька действительно выглядела великолепно, больше похожая не на живую женщину, а на статую, вылепленную гениальным мастером из странного симбиоза стекла и мрамора. И вдруг ощущение совершенства исчезло — сначала "статуя" перестала быть стеклянно-мраморной, на глазах превратившись в изваяние из

дешевого грязного камня. Вслед за этим пропало и совершенство форм — изображение расплылось в ширину, причем не равномерно, а полосами: одна полоска влево, другая вправо, следующая опять влево. Потом и это изображение стало блекнуть, теряться на темнеющем фоне. И яркие солнечные лучи, все еще освещавшие сзади Альку, уже не отражались в зеркале, а словно тонули в нем. В первые мгновения Алька испугалась, но быстро поняла, что это, по всей видимости, опять открывается проход. Просто раньше она не видела, как это начинается, а видела только полную метаморфозу. Вернее, нет, она видела что-то в первое утро, но не обратила на это внимания, приняв за проблемы со зрением, и сразу прошла мимо, а, умывшись, застала на месте зеркала бесшумно плескавшееся вертикальное море.

С осознанием того, что проход открывается, испуг не прошел, а лишь поменялся. Теперь она боялась не непонятного, а того, что вот сейчас из зазеркалья выйдет настоящая Альбина, а ей, Альке, придется вернуться домой, к постылому Таракану. И Алька даже села на кровать и вцепилась в ее края, надеясь, что это сможет ее уберечь от возвращения. И тут раздался Люсин голос:

— Альбиночка, Иоанн Ильич в эфире, включите телефон!

Не сразу сориентировавшись, какой такой Иоанн Ильич ее беспокоит, отвлекает так не вовремя, Алька нажала зеленую кнопку на странном аппарате, видимо, являющемся телефоном:

— Алло, — а сама еще не знала, что говорить. Внезапное открытие прохода совсем выбило из колеи, все мысли, такие важные, разлетелись по разным уголкам сознания. Попробуй теперь собрать их в кучку!

— Здравствуй, Альбина. Слушаю тебя, — почти забытый голос давнего знакомого раздался прямо из коробочки.

— Здравствуй, Иван. Могу я с тобой встретиться? — а сама не отрывала глаз от прохода. Здорово будет, если сейчас здесь появится Альбина, а Алька растворится в воздухе.

— Встретиться можно, — после довольно продолжительной паузы ответил Муравич. — Что-то случилось? Мы не виделись столько времени, я думал, ты не хочешь иметь со мной ничего общего…

— Нет, Вань, что ты! Просто…, - Алька замешкалась. Что "просто"? Какие отношения были у Альбины и Муравича после развода? Не попасть бы впросак, а то Муравич может решить, что у нее с головой не все в порядке. — Просто занята была, да и ты сам все, в общем-то, понимаешь…

— Да, конечно, — охотно подхватил Муравич. — Так у тебя все в порядке?

Алька заметалась. Ответить "да", а вдруг он откажется от

встречи? Мол, раз у тебя все в порядке, нам и встречаться незачем, нет у нас больше ничего общего. Ответить "нет", поймет, что видеть его она желает сугубо из эгоистических целей.

— Да так, ничего, можно сказать, все в порядке…

— Хорошо, я подъеду часам к четырем. Тебе это будет удобно?

— Конечно, Ваня. Ты же знаешь, для тебя у меня всегда есть время!

Муравич весьма резко усмехнулся и попрощался:

— Ну пока, до вечера!

Итогом разговора Алька была вполне довольна. Но не довольна была поведением зеркала. Оно по-прежнему отливало свинцовой рябью, словно приглашая Альку вернуться домой. "Нетушки, не дождетесь!", — злорадно подумала Алька. Вернуться по доброй воле? Ни за что! Но надо же что-то делать с наглым зеркалом. А вдруг Люся войдет и обнаружит дыру в пространстве? Она же сразу обо всем догадается! А ведь через несколько часов придет Иван, и кто знает, не доведется ли Альке принимать его в спальне? В конце концов, если постельных дел не избежать, то Алька предпочла бы иметь дело с Муравичем, нежели с Салом. А тут такое безобразие творится на месте зеркала!

В панике, как бы не вернулась так некстати Альбина, или не вошла бы Люся, Алька попыталась набросить на зеркало полотенце. Оно легло на верхний край, но собственная тяжесть, сдобренная влагой с Алькиного тела, тут же увлекла его вниз, на пушистый светлый ковер. Полотенце упало, но на какое-то мгновение Альке показалось, что, прикрытое полотенцем, зеркало стало нормальным. Она подняла полотенце и приблизила его к зеркалу, не отпуская из рук, но и не прикасаясь к зеркальной поверхности. И действительно рябь субстанции мгновенно стала гладкой и серебристой, максимально похожей на настоящее зеркало, но все же как будто мокрой. Обрадованная открытием, Алька подскочила к окну и задернула шторы. Но шторы были довольно светлые, и своеобразное море лишь частично притухло, чуть-чуть, самую малость посеребрилось, по сути оставаясь все той же субстанцией. Однако этого превращения Альке хватило, чтобы понять, что проход закрывается без доступа прямых солнечных лучей. Может, и не закрывается полностью, но по крайней мере чисто визуально ничем себя не выдает. А значит, достаточно повесить плотные шторы и держать их закрытыми до тех пор, пока солнце не покинет определенный сегмент неба, и она будет лишена неприятных сюрпризов в виде внезапного возвращения в родной мир, или же обнаружения прохода

посторонним человеком.

Тут же возмущенной Люсе было дано соответствующее распоряжение насчет немедленной покупки плотной ткани для штор, и Алька осталась в гордом одиночестве. Часы показывали всего полпервого, до прихода Муравича еще было море времени, но Алька уже начала понемногу готовиться к важной встрече. Жаль, ах, как жаль, что она не знает истории отношений Альбины и Муравича. Как бы не попасть впросак, сделав неудачный выпад. По какому принципу существовала их семья? Кто был лидером? Вероятнее всего, Иван. А кто кому чаще уступал? Была ли это игра в одни ворота? Вряд ли, ведь в этом случае лишь Иван был бы известной личностью. Если бы в этом мире он был полным эгоистом, его супруга, или, вернее, супруги, были бы обыкновенными домохозяйками. Однако он вывел на орбиту Альбину, ему удалось протолкнуть к эстрадному олимпу даже совершенно безголосую любовницу. Скорее всего, между ними все-таки были партнерские отношение. По крайней мере, в прошлом. А значит, у Альки есть основания надеяться на его поддержку.

Алька сидела в спальне перед гримерным столиком и тщательно накладывала макияж. Периодически поглядывала на проход, все еще опасаясь появления из него соперницы. И какова была ее радость, когда плавно, но довольно быстро, метаморфозы произошли в обратном порядке, и зеркало вновь стало зеркалом. Алька глянула на часы: час двенадцать минут. А открылся проход около одиннадцати, скорее, даже чуть ближе к десяти тридцати. Это время может несколько меняться, в зависимости от времени года, но основное правило Алька поняла: проход открывается только под воздействием прямых солнечных лучей. Значит, ей надо сделать так, чтобы солнце ни в коем случае не попадало на зеркало. Видимо, когда они с Тараканом перевесили зеркало на дверцу ниши, тем самым как раз подставив его солнцу, оно каким-то чудесным образом совпало с зеркалом Альбины в параллельном мире. Совершенно случайное, ничтожно маловероятное совпадение привело к появлению на свет прохода между двумя мирами. Потрясающе!

Однако несколько волновало Альку то обстоятельство, что Альбина до сих пор не попыталась вернуться домой. Неужели она не обнаружила странностей в поведении зеркала? А вдруг… Алька аж похолодела от ревности: а вдруг ей так понравилось быть женой Утицкого, что она просто не хочет возвращаться в этот мир, где она вынуждена расплачиваться за славу собственным телом? Чушь какая! Тут она платила телом по крайней мере не за до смерти надоевшие макароны и нищенское

существование под крылышком ненасытного Таракана, а за славу, за всеобщее признание и любовь публики, за возможность иметь выход на сцену и петь, петь, петь, утопая в самолюбовании, в восхищении собою и собственным голосом, купаться в лучах софитов и благосклонно принимать восторг публики. Разве соизмерима такая плата? Судя по всему, Алька очень даже переплачивала за жалкое гнездышко в Москве и скудную пищу. А Альбина, напротив, очень даже дешево покупала для себя все прелести жизни. И все же она не возвращается… Неужто все-таки влюбилась в Утицкого?

Странно, Алька была уверена, что не любит мужа. Не только не любит, но и никогда не испытывала к нему теплых чувств. Однако сейчас, представив в его объятиях Альбину, почему-то сгорала от ревности. Ах ты, подлец, неужели не почувствовал разницу? Неужто не понял, что рядом с тобой — не Алька, а совершенно посторонняя женщина? Неужели тебе нравится ласкать ее, пусть максимально похожее на Алькино, но все равно чужое тело? Ах ты гад ненасытный, вечно тебе мало, никак не угомонишься, все равно, кто под боком оказался — жена ли, чужая какая тетка… Мерзавец, обманщик, изменник! Подлец!!!

5

За Утицким захлопнулась дверь и Альбина разрыдалась. Что происходит? Неужели она и в самом деле сошла с ума, как утверждает Утицкий? Неужели он действительно ее муж, и они женаты уже больше четырех лет? И она никогда не была замужем за Иоанном? И никогда не была певицей? Не жила в Мамсбурге, не имела домработницу Люсю? Неужели ей все это привиделось? Или она и в самом деле, как утверждает Утицкий, настолько насмотрелась сериалов, что двинулась головой? Или к сумасшествию ее привела неудовлетворенность жизнью и невозможность воплотить мечты в реальность?

Так или иначе, но она замкнута в этом странном мире. Утицкий с ней практически не разговаривает, обиженный за то, что в ее мечтах он оказался мужем Риты, в то время как честь быть Альбининым мужем выпала неизвестно за какие заслуги Муравичу. Накормив сумасшедшую супругу макаронами по-флотски, отрезал вилку от шнура телевизора и понес Альбину в так называемую спальню "лечить". Лечил долго и всерьез, выбивая дурь из ее бедной головы. Странно, но столь хамское поведение Утицкого Альбину почему-то и в самом деле успокоило. Нет, она не забыла о другой своей жизни, не поверила, что сошла с ума, но под его давлением уже допускала, что, пожалуй, действительно перебрала с мыльными операми. В

перерывах между "процедурами" Альбина все еще пыталась убедить Александра в том, что ей не привиделась другая жизнь, рассказывала подробности, вспоминала некоторые события из супружеской жизни Утицких в то время, когда Ритка еще была ее подругой. Сначала он бесился от ее упорства, ругался на нее, но постепенно Альбина заметила, что ее рассказы стали действовать на него возбуждающе. Утицкий "лечил" ее до двух часов ночи, разбудил в шесть утра для очередной порции "процедур". И, казалось, выбивая из нее дурь, получал такой кайф, как никогда ранее. Интереснее всего оказалось то, что Альбина, ненавидевшая раньше Утицкого, с невероятным отвращением, практически насильно допустившая его в святая святых, с первых мгновений нежеланной близости почувствовала нечто, до сих пор ей неведомое. Она по-прежнему терпеть не могла Утицкого, но почему-то его проникновение в ее лоно вопреки ожиданиям оказалось вовсе не противно, а даже, пожалуй, приятно. Альбина прислушивалась к своим чувствам, с каждым толчком Утицкого в себе все больше ощущая некую неведомую раньше радость физической близости. Потом вдруг и вовсе перестала контролировать себя, словно провалившись в фантастически приятное небытие.

Да, теперь, после ночи любви и ухода не то любовника, не то мужа, Альбина вынуждена была констатировать: интимные отношения с Утицким оказались лучшим, что до сих пор довелось испытать ей в этом плане. За недолгий, в общем-то, брак с Муравичем ей так и не удалось получить в постели ни единой приятной эмоции. Да, она любила Иоанна, любила всем сердцем и душой, но телу на душевные порывы было глубоко наплевать. И все время супружества где-то глубоко внутри сознания сидело неосознанное желание другого партнера. Чего скрывать, другие партнеры у нее тоже имелись. И Иоанну досталась совсем не девочкой, и после него пыталась найти утешение в чужих объятиях. Да и во время брака, пусть редко, но вынуждена была принимать участие в субботниках, когда Иоанн уж никак не мог отбрехаться от сих мероприятий. Разве что посторонних, несанкционированных заходов налево от мужа себе не позволяла. В отличие от него. Но и с другими партнерами тоже особого комфорта не испытывала. Так, один чуть лучше, другой — похуже, но ни один из них до сих пор не смог отправить Альбину в нокаут блаженства. И кто бы мог подумать, что подарить ей состояние сексуальной эйфории сможет не кто иной, как Риткин Утицкий!

Да, любовником Утицкий оказался замечательным. Но вне постели он по-прежнему был Альбине противен до зубовного

скрежета. Да и как она может проникнуться симпатией к этому моральному уроду? Всю ночь развлекался с нею, как с игрушкой, а теперь ушел, даже не поцеловав на прощанье, не оставив денег на развлечения, на завтрак в ресторане, ведь не может же она опять есть вчерашние макароны с фаршем, названные почему-то Утицким флотскими. Да и одежду ей необходимо купить другую, не может же она опять влезть в эти жуткие потертые штаны! Разве она может в таком виде явиться пред светлы Иоанновы очи?

Иоанн! Надо же. Она ведь даже не раздумывала, как найти выход из странного мира, а сознание само подсказало, в каком направлении искать. Конечно, она должна разыскать Муравича! Он все ей объяснит, он поможет вернуться в нормальную жизнь. Он рассмеется и расскажет ей правду, как они с Риткой договорились избавиться одновременно от Утицкого и от Альбины, сведя их друг с другом. А заодно убрать и сильнейшую конкурентку с Риткиной дороги. Вероятнее всего, ей придется долго поваляться в его ногах, прежде чем он позволит ей уговорить себя. Как обычно, начнет выкобениваться, изображать из себя невесть кого. Что поделаешь, придется потерпеть, в который раз унизиться перед любимым. Любимым? Екнуло сердечко, и Альбина вынуждена была признаться себе самой: да, любимым. Пусть подлец, но все еще любимый. Не может она так быстро забыть его, разлюбить. Правда, развелись они довольно давно, уж около года назад. А она все еще любит…

Альбина принялась крутить диск какого-то необычного на вид аппарата, почему-то названного Утицким телефоном. Странно, разве так должны выглядеть телефоны? Насколько Альбина помнила, телефон — это такая плоская коробочка с кнопочками, где нет никаких приспособлений для ушей. Просто нажал нужный набор кнопок и говори прямо в коробочку, а из нее раздается голос собеседника. Здесь же необходимо прижать к уху какую-то штуку и говорить только в нее. Зато у такой громоздкой и странной конструкции есть одно большое преимущество: не надо никого выгонять из комнаты, если не хочешь, чтобы слова собеседника были услышаны посторонним человеком.

Номер Иоанна Альбина помнила наизусть, хотя и никогда не набирала его самостоятельно. До развода не было необходимости — жили они в одной квартире и номер имели общий, да и вообще во времена супружества расставались крайне редко. После развода же Альбина старалась обращаться к нему только в самых-самых пожарных случаях, и связывалась всегда сугубо через незаменимую свою помощницу Люсю. Теперь же, сколько ни ковыряла пальцем в диске, накручивая до боли знакомые цифры, ответ получала один: какой-то механический голос сообщал ей,

что данного номера не существует, и рекомендовал обратиться в справочное бюро. А что это такое и где оно находится, не говорил. И Альбина вновь и вновь крутила диск, и все слушала и слушала, все ждала, что может, догадается тот дурноватый голос сказать ей, где искать это самое справочное бюро. Попыталась было дозвониться в Вопросник, да и там положительного результата не добилась. Правда, механический голос ей уже не отвечал, но в слушательной трубке слушать было решительно нечего — на набор с детства известного всем и каждому номера аппарат отвечал только потрескиванием эфира.

Едва Утицкий переступил порог, Альбина кинулась к нему с расспросами:

— Что такое "справочное бюро" и где оно находится?

Утицкий разозлился:

— Тебе не надоело? Аль, ну сколько можно! Опять будешь изображать из себя дурочку из сериала, потерявшую память?

— У меня с памятью все отлично, — возразила Альбина. — Я только не узнаю ничего вокруг, даже телефон не такой, каким должен быть. А так все отлично. Память просто великолепная: я прекрасно знаю, где родилась, где живу, за кем была замужем, и чьим мужем ты являешься. Ты мне лучше расскажи про справочное бюро.

Александр с силой бросил на стол сумку с продуктами. Раздался характерный хруст и Утицкий совсем взбесился:

— Из-за тебя все яйца разбил! Может, ты еще не знаешь, что такое яйца? Я тебе сейчас покажу…

Что именно вознамерился продемонстрировать Альбине Утицкий, она не успела узнать, прервав его на полжеста:

— Знаю! Про яйца я знаю многое. И самое главное, что они бывают двух видов: диетические и другие. А про справочное бюро не осведомлена. Видимо, там дают какие-то справки…

— И какая справка понадобилась тебе? Из дурдома?

— Нет, из справочного бюро.

— А зачем ты туда звонила?

— Куда?

— Куда-куда, раскудахталась, как та кура. В справку! Какого хрена ты звонила в справку?!

— Да не звонила я ни в какую справку! Мне посоветовали обратиться в справочное бюро, а я не знаю, как это сделать.

— Ну ты чё, старая, опять будешь мне нервы мотать? Опять в больничку поиграть захотела? Так это я мигом, ты знаешь. Только для этого вовсе не обязательно изображать из себя идиотку. Кончай херней заниматься. Я догадываюсь, чего тебе нужно, но совесть-то имей, мужик с работы пришел, жрать хочет, а она его с

порога в постель тащит! Так кто из нас ненасытный?!

Альбина лупала глазами, не сразу осознав, как же так получилось, что разговор с интересовавшей ее темы плавненько перешел на тему, вечно волнующую действительно ненасытного Утицкого. Не успел домой зайти, а уже ни о чем, кроме постели, думать не может. Вот ведь кобель!

— Да жри, сколько угодно! Ты мне только про справочное бюро расскажи! И как позвонить в Вопросник?

Утицкий устало присел на табуретку и спросил обессилено:

— Какой еще Вопросник?

— Ой, Утицкий, не придуривайся! Вроде ты ни разу не слышал про Вопросник!

— Ну вообще-то слышал, но его чаще называют задачником, или, может, учебником. Только никто никогда не пытался в него звонить.

— Ну здрастье, а как же иначе можно узнать ответ на вопрос?

— На какой еще вопрос? Ты что, в институт поступать собралась?

— Во что вступать? Нет, меня не прельщают партии, я далека от политики. Меня интересует тот Вопросник, который помогает, например, найти человека.

— И кого ты хочешь разыскать?

— Муравича.

— Зачем тебе Муравич?!

Альбина взвилась:

— Теперь я тебе скажу: кончай херней заниматься! Сам прекрасно знаешь, зачем он мне. Вы меня задолбали своими розыгрышами, я и так из-за вас не только репетицию пропустила, но и на сегодняшний концерт уже, видимо, не попадаю. Может быть, хватит из меня идиотку делать?

— А Муравич-то чем тебе поможет?

— Я не знаю, чем. Лишь бы он знал. Он все это организовал, он и вытащит меня отсюда. Если, конечно, я его очень хорошо попрошу…

— Кого?!!

— Да Иоанна же! Какой ты непонятливый. Или придуриваешься?

Утицкий устало прикрыл веки и оперся головой на стену:

— Ты имеешь ввиду Иоанна Грозного?

— Это ты верно заметил, грозного. Но вообще-то он не всегда грозный. Когда мы были женаты, он редко на меня злился…

— Кто?!! — Утицкий аж подпрыгнул на табуретке. Та красноречиво скрипнула, но не рассыпалась, хотя, судя по ее виду, ей уже давно пора было на свалку. — Вы были женаты с

Иоанном Грозным?!

Альбина посмотрела на Утицкого, как на недоумка:

— Вот только не надо придуриваться! Вроде, ты этого не знал. Да это вся страна знает…

— Что? Что ты была женой Иоанна Грозного? И которой по счету?

— Саш, ну что за идиотские вопросы? Конечно, первой!

— Это та, которую он в монастырь заточил? Или которую в проруби утопил? Или что он там еще с ними делал? Ты, старушка, "Иван Васильевич меняет профессию" пересматривала, что ли? Или оперу "Иван Грозный" показывали? Что ты несешь! Послушала бы сама себя: она, видите ли, не кто иная, как первая жена Иоанна Грозного! Уж не твоего ли сына он убивает на картине? Я в истории не силен, ты уж просвети меня, дурака…

Теперь Альбине пришлось присесть. Она смотрела на Утицкого, хлопала ресницами и тщетно пыталась ухватить суть беседы. Но как-то она все время от нее ускользала.

— Утицкий, это ты сейчас о чем? Как он мог убить моего сына, если у меня детей-то еще и в помине не было? И на какой картине он его убивает? Господи, что за бред! И с какой стати он должен меня прятать в монастыре или топить в проруби? Ну подумаешь, развелись. С кем не бывает. А в кого он собрался переквалифицироваться?

— В управдомы! Кто?

— Ну как кто? Ты же сам сказал, что он меняет профессию. Только ты отчество перепутал, он вообще-то всю жизнь Ильичом был.

— А-а, так ты про Ленина… А он-то тут при чем?

— Саш, это ты сейчас о ком? Кто Ленин? Так он и Ритку твою бросил, а теперь Лену завел? Во, кобель! И продюсерство решил бросить?! Ну ни хрена себе, перемены! А каким домом он собрался управлять?

Теперь Утицкий хлопал глазами и молчал, не понимая, о чем речь.

— А-а, — хлопнула себя по лбу Альбина. — Так он уходит из профессии, а бизнес передает тебе? Теперь ты у руля? Ну конечно, как же я сразу не догадалась?

Она подскочила к Александру, чмокнула его в губы дежурным поцелуем и вернулась на свою табуретку:

— Теперь все поняла! Он уходит из бизнеса, а ты решил отомстить Ритке, поэтому-то я и здесь. Умница! Ум-ни-ца! Вот теперь пусть поплачут, а мы с тобой горы свернем! Утицкий, я тебя обожаю! Ты знаешь, я постеснялась тебе говорить, но, раз такое дело, скажу — ты просто потрясающий мужик! Иоанну до

тебя — как до луны…

Александр встал:

— Чувствую, пожрать мне сегодня не удастся…

6

Муравич появился ровно в четыре, как и обещал. Алька встретила его во всеоружии: полдня наводила марафет, дабы понравиться "бывшему мужу", по совместительству продюсеру. Увы, тоже бывшему. Но Алька очень надеялась его переубедить, ради того и старалась несколько часов кряду у зеркала.

Иван выглядел куда лучше своего зазеркального двойника. Конечно, трудно выглядеть плохо, будучи столь состоятельным человеком, каким, судя по всему, и является здешний Иван. Даже не слишком высокий рост не бросался в глаза, умело скрытый оригинальным кроем костюма. Вот только Алька не знала, как ей к нему обращаться — с его двойником она никогда не была дружна, ведь даже Утицкий имел с ним очень мало общего, лишь изредка попадая вместе в гастрольные поездки, так как обычно играли они в разных составах.

Алька провела гостя к накрытому столу в гостиной. Люся постаралась на славу, оформив стол, как в дорогом ресторане. Непривычные для Альки яства были вычурно выложены на оригинальные прямоугольные тарелки, салфетки были вообще какой-то невообразимой формы.

Муравич по-хозяйски налил светло-голубое вино в затейливые фужеры с витыми ножками, поднял свой навстречу Алькиному, но, не донеся до ее фужера всего каких-то полсантиметра, отдернул обратно:

— За тебя, девочка. Я рад, что ты научилась справляться без меня. Не думал, что ты выплывешь, — и, не ожидая ответа, выпил до дна.

Алька с опаской пригубила содержимое фужера. За свою жизнь ей довелось попробовать немало спиртных напитков: и белых, и красных, и желтых. Даже зеленые пробовала, а вот голубые до сих пор не то, что пробовать, даже видеть не доводилось. Вино оказалось довольно терпким, пахнущим травами, и, по Алькиным понятиям, больше походило на спиртовой аптечный настой. А лекарства она очень не любила, особенно в жидкой форме, а потому, вопреки привычке, не выпила, а лишь пригубила и отставила фужер в сторону. Вино вином, но тост, или что это было, требовал ответа или хотя бы некоторой поправки.

— Да нет, Вань, не так уж хорошо у меня получается без

твоей поддержки…

Муравич поморщился:

— Альбина, ну что за панибратство! Ты же знаешь, я терпеть не могу имя Иван, и уж тем более Ваня и его производные. Я не стал выговаривать тебе за это по телефону, думал, сама догадаешься по моему сдержанному тону, что допустила бестактность. Будь любезна, следи за своим языком. Я же так долго приучал тебя к тому, что я не Иван какой-нибудь занюханный, а Иоанн, а стоило развестись, как ты сразу все забыла. Или это твоя маленькая месть? Мелко, Альбина, как мелко!

— Прости, Иоанн, я действительно лопухнулась. Я нечаянно. И мстить не собиралась. Мы же взрослые, интеллигентные люди. Прости, — и она легонько погладила его руку.

Муравич руку не убрал, но и на Альку не посмотрел, словно бы и не заметил ее жеста. Свободной рукой вяло ковырял что-то разноцветное в тарелке:

— Не мстишь, говоришь? А зачем подала мельсисток? Ты же знаешь, я его терпеть не могу!

Алька вскинулась. Мельсисток? Что еще за мельсисток такой? Это вот то цветное, что ли? Алька так и не поняла, что это такое и какое происхождение имеет — растительное ли, животное, но одно поняла точно: Люся устроила ей редкую подлянку! Ведь наверняка же знала, что Муравич не любит мельсисток, но намеренно приготовила именно его.

— Нет, Иоанн, это не мои козни, — сказала с самой очаровательной улыбкой, на которую только была способна. — Я даже не знала, что Люся собирается подавать. Это моя ошибка…

— И увы, не единственная, — менторским тоном изрек Иоанн. — Что ты вытворяла вчера на сборнике? Мне просто стыдно было слушать это непотребство! Один раз народ такое безобразие схавает, но второго кикса не простит. Ты знаешь, что полагается за такое исполнение?

После этих слов перед Алькой моментально заколыхался образ Сала, ритмично толкающегося в нее своим огромным пузом, картинку дополнил наплывший вдруг из памяти запах потного тела, щедро сдобренного одеколоном. Руки затряслись и Алька выронила вилку. Нет, есть теперь она уже не сможет. И трясущаяся рука потянулась к фужеру.

— Да, Варенник мне очень популярно объяснил… Только, знаешь, мне не нравятся подобные методы воспитания. Иоанн, я именно об этом и хотела с тобой поговорить.

Муравич искренне удивился:

— А о чем тут говорить?

— Как о чем, — Алька смущенно отвернулась. Как ему рассказать о притязаниях Сала? — О его методах воспитания.

Муравич усмехнулся:

— Дорогая, а что ему оставалось делать после такого позорища? Признайся, солнышко, что ты заслужила наказание.

Алька была пренеприятно удивлена, что "акт возмездия" совершенно не смутил Муравича. Как же так, ведь твою бывшую жену, бывшую подопечную, звезду эстрады, которую ты собственноручно вывел на орбиту, какая-то мерзость оскорбляет до глубины души, а ты даже не возмущен этим фактом?!

— Да, я действительно немножко облажалась, но не до такой же степени!!! — возмущенно воскликнула она. — Ладно, пусть даже я действительно опозорилась по полной программе, это не дает ему основание на… Ну, в общем, ты сам все понял. Ладно, с очень даже большой натяжкой я могу допустить, что он был прав, что наказал меня. Но это же должен быть единичный случай! А он грозится, что теперь так будет всегда!

Муравич удивленно приподнял брови. В то же время уголки его губ слегка потянулись в сторону ушей:

— Альбина, ласточка моя, ты меня удивляешь. Ты что, вчера на свет родилась? Ты сколько лет в этом бизнесе? Что тебя возмутило в поведении Варенника? То, что он применил вполне законный метод воспитания? А скажи, он что, раньше тебя не воспитывал, что ли?

Алька, ошеломленная его восприятием произошедшего, покачала головой:

— Нет! — Покачала так уверенно, ведь ее-то он действительно раньше не воспитывал. Да и настоящую Альбину, пожалуй, тоже пальцем не трогал, что-то Варенник высказывал на сей счет. — Нет, что ты, как можно!

— Ну ни фига себе, мужество! Да ты ему памятник должна поставить за такое воздержание! Ты же знаешь главное правило нашего бизнеса: кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Милая, правила существуют для всех, независимо от ранга. Альбина, неужели я должен объяснять тебе азбуку нашего бизнеса?!

Алька ошеломленно молчала. Вот те раз! Так это у них тут правила такие?! Это, выходит, норма?! Раз продюсер, так уже и в дамки можно без разрешения?!

— Как же так, Ванюша? Ведь он же получает свой процент от всех моих выступлений, и процент немалый. За что же ему еще и это?

Муравич вновь скривился:

— Альбина! Я делаю второе замечание. Третьего не будет — я просто исчезну. И, уж коли зашел разговор, так тебе прекрасно

известно, что на процент от выступлений не проживешь ни ты, ни он. Все мы живем совсем на другие проценты…

— Прости, Иоанн, прости пожалуйста, — Алька настолько перепугалась, что вот сейчас Муравич психанет и уйдет, и останется она без всякой защиты, без помощи, и никто противному Салу руки не укоротит, что совсем не обратила внимание на замечание о каких-то там других процентах. — Я случайно, сама не знаю, как вырвалось. Просто мне так хочется назвать тебя ласково, а Иоанна не слишком-то приласкаешь. Не обижайся.

Алька вновь погладила гостя по руке. И вновь Муравич, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Я хочу, чтобы ты опять взял меня к себе. Если уж меня и будет кто-то наказывать, я хочу, чтобы это был ты. Тебе не обязательно снова жениться на мне. Просто стань моим продюсером. Пожалуйста, Иоанн! Ты же знаешь, я не люблю унижаться, но ты должен мне помочь!

Только теперь Муравич резко выдернул свою руку из-под Алькиной:

— Я никому ничего не должен, тем более тебе. Это ты мне по гроб обязана. Я мог вообще убрать тебя со сцены. Однако я милостиво позволил тебе на ней остаться! И с каких это пор тебе вдруг стали приятны мои "наказания"? Что-то я не помню в тебе такого энтузиазма. Когда ты была моей женой и подопечной, не слишком-то я тебе нравился. Хоть бы раз изобразила, что тебе приятны мои ласки! Ты же практически сама толкнула меня в Риткины объятия! Я ее, шлюху, терпеть не могу, зато в постели она — королева. И не снежная, как ты, а королева шлюх. Я с ней мужиком себя чувствую, а не извращенцем, занимающимся сексом с трупом. А теперь, выходит, на фоне Варенника я обалденный мужик? Нет, милая, прочувствуй, как мне жилось с тобою. А ведь я тебя любил. Каково мне было отправлять тебя на субботники, когда не мог от них отбрехаться? А ты приходила с них, как ни в чем ни бывало, ни словом, ни жестом не показывая, что я тебе хоть чуточку дорог. Я не смог научить тебя быть женщиной, так может, Вареннику удастся тебя разбудить. А нет — так хоть разницу прочувствуешь между любящим мужчиной и голодным кобелем, трахающим ближайшее дупло.

Вскочил из-за стола так, что опрокинулись оба фужера, залив белоснежную скатерть голубыми лужицами, и уверенной походкой направился к двери. И даже не попрощался.

***

Алька с силой оттолкнулась от стола руками, да забыла, что

стул-то не на колесиках, и чуть было не упала. Однако в последнее мгновение перед падением удалось зацепиться за стол. Впрочем, уж лучше бы она упала. Или, может, надо было ухватиться не за сам стол, а лишь за скатерть и упасть не в гордом одиночестве, а под громкие фанфары разбивающегося вдребезги фарфора и хрусталя. Такой себе оригинальный салют протеста.

"Какая же ты, Муравич, сволочь! Подлец, урод! Ну и трахай свою Ритку — королеву шлюх, на большее ты, видимо, не способен. Не сумел разбудить в бабе женщину, и теперь мстишь ей за это самым подлым образом. Ну и ладно, и хрен с тобой! Я и без тебя управлюсь. Управлялась же как-то Альбина, а я разве хуже???"

Конечно, Альбине-то оно легче было, к ней Варенник не приставал. Да и не слишком-то та Альбина пробивной оказалась. За нее все сделал Муравич, а она, дура, даже не догадалась изобразить из себя страстно влюбленную. Идиотка! Неужели так сложно было поохать-поахать под Иоанном, дабы не разозлить невзначай мужика, от которого зависишь целиком и полностью? Альке и самой приходилось несколько лет терпеть назойливые ласки мужа, однако она неизменно, как бы ни был он ей противен, а пару-тройку раз обязательно постанывала сладострастно. От нее не убудет, а мужику такая радость. Пускай будет уверен, что сделал ее в очередной раз счастливой. И вовсе ему необязательно знать, что он для нее — нуль без палочки, и что его старательные упражнения не приносят ей ни малейшей радости. Дура ты, Альбина, ох и дура! Теперь вот из-за твоей глупой башки Альке страдать приходится. Ну и пусть! Она выдержит, она все выдержит, только бы иметь возможность петь. И не дома, принимая ванну, а на большой сцене, перед тысячами благодарных зрителей. И никакой Варенник не отобьет у нее это желание. Подумаешь — Варенник! Если уж она выдержала четыре года бесконечных притязаний Утицкого, то и Сало как-нибудь выдержит. Правда, Утицкий все-таки был менее противен…

Не успела Алька остыть от обиды на Муравича, как позвонил Варенник:

— Давай, девочка, быстренько собирайся. Тут срочный заказец объявился — маленький частный концертик для новых спонсоров. Ну ты сама знаешь — минут на тридцать, потом фуршет с гостями. В общем, все, как обычно. Машина уже выехала, так что будь готова через двадцать минут. Все, отбой. Я встречу тебя на месте.

***

Машина остановилась возле небольшого деревянного домика сказочного вида. И, прямо как у Пушкина, на небольшой башенке со шпилем восседал петушок. Правда, не золотой, но все равно домик выглядел весьма забавно.

У входа ее уже ожидал Варенник. Алька только успела преодолеть три ступеньки, ведущие к крыльцу, как он, не говоря ни слова, открыл перед нею дверь и легонько подтолкнул в спину. Алька оглянулась и ахнула: она оказалась не в доме, а… в бане! Нечто типа привычной сауны, только в одном углу довольно просторного предбанника были устроены своеобразные подмостки: сцена ни сцена, так, деревянный настил высотой всего-то сантиметров пятнадцать. Причем, доски были сколочены словно наспех, и между ними темнели щели. Топтаться на таком полу на тонких шпильках? Это же самоубийство!

Зрителей было всего пятеро. Мужички приблизительно одного возраста — в районе сорока, четверо довольно приятны лицом, пятый же казался братом-близнецом Варенника. Может, и не близнецом, но похож был весьма и весьма: рожа точно также утопала в складках жира, а пузо колыхалось при малейшем движении. И что было совсем уж неприятно — одеты зрители были лишь в простыни…

Алька было попятилась обратно, да в ее спину уперся животом Варенник. Сало пер, как бульдозер, проталкивая Альку поближе к гостям, потом рывком забросил ее на импровизированную сцену так, что она едва устояла на ногах и тут же пошла фонограмма, не позволив Альке даже набрать воздуха в легкие.

Бедняжка едва двигалась в такт музыке и пела, не поднимая глаз от пола — того и гляди, каблук застрянет, и она упадет перед практически голыми мужиками, пожирающими ее голодными глазами. Только закончилась первая песня, Варенник подскочил и, не обращая внимания на Алькино сопротивление, снял с нее туфли. Мало того — еще довольно пошло смачно шлепнул ее по попке, подталкивая навстречу следующей песне.

Такой "сольный концерт" Альке совсем не нравился. Она всю жизнь мечтала о тысячных залах, о лучах софитов, а вместо этого приходилось крутить задом перед горсткой обернутых простынями мужиков. Ее движения становились все скованнее и скудней, обратно пропорционально разгорающимся от животного желания глазам голодных мужиков. И Альке стало страшно — еще песня-другая, и сдержать разгоряченных мужиков будет невозможно. На кого рассчитывать? Поможет ли ей Варенник в случае чего?..

Варенник не помог. Вернее, он не помог Альке. Зато мужикам помогал весьма основательно. Алька с содроганием вспоминала "фуршет", последовавший за концертом. Всего полчаса пения, а потом — трехчасовой "кошмар на улице вязов"…

Когда Варенник вез ее, заплаканную, домой, "успокаивал":

— Что ты корчишь из себя недотрогу? Звезда, мать твою! Ты прекрасно знаешь, в чем состоит твоя работа. У нас только Кулагина освобождена от субботников, да и то не за особые успехи перед родиной, а в силу пенсионного возраста — еще лет десять назад перестала пользоваться спросом. Вот и сидит теперь на голодном пайке, от спонсоров остались лишь воспоминания о былом благополучии. Теперь старая корова умеет только петь. Но и она в свое время ударно попахала на субботниках — только за счет тех трудовых подвигов теперь и выживает. Впрочем, что я тебе рассказываю — ты сама все знаешь не хуже меня. Знаешь, что выживать мы все можем только с субботников. Впрочем, никто тебя не заставляет — не хочешь, я больше палец о палец не ударю ради твоего благополучия. Вот только ты не забывай, что мое благополучие вплотную зависит от твоего. Младенцу известно, что у артиста единственный источник дохода — субботники. Или ты уже достаточно "намолотила" и теперь можешь жить на собственные сбережения? Только ж ты не забывай мне мой процент отстегивать, а из каких закромов ты его возьмешь — твои проблемы. Вот мне интересно — когда Муравич тебя гонял на субботники, ты так же придуривалась? Тоже девочку из себя корчила? Так может, это твоё ноу-хау, типа "девственница на панели"? Оригинально, ничего не скажешь! Вон как мужичков-то завела, теперь наверняка еще раз тебя закажут. Ай да умница, хитро задумано! Они мало того, что сами на тебя, как на иглу, подсели. Они еще и рекламу тебе сделают бесплатную. Да ты у меня — просто сокровище, драгоценная находка! Вот Муравич козел! Упустить из рук золотую жилу!..

Алька уже второй день рыдала на собственной кровати и наотрез отказывалась выходить из спальни. Вернее, рыдала она, конечно, не на собственной кровати, а на Альбининой, но как-то за последние дни она стала воспринимать все Альбинино своим. Причем, не отобранным и не позаимствованным, а законным, заработанным. И правда, неужто она не отработала эти блага цивилизации? Отработала, да еще и как! Она с лихвой заплатила и за удовольствие спать на шелковых простынях, и за возможность кушать с фарфоровых тарелок таинственные мельсисток и бужеме во фритюре, и за красивую одежду, за машину и домработницу, за возможность выходить на большую

сцену. Вот только почему-то сцена в ее сознании ассоциировалась нынче с самодельными подмостками в бане, а пение перед публикой — с групповым обслуживанием озверевших от вожделения мужиков… И впервые за всю Алькину жизнь мысль о пении вызвала у нее приступ рвоты. Да, что-то у них тут явно недоработано, в этом зазеркалье! Где это видано, чтобы известные люди выживали сугубо за счет пошлого использования звездных тел, но не талантов? И как они только до такого додумались?! Это ж надо быть "особыми гениями", чтобы сделать выступления артистов совершенно бесплатными, "народными"! Мол, талант принадлежит народу и должен принадлежать ему совершенно бесплатно! А то обстоятельство, что артист должен жить красиво, что же, уже ничего не значит? Впрочем, они эту проблему решили по-своему: хочешь жить красиво — делись звездным телом. Тело — не талант, его продавать можно. И если на рядовые тела спрос был минимальный, как и в нормальном, то есть Алькином мире, то на тела звездные и спрос был звездный. Дааа, странный однако у них мир получается…

Несколько раз звонил Варенник, но на звонки отвечала Люся. Верная помощница передавала Альке полученную информацию об очередном субботнике, назначенном на сегодняшний вечер. По Люсиным словам выходило, что сообщал эту новость Варенник сначала весьма радостно, видимо, проценты должен был поиметь с сего мероприятия очень немалые, а потом Алькино упорное нежелание говорить с ним его явно насторожило. В итоге, позвонив раз шесть или семь и так и удостоившись разговора с подопечной, передал через Люсю, что приедет за непокорной самолично и доставит к месту субботника любым способом, не исключая физического насилия. И это еще Люся отфильтровывала ненормативную лексику, к которой частенько прибегал Варенник. И Алька запаниковала. Да на кой ляд ей такое пение?! Да и пение ли это, если за пять дней, проведенных в этом странном мире, ей лишь однажды довелось выйти на настоящую сцену, зато переспать пришлось с шестью мужиками, получив при этом такую массу негативных впечатлений, что хватило бы на целый бабий батальон! Это что ж, нормальный расклад для зазеркалья: на один концерт больше десятка обслуженных мужиков? Ведь сегодня на субботнике будет опять никак не меньше четырех-пяти мужиков, а если и того больше?! И так что — каждый день?! А концерты — раз в две недели, а то и в месяц? Что за идиотизм — делать деньги не на сольном мастерстве подопечных, а на "прокате" их тел?! А как же мужики становятся певцами? Их, выходит, тоже вот так, в хвост и в гриву? Вернее, в другие места. А их, интересно, сдают в прокат только поклонницам, или же они

пользуются спросом у представителей обоих полов? И это что же, ей придется отрабатывать музыкальную карьеру до пенсии, как той самой ветеранше сцены Ольге Кулагиной? Пока в тираж не выйдет, или пока не обслужит всех мужиков ненормального города Мамсбурга и его окрестностей?!

Да на фига ей такое счастье?! Альбина заварила эту кашу, сама пусть и расхлебывает. И Алька, недолго думая, распахнула плотные гардины, подставив прямым солнечным лучам зеркало, благо, время как раз плавно подкатывалось к полудню. Еще чуть-чуть, и проход закроется, и уже некуда будет Альке убежать из этого ненормального мира, где все поставлено с ног на голову.

Зеркало дружелюбно раздвинуло перед ней рябь субстанции.

7

Альбина нежилась в постели. Вообще-то можно было бы уже и встать, да зачем? Телевизор по-прежнему не работал, безжалостно отрезанный Утицким от розетки. Заниматься хозяйством во временной квартире не хотелось, да и не привыкла она тряпкой махать — не ее это специализация. Идти тоже пока некуда — Утицкий не сказал прямо, но Альбина — девушка понятливая и сообразила из его обрывочных фраз, что власть нынче переменилась, Муравич если и не ушел еще совсем, то готовился передать свой бизнес Утицкому, а потому надо просто отсидеться в тишине, дожидаясь звездного часа. Теперь все будет еще лучше, чем при Иоанне. Бразды правления окажутся в руках Утицкого, а человек он для Альбины нынче не чужой, а очень даже близкий, так сказать, свой в доску. Вернее, "в койку". Приятнее всего то, что близость с ним действительно доставляет Альбине массу приятных эмоций и притворяться перед ним ей не приходится. Она вообще не выносит неискренности, а уж в постели — тем более. Уж если ей не было хорошо с Муравичем, то и изображать восторг от близости с ним она не могла себя заставить. А может, не хотела. Просто не считала нужным изображать перед мужем фальшивую страсть. Она любила его душой и сердцем, любила давно, и, казалось, навечно. Любила преданно и верно, и искренне считала, что притворство в постели только повредит их отношениям. Ей и не нужна была радость секса с ним, ей хватало счастья просто находиться рядом с ним двадцать четыре часа в сутки. Она светилась от восторга, деля с ним завтрак, обед и ужин, работу и отдых, постель, наконец. И считала вполне достаточным свое счастье. Она ужасно любила спать рядом с Иоанном, просыпаться с ним, прижиматься к его бесконечно родной груди. Однако и от секса с ним не страдала

точно так же, как и не получала от него удовольствия. Вернее, нет. Правильнее будет сказать, что она почти как дитя радовалась сексу с мужем. Вот только радость эта имела корни не физические, а моральные. Она счастлива была дарить себя любимому супругу. Ну и что с того, что ей от близости ни холодно, ни жарко? Зато как хорошо, наверное, Иоанну! Ведь как стонет, сладострастно прикрыв глаза! "Милый, родной, на, бери меня всю, бери сколько и когда захочешь, я вся твоя, наслаждайся мною, а я буду наслаждаться твоим наслаждением". Не совсем, наверное, точно, но максимально близко к ее чувствам и физическому восприятию Иоанна.

Однако вот объявился в ее жизни Утицкий, которого она не столько ненавидела, сколько презирала за его "тряпистость", и вдруг оказалось, что именно Утицкий — самый ее близкий человек на земле. И впервые в жизни Альбина поняла, отчего так сладострастно стонал Иоанн. И теперь точно также прикрывала от страсти глаза, наслаждаясь новым, неизведанным ранее, физическим счастьем. И почему-то казавшаяся вечной любовь к Иоанну вдруг померкла, затуманенная новым чувством, любовью не моральной, но физической. Утицкий по-прежнему не был ей дорог, но почему-то она испытывала ни с чем не сравнимый восторг, когда в полном безмолвии чужой квартиры раздавался вдруг скрежет ключа в замочной скважине. Сердце неизменно оказывалось где-то далеко, в самом низу живота, и радостно скакало там в ожидании очередного праздника плоти.

От одного только воспоминания момента предвкушения встречи с единственным мужчиной, между ног вдруг помокрело и пробежал горячий холодок желания. Утицкий, куда же ты каждый день уходишь, подлец? Почему один, без Альбины? Ведь Муравич всегда брал ее с собой. Правда, толку от этого было мало. Нет, уж лучше пусть Утицкий мотается по своим делам один, зато его возвращение в этот странный, если не сказать больше, дом, приносило Альбине ни с чем не сравнимую радость ожидания.

Альбина зажмурилась от удовольствия, и в этот момент не увидела, но почувствовала, что кровать под ней заколыхалась, словно рядом кто-то перевернулся на другой бок. Потом колебания стали более существенными, Альбина в испуге открыла глаза и чуть не рухнула в обморок: пространство вокруг нее заплясало, затянутое странным маревом, которое стало сгущаться буквально на глазах, уплотняясь до физического осязания, и сознание покинуло ее.

Очнулась Альбина в собственной спальне. Она не знала, сколько времени провела здесь и как сюда попала. Наверное, вернувшийся Утицкий застал ее в бессознательном состоянии и

не рискнул больше оставлять ее в том странном доме. Вот только откуда взялись эти ужасные темно-синие шторы?

— Альбинушка, снова Варенник звонит. Вы опять не подойдете? Что с вами, милая, на вас лица нет…

— Люся, — расплылась в улыбке Альбина. — Как я рада тебя видеть! А что Вареннику надо?

— Ну как же, Альбинушка, я же вам столько раз передавала: сегодня опять субботник, он заедет за вами в семь часов.

— Субботник? — улыбку как ветром сдуло. — Какой еще субботник? И почему вдруг об этом мне сообщает Варенник, а не Утицкий? Кстати, где он?

— Кто? Варенник или Утицкий? — не поняла Люся. — И с какой это радости о субботниках вас должен извещать Утицкий?

— Как это "с какой радости", — изумилась Альбина. — Насколько я поняла, теперь он мой продюсер.

— Что вы, милая? Вы плохо выспались? Какой из этого козла рогатого продюсер? Он только собственной женой торговать умеет. А ваш шеф — Варенник. Вы забыли, что ли? Он же после развода с Муравичем подобрал вас…

— Что?! Подобрал?! Да как ты смеешь, мерзавка? Уволю к чертовой бабушке! Ты что себе позволяешь?! Меня и подобрал. Я что по-твоему, мусор?

Люся обиженно подобрала губоньки:

— Так вы к телефону подойдете или мне опять телеграфом поработать?

— Ладно, иди уже, телеграф, — миролюбиво произнесла Альбина. — И впредь за словами следи, разумная моя, а то я язычок твой поганый быстро подрежу. Иди, я здесь подойду.

И, едва за домработницей закрылась дверь, Альбина нажала кнопку приема:

— Слушаю тебя, Коля, — впрочем, особого энтузиазма в ее приветствии не чувствовалось.

— Ну наконец-то! Королева соизволила ответить дотошному придворному. Ты у меня подергайся еще, я тебе райскую жизнь-то устрою! Почему к телефону не подходила, курва самодовольная? Я тебе что, пацан дешевый, поклонник влюбленный, чтобы с домработницей твоей общаться?! Тварюка! Учти, с сегодняшнего субботника не получишь ни копейки. Это в виде наказания. И не вздумай скулить, это только для начала. На следующий раз не только без процента останешься, я тебе еще пару субботников организую. Да вместо оговоренных по контракту пятерых гостей десятерых приведу. Так что к семи чтоб была готова в лучшем виде, и на работе не вздумай выпендриваться. Можешь, как и в прошлый раз, малость посопротивляться, да смотри, палку не

перегни, как бы мужики вообще не озверели, а то придется раны зализывать две недели, еще не хватало мне убытки нести из-за твоей дурости. Учти, в случае чего с тебя все вычту.

И абонент отключился, так и не услышав от Альбины ни слова, кроме приветствия. А та терялась в догадках, как же ей воспринимать эту беседу. Откуда взялись угрозы? Ведь раньше он разговаривал с ней вполне учтиво. Даже налог не взимал. И от субботников ограждал несколько месяцев. Правда, предупреждал, что долго это не продлится, но с чего вдруг такие перемены? Ну ладно, субботник так субботник. И с какой стати она должна выпендриваться по этому поводу? Что она, обязанностей своих не знает, что ли? Или контракт не читала, прежде чем подписывать? Чем она вызвала недовольство продюсера? С чего вдруг "курва" да "тварюка"? И разве она когда-нибудь позволяла себе общаться с продюсером через Люсю? Что за бред?

Что опять происходит? Она только-только втянулась в новую жизнь, стала привыкать к иным условиям игры. Честно говоря, новые правила ей понравились гораздо больше. Там не было субботников, она должна была принадлежать только одному Утицкому. Поначалу такая перспектива ее не порадовала, но оказалось, новая игра гораздо интереснее старой. Вот только Утицкий упорно отказывался выводить ее на сцену. Но она же не отказывалась ждать, сколько нужно, к чему такие крутые меры?

8

Марево вокруг Альки рассосалось, и она увидела родную до оскомины квартиру. Свежие обои и едва просохшая после ремонта краска ничуть не приукрашивали бедность и непритязательность обстановки. Раньше она не особенно замечала окружающее убожество, после ремонта квартирка даже казалась ей довольно миленькой, но после пятидневного пребывания в хоромах Альбины вид собственного жилища поверг ее в состояние глубокого шока. Дааа, и это что же, в этом доме ей придется провести остаток дней?!

Алька оглянулась на зеркало. Проход все еще был открыт, и она имела возможность вернуться. И Алька так бы и сделала, ведь всего один шаг отделял ее от красивой и богатой жизни. Но тут же память услужливо прокрутила перед глазами колышущийся живот Сала и горящие взгляды голодных мужиков, спешно сбрасывающих с себя простыни. Бррр… Алька замотала головой: нет, не дождетесь! Не такого богатства ей хотелось, не о такой славе мечталось, чтобы приходилось ножки раздвигать перед каждым, способным щедро за это заплатить. Много денег ей

хотелось сугубо для красивой бесхлопотной жизни, а славы… Ну разумеется, ради самой славы — чтобы ее на каждом шагу узнавали, чтобы все любили и восхищались ею. Оставить восхищенному поклоннику автограф на память — да, конечно, наше вам с кисточкой. Но не предоставлять же каждому желающему собственное тело по сходной цене! Это уже не слава и почет, в Алькином мире это называется иначе, более прозаично и абсолютно точно: проституция. А никакие не субботники или фуршеты!

И без жалости Алька решительно отошла подальше от зеркала. Да, конечно, кровать у них с Утицким не такая широкая и удобная, как у Альбины, кресла не столь шикарны, а уж содержимое холодильника и вовсе вызывает откровенную скорбь. Однако за эти скромные прелести цивилизации Утицкий никогда не заставит ее расплачиваться телом с кем попало. Конечно, ей не избежать определенной расплаты с ним самим, но ведь на то он и муж, да и, честно говоря, теперь, познав ласки Сала и так называемых поклонников, Утицкий уже не был ей так противен. Уж близость с ним-то никогда не вызывала у Альки такого отвращения! А теперь он даже казался ей идеальным любовником.

Нет, тот мир не для Альки. Но она не жалела о приключении. Конечно, мало приятного в воспоминаниях о групповом надругательстве над нею, но, с одной стороны, это дало ей возможность иными глазами посмотреть на собственного мужа, с другой — перестать, наконец, мечтать о певческой карьере. Познав изнанку красивой жизни, Алька полностью разочаровалась в своих детских мечтах. Конечно, ей довелось побывать звездой не в своем мире, а в чужом, потому и показалось ей все таким невыносимым. Те же, зазеркальные люди, воспринимают все совершенно иначе. Люсю, например, совсем не шокировало то, как настойчиво вызванивал Варенник Альбину. Она очень даже буднично передавала хозяйке слова о предстоящем субботнике, словно это самая обычная работа. В то же время, в первые же часы пребывания Альки в том мире с крайним презрением отзывалась о Ритке Утицкой, позволившей себе завести любовника. То есть субботники их там не шокируют, а вот один-единственный любовник — позор крайней степени?! Странный, странный мир. Ведь даже Муравича это не шокировало, и даже в бытность законным Альбининым мужем он с чистой совестью отправлял ее на субботники в полное распоряжение богатых кобелей. Его бесила лишь холодность Альбины, но ни в коем случае не факт, скажем так, многократного использования ее тела посторонними мужиками.

Дааа, интересный мирок, ничего не скажешь… Однако за ним лучше наблюдать со стороны, или, например, в книжке прочитать, максимально подробно описывающей приключения залетной гостьи. Как угодно, лишь бы не участвовать во вселенском разврате самолично.

Мир, может, и интересный, но неправильный. В ее, Алькином мире, таких безобразий не существует. Конечно, у нее не было возможности заглянуть в здешнее закулисье, ведь здесь она — никто, жена безвестного музыкантишки. И все-таки Алька была уверена — здесь такого кошмара нет. Конечно, наверняка здесь тоже существуют закулисные игры, свои правила, но даже при самом богатом воображении невозможно представить себе, что, например, Ирина Берганова выступает в баньке перед кучей голых мужиков с последующей групповушкой. Нет, она-то, может, и выступает в банях, может, и групповушки для нее не новость, но чтобы это было вполне легальным бизнесом, и даже записанным отдельным параграфом в контракте — это полный нонсенс! Или, допустим, Валерия Придворная! А Венэра Гремухина?! Представив себе слегка престарелую приму отечественного шоу-бизнеса на дощатых подмостках, колышущую пышными телесами перед голыми мужиками, Алька задорно рассмеялась. Да, бабушка российской эстрады выглядела бы в подобной ситуации весьма и весьма экзотично!

Что ж, не довелось ей стать звездой эстрады — прискорбно, но не смертельно. С нее хватит: насмотрелась на закулисье, и даже научаствовалась по самое не хочу. Скоро с работы придет Сашка, супруг законный и привычный, и вовсе не противный, а даже где-то и родной, и все будет, как раньше. Вот только Алька никогда больше не будет мечтать о певческой карьере. Хватит, напелась…

***

После путешествия в зазеркалье прошло уже недели две. Алька заставила Утицкого починить телевизор и вновь окунулась в водоворот мыльных страстей. Сашка поворчал было по этому поводу, но быстро притих, увидев, что сериальный мир благотворно повлиял на жену. Душевная хворь исчезла также неожиданно, как и началась, и теперь дома его снова ждала привычно равнодушная жена, редко отрывающаяся от экрана телевизора. Правда, временами на нее все еще что-то находило, и в такие минуты она бросала все, прижималась крепко к груди мужа и как-то загадочно улыбалась, но лицо ее при этом светилось таким естественным счастьем, что Утицкий гнал от себя мысли о нездоровье жены: да полноте, разве ненормальная

может так искренне радоваться собственному мужу?!

В один момент, как по мановению волшебной палочки, прекратились рассказы о том, что она — звезда, что вывел ее на орбиту никто иной, как Ванька Муравич, а потом бросил, паскудник, перекинув внимание на Ритку, якобы его, Александра, собственную жену. Правда, вместе с бреднями кончились и фантастические "процедуры". Вернее, они не кончились, а потеряли актуальность. Лечить-то больше было некого, и теперь они уже не играли в больничку, а просто занимались любовью, как раньше. Это тоже было здорово, стало даже лучше, чем до Алькиного сумасшествия. Но что ни говори, а в больничку играть было все же гораздо интереснее. То ли фантазия придавала близости ни с чем не сравнимый кайф, то ли Алька в роли безумной напрочь переставала себя контролировать, но самый-самый пик сексуальных отношений приходился, по мнению Утицкого, именно на период Алькиного душевного нездоровья. Впрочем, он опасался сообщать ей об этом, боясь ввергнуть нестабильный разум супруги в пучину полного безумства.

Каждый день с пол-одиннадцатого до начала второго Алька наблюдала все ту же картину: зеркало "ломалось", открывая проход в зазеркалье, словно любезно приглашая Альку к путешествию. Правда, бывали ненастные дни, когда солнце еле пробивалось сквозь плотный слой облаков, и тогда зеркало лишь немного корежилось: оно переставало быть твердым и отражать свет, но субстанция была такой плотной, что Алька не могла даже проткнуть ее пальцем. Впрочем, делала она это сугубо из любопытства, словно ставила физические опыты (физика, опять физика!). Желания вновь повторить эксперимент по восхождению на эстрадный олимп не было ни малейшего. При воспоминаниях о пережитом опыте Алька лишь содрогалась с ужасом и отходила от зеркала от греха подальше: а ну как самостоятельно затянет, или Альбина сама решит наведаться сюда в гости? Иногда, в особо солнечные дни, даже занавешивала его простыней.

В общем, можно сказать, что все вернулось на круги своя. Если бы не одно "но". Раньше Алька не слишком переживала по поводу ограниченных материальных возможностей. Конечно, всегда хочется иметь больше, чем имеешь, однако невозможность достичь желаемого ограничивала и само желание чего-то добиться. К тому же, Алька никогда в своей жизни не знала полного достатка. Что с родителями, что с Утицким, всегда приходилось считать каждую копейку и экономить буквально на всем, и в первую очередь на нормальных продуктах. Ибо, позволь они себе каждый день питаться деликатесами, нечем будет не только задницу прикрыть, а и за квартиру заплатить. А квартира

была единственной ценностью что у Щербаковых, что у Утицких, а потому в первую очередь деньги откладывались именно на квартплату и только оставшееся можно было тратить на продукты, одежду и транспорт. А на развлечения и хобби уже практически ничего не оставалось.

Но если раньше Алька пусть не очень охотно, но мирилась с подобным положением вещей, то теперь, поспав на шелковых простынях и поев кучу вкусностей с изысканного фарфора, мириться с нищетой стало не то что трудней, а просто невыносимо. Хотелось, чтобы маникюрша приходила домой и занималась Алькиными руками. Чтобы массажистка не забывала к ней дорогу, чтобы была Алька желанной гостьей у косметолога и парикмахерши, да чтобы продукты в холодильнике водились приличные, а не проклятые сморщенные сосиски. Да чтобы одежда была красивая и дорогая, а не надоевшие, протертые до дыр, джинсы. Благо еще, что сейчас мода на дырявые джинсы, так что вроде Алька нищенкой и не выглядит, когда коленка просвечивает сквозь прореху на штанине…

И уже не так быстро Алька убегала от зеркала. Все чаще подолгу стояла возле "вертикального моря", все глубже задумывалась. Ах, как хотелось красивой жизни! Но очень не хотелось платить за нее собственным телом и самоуважением. А зеркало все "ломается" и "ломается", как будто издевается над нею! Алька по-прежнему никому не говорила ни о "неправильном" зеркале, ни о другом мире. Скажи она это Сашке — назовет сумасшедшей. Была у нее шальная мысль показать ему проход в субботу или воскресенье, когда ему не надо было уходить на работу. Да вовремя одумалась. Ну к чему хорошему это приведет? Сашка поймет, что те пять дней она болталась Бог знает где и уж совсем неизвестно с кем. А сам он все пять дней наслаждался обществом не жены, а совершенно посторонней женщины. И неизвестно, привело бы это к чему-то хорошему? А ну как наоборот? А вдруг он и сам решит "попутешествовать" в параллельном мире? И тогда на его месте окажется тот Утицкий, который Риткин муж, рохля и тряпка. А Алькин Утицкий окажется Риткиным мужем. А парень он в сексуальном плане крайне несдержанный, и уж вряд ли откажется от предоставленной возможности…А если он еще и узнает, чем, кроме пения, в том мире занимаются знаменитости?! Вот тогда и поймет, отчего вдруг Алька стала прижиматься к нему с такой счастливой физиономией! А то еще и к Альбине в постель залезет, вспомнив о совместных пяти днях. Нет уж, этого ни в коем случае нельзя допустить!

Но как же сделать так, чтобы Утицкий не заметил

странностей, происходящих с зеркалом? Алька пробовала закрывать шторы, но они находились довольно далеко от зеркала и свет, пусть минимальный, но все же был достаточен для того, чтобы преломить зеркальную гладь. И пусть оно в таком состоянии не открывает проход, но зеркалом-то быть перестает! Утицкий не дурак, заметит перемену сразу. Пусть не поймет, но почувствует, что под рукой не зеркальная твердь, а упругая субстанция. Просто занавесить тряпкой? Ни в коем случае! Сразу сдернет. Скажет: "Ты что, старая, зеркала от покойников занавешивают. На что это ты намекаешь?"

Долго Алька ломала голову, пока не нашла выход. Проход ведь открывается только от попадания прямых солнечных лучей. Значит, достаточно поменять угол, и для прямых лучей зеркало окажется недоступным. Алька чуть-чуть, самую малость, приоткрыла дверь кладовки, на которой и висело зеркало, и в нем отражалось уже не окно, а лишь часть прилегающей стены. Эврика!

Утицкому было строго-настрого дано указание не закрывать дверь кладовки плотно. Алька придумала какую-то ерунду, что, мол, кладовка заванивается от обилия металла, а она слышала, что от этого заводятся тараканы и моль. Уловка была так себе, довольно хиленькая, но она подействовала. Как большинство мужиков, Утицкий не слишком часто любовался собственным отражением, и ему обычно вполне хватало зеркала в ванной: побрился, причесался — много ли мужику надо? Таким образом проблема с маскировкой прохода была решена.

Теперь Альке осталось только решить проблему с нехваткой денег. Она — единственный в мире обладатель уникальной штуковины, дающей возможность посетить параллельный мир. То есть она владеет полнейшим эксклюзивом. Это она прекрасно понимала. А эксклюзив предполагает некую выгоду. Так из чего ей ее выжать?! Поменяться местами с Альбиной она не хочет — хватит, наелась славы досыта. Но не может же быть, чтобы на этом возможности зеркала исчерпывались! Наверняка есть еще что-то, что она никак не может обнаружить. Что-то же она должна выжать из своего эксклюзива!

Водить народ на экскурсии в зазеркалье? Ага, дать объявление в газете и собирать группы любопытных, потом вести их в квартиру и пускать в зеркало? А там они, как тараканы, разбегутся в разные стороны, пойди потом за ними уследи — кто вернулся, кто остался. Это ж такая чехарда возникнет, оба мира перепутаются. К тому же, отправив группу туда, она тем самым вызовет аналогичную группу оттуда. И куда ей девать тех двойников? Размещать в своей квартире? А если

путешественники не вернуться, ей что, придется содержать несчастных, вырванных из своего мира?! Нет-нет, это не то. Где-то рядом, рядом… Что-то смутно похожее, но не это…

Так-так, если она отправит кого-то отсюда, его зеркальное отражение придет сюда. Соответственно наоборот. Так-так, ближе, теплее… Что с этого можно поиметь? И с кого конкретно? На нищих, безвестных, она ничего не поимеет, кроме хлопот и неприятностей. Значит, нужны люди известные. Но на фига им путешествовать туда, где их никто не знает, да еще и платить за это деньги? А потом еще и растрезвонят про зеркало, набежит толпа журналистов и ученых, и хана не только мечтам озолотиться, но и собственной квартире. Это ж будет не дом, а проходной двор. Нет, не то, не так. Но близко, очень близко…

А что если так: путешественники не туда, а наоборот — оттуда? Например, она находит там двойника здешней знаменитости и проводит его через зеркало. По закону сохранения энергии сама знаменитость в это время оказывается в том, так сказать, ином мире. Ее или его там никто не знает, дома у него нет, денег тоже. Помается так до вечера, потом его можно возвращать на место, естественно, потребовав плату за невольное путешествие. Ага, так он и заплатит! Он еще и телохранителей своих подошлет для оплаты. Альке по роже. То-то она разбогатеет…

Нет, опять не то. Но уже заманчиво. А если так…

9

Лежа на диване, Ирина покачнулась. Ох, пожалуй, перебрала накануне. Ах, как надоели эти презентации! Ни выспаться из-за них, ни диету выдержать, как положено. Опять не удержалась, отведала креветок в чесночном соусе. А потом так захотелось попробовать персиков под взбитыми сливками! А после них никак не смогла удержаться от торта. Ну как было не соблазниться — он, зараза, такой красивый на вид, трехъярусный, весь белый, а под толстым слоем сливочного крема оказался целый пласт свежей клубники, залитой желе. А вкусный какой! Сволочи кондитеры, знают же, что практически все гости сидят на жесточайшей диете, и специально готовят такие вкусности. Из-за них три недели страданий — коту под хвост. И так Ирине было стыдно перед самой собой, что привычным шампанским она не ограничилась. Сначала от души приложилась к мартини, ну а после и вовсе широкая русская душа взяла верх и уж что было после водочки, вспомнить было, во-первых, нелегко, во-вторых — просто стыдно…

Эк ее однако перекосило — даже в лежачем положении

качает, как в море. А тошнота все ближе к горлу подкатывается. Фу, мерзость какая! Сколько раз зарекалась — ничего крепче лимонада в рот не брать. В смысле, из напитков. Так нет же, извечная женская слабость: сначала уговоришь себя на шампанское, потом на водку, потом и вовсе на… Ух, бляха-муха, а с кем это она вчера уехала? Как того мужика-то звали? Ой, нельзя ей пить, ой, нельзя! Сколько раз убеждалась, и все равно, как обычно, нажралась, как дурак на поминках. Может, повезет, и никто не видел, как она садилась в машину к этому кабану? Ой, позорище…

Да что ж ее так развезло-то? Пора бы уж протрезветь, а ее только все больше разбирает. Вон как все смешалось вокруг, не видно ни зги. Все, как в тумане. Да еще и липкое все какое-то. Ух, ёшкин кот, это она где? Вроде с вечера ложилась в приличной квартире, а где проснулась? К ее стыду, слишком разборчивой в личных, так сказать, контактах, Ира не была. Особенно, если по пьянке. А пьянки, увы, случались довольно часто. Но не могла же она пойти вот с этим мурлом, которое сейчас сопит рядом с ней! Худое, небритое — фу! А перегаром как прет! Или это от нее? Ой нет, пора завязывать с этим делом. Ой пора… Ужас-то какой, до такой степени опуститься. Это же мурло всем и каждому будет теперь рассказывать, как саму Берганову с легкостью в постель затащило. От, блин, докатилась до ручки! Худое страшное мурло приняла за приличного богатого буратинку. И что самое интересное — с вечера вроде толстый был, а утром — худой и серый. Кабы не подцепить чего страшнее триппера…

Ира потихоньку, как ей казалось, выскользнула из-под одеяла и собралась было одеться, да вещичек своих не обнаружила. Зато мурло проснулось:

— У нас осталось чего-нибудь?

Ирина брезгливо оглянулась. Комната напоминала собачью конуру не только размерами, но и обстановкой. Из мебели была только жуткого вида кровать практически без постельного белья и, увидев, где спала, Ира ужаснулась: замасленное за многие годы пользования одеяло, казалось, кишело насекомыми. Матрац был сплошь усеян пятнами различного происхождения, не всегда благородного. О Боже, как она могла спать здесь, когда из одежды на ней оставались только чулки и пояс?! Так и не ответив мурлу, Ира в панике стала шарить глазами, пытаясь отыскать место, где же она бросила свою одежду.

Рядом с кроватью лежала груда тряпья, но даже в смятом виде ее одежда не могла выглядеть так жутко. Прямо на полу около подоконника была расстелена куча газет со следами пиршества: пустые консервные банки, усыпанные сигаретными

бычками, пустая стеклянная банка причудливой формы. Не менее странные бутылки закатились под батарею. Ирина стояла среди этого ужаса практически голая и никак не могла придумать, чем бы ей прикрыться.

Мурло приподнялось в постели и смотрело на Ирину возмущенно. Потом выдало скрипучим голосом:

— О! А ты где, бля, такие чулочки отхватила? И чё ты, сука, такая вся из себя свеженькая?! Я еле живой, а она, видите ли, огурчик! Уже похмелилась, гадюка? Втихаря выжрала, мне ни капли не оставила? Убью курву!

И мужик, в бешенстве выкатив красные то ли от ярости, то ли от беспробудного пьянства глаза, вскочил с постели, подхватил первую попавшуюся бутылку и бросился на гостью. Ирина выскочила из комнаты и оказалась на крошечной кухоньке, сплошь заставленной стеклотарой. Свободным оставался только подход к раковине. Плитой, видимо, не пользовались очень давно, так как она находилась как раз в том углу, где давно и прочно, о чем свидетельствовал толстый слой пыли, обосновалась батарея разнокалиберных бутылок. Вовремя поняв, что спрятаться здесь не удастся, и словно мимоходом отметив про себя, что здесь ее вещичек тоже нет, Ира в последнее мгновение сумела проскочить буквально под рукой бешеного хозяина в коридор. Но и там прятаться было негде. И даже вешалки не было, на которой могло бы висеть хоть что-то, чем можно было бы прикрыться. И Ирине ничего не оставалось делать, как выбежать в парадное, спасаясь от смертельной угрозы.

Дурноватый мужик в жуткого вида трусах гнался за нею по лестницам, страшно матерясь на всю округу. Ирина уже не думала о своей наготе, всерьез опасаясь за жизнь. На скамейке у подъезда сидели старушки. Однако Ирина даже не успела попросить о помощи, как одна из них закричала на всю улицу, видимо, рассчитывая, чтобы услышали и те кумушки, которые в данную минуту отсутствовали на ответственном посту:

— Смотрите, смотрите, Труханов-то Ирке бельишко фирменное справил, ишь, как дружно демонстрируют! Ну прям не семья, а одно загляденье — все намиловаться не могут. Беги, Ирка, беги, догонит — мало не покажется. Участкового-то звать, или как всегда смиритесь?

Поняв, что здесь она помощи не дождется, Ирина побежала дальше, сверкая аппетитной попкой. Бежать босиком по дороге было больно, маленькие камешки то и дело попадали под ступню, отчего скорость ее резко снизилась. А народу вокруг — мама родная! Да они что, специально тут собрались в ожидании концерта? Или, может, им кто сообщил заранее о том, что в такое-то время здесь будет пробегать голая Берганова, сопровождаемая пьяным мужиком и дикими матами? Народ развлекался, глядя, как голая баба убегает от пьяного придурка, и ни один человек не пришел на помощь. Ирина набегу не

переставала удивляться: что же это делается, а? Среди бела дня какой-то козел гоняет голую народную артистку Ирину Берганову и ни одна зараза не придет ей на помощь?! Только кричат ей со смехом:

— Давай, Ирка, беги! Демонстрируй бельишко! А то вон уже Девятов идет, окромя его уже никому не покажешь…

Обидно было, стыдно, больно и страшно. Тут вдруг показался мужик в странной форме, слегка напоминающей милицейскую, и Ира поняла, что это и есть Девятов, единственное ее спасение. Участковый расставил руки в стороны, как для объятий:

— Иди сюда, красавица. Давно не виделись. Что скажешь, Труханова? Опять сексуальные игры? Ага, вижу-вижу, это тебе Толян бельишко справил, иль сама где заработала? Идем, милая, добегалась. Тебе — адмінарест, Труханову твоему, наконец, срок припаяю. Совсем обнаглели, голышом по улице разгуливать. Вам волю дай — вы свои игрища на детской площадке устроите.

Голова у Иры шла кругом. Что происходит? Это какой-то жуткий розыгрыш? Ложилась во вполне приличную постель, пусть с незнакомым, но опять же приличным мужиком. Проснулась — страшно сказать… Единственное, что соответствовало воспоминаниям о вчерашнем вечере — партнер был действительно незнакомым. Но эти странные люди называют его ее мужем. Что за бред?! И почему-то все упорно называют ее Трухановой. А она ведь, между прочим, всю свою жизнь была Бергановой! Даже ради трех недолгих замужеств девичью фамилию не меняла.

В отделении Ире дали старое линялое одеяло, в которое она тут же завернулась. Чулки и пояс сняли самым наглым образом, как вещественное доказательство еще не выявленного преступления: когда она отказалась сделать это самостоятельно, Девятов, ничтоже сумняшися, не побрезговал и сделал это самолично, причем, весьма эротично. По крайней мере, Ирине были приятны его прикосновения к внутренним сторонам ее бедер, да и у мужичка, она заметила, глазки заблестели. Еще бы, при посторонних и без высочайшего соизволения лазить руками в самых интимных местах не какой-нибудь Нюрки из ближайшего сигаретного ларька, а самой Бергановой! "Ничего, котик, ты у меня попляшешь, когда вся эта фигня закончится", — злорадно подумала Ирина.

Однако "фигня" и не думала заканчиваться. Девятов оформил кучу документов, в которых опять же упорно называл Ирину не Бергановой, а Трухановой, после чего ее заперли в зловонную камеру. Из одежды на ней по-прежнему было одно одеяло…

Посидев в отделении пару часиков и совсем уж придя в отчаяние, Ирина вновь почувствовала головокружение и тошноту. Снова все вокруг покрылось липким маревом, снова ее трусило и качало. Когда, наконец, приступ дурноты постепенно прошел и глаза снова стали различать предметы четко и ясно, вместо обшарпанных стен и жесткой широкой скамейки, видимо, призванной по ночам заменять задержанным кровать, Ира увидела уютную спальню, затемненную плотными гардинами. В мягкой широкой постели на атласных простынях она лежала в гордом одиночестве, уже не в чулочках, зато замотанная в дежурное колючее одеяло прямо на голое тело, а откуда-то извне доносилось мурлыканье довольного мужика. Вскоре в проеме двери появился ее ночной партнер с маленьким подносом в руках:

— Ирочка, ты уже проснулась? А вот и кофе в постель! Ты подарила мне незабываемую ночь, девочка, я требую продолжения банкета…

Вечером раздался телефонный звонок:

— Ну как, Ирина, вам понравилось утреннее приключение? Могу организовать тур на неделю, на месяц, на год. Если пожелаете — отправлю на всю жизнь. Бесплатно. Не хотите? Можете остаться дома. Но за деньги. Дорого, зато уютно и безопасно.

— Кто это?

— Милая, я звонила вам уже несколько раз! Предупреждала о том, какое неприятное путешествие вам грозит, но вы, дорогуша, не вняли моим словам. На сей раз будьте осторожны. В следующий раз все может закончиться гораздо печальнее. Ваш тамошний муж любит заглянуть в бутылку, а потом погонять супругу на потеху публике. Но однажды Девятова может не оказаться рядом…Я полагаю, ваши покой и благополучие стоят очень дорого, но я девушка скромная, к тому же порядочная. Полагаю, десяти тысяч убитых енотов за мои услуги будет достаточно…

— Что?! Ах ты…

— Торг здесь не уместен, уважаемая. А если вам недостаточно сегодняшнего опыта и придется организовать для вас повторный выезд на экскурсию, соответственно же увеличится и цена. Но не вдвое, а многократно, потому что и путешествие ваше не ограничится двумя часами. После пары недель подобного существования вы отдадите мне все, что имеете, еще и процент с будущих поступлений отпишите. Да еще благодарить будете. Так что советую вам быть благоразумной и оградить себя от

неприятностей путем отчисления в мою пользу более чем скромной для вас суммы. Кстати, для вас, как для первой клиентки, у меня, можно сказать, подарочная цена — всего десять тысяч все в тех же енотах., гонорар всего лишь с одного маленького концертика. Следующие мои клиенты будут платить больше, ведь вы будете хорошей девочкой и заранее предупредите своих ближайших коллег о моих услугах. И еще посоветуйте им не дожидаться путешествий в мир иной, дешевле в прямом и переносном смысле договориться сразу. Так что, Ирочка, мы договорились, или вернетесь в камеру? Не хотите в камеру — я могу подождать, когда ваш срок истечет и отправить вас прямиком к супругу, Труханову Анатолию Борисовичу. Там обстановочка чудесная, глаз радует. Отдохнете от трудов праведных, здоровье поправите, займетесь спортом, например, бегом трусцой по утрам в одних чулочках…

При этих словах Ирине опять стало дурно. О Боже, неужели все это ей не привиделось? Она целый день убеждала себя, что этот кошмар приснилось ей спьяну, а на самом деле ничего и не было. Только почему-то так горели ступни ног да линялое колючее одеяло выглядело в ее такой устроенной, такой благополучной жизни абсолютным анахронизмом, а теперь эта шантажистка рассказывает в подробностях о ее утренних приключениях. А вдруг она и вправду сумеет организовать повторный кошмар? Да еще не на пару часов, а, как и обещает, на неделю?! О нет, ей не выдержать еще раз этого ужаса! Да и правда — подумаешь, десять тысяч. Отработает как-нибудь…

— Как мне передать вам деньги?

10

Альбина была в полном отчаянии. Что с ней происходит? Почему вдруг с некоторых пор она словно раздвоилась? Умишком тронулась? Не может быть — соображает она, вроде, как обычно. Правда, все сумасшедшие так думают, вряд ли кто-то из них осознает себя больным на голову. Значит что, она таки тронулась?! А как еще объяснить, что она периодически стала словно проваливаться в иную жизнь, туда, где ее мужем якобы является Утицкий? Ведь в первый раз она поверила, что все это происходило с ней на самом деле: странная квартира в незнакомом, скорее, даже неизвестном, городе, обещание Утицкого, что скоро все будет иначе. Оказавшись неожиданно в старой жизни, обнаружила в ней некоторые перемены. Прежде всего, почему-то никто не заметил ее отсутствия, даже домработница Люся, домашний директор и в некотором роде диктатор. Но ведь Альбина отсутствовала не час-два, а целых пять

дней! А вернувшись, обнаружила, что Варенник больше не преклоняется перед ее талантом. Мало того, что начал гонять ее по субботникам, как какую-нибудь начинающую пацанку, мало того, что перестал выделять ее среди остальных своих подопечных особым отношением и неприкосновенностью. Теперь он словно отыгрывался на ней за все месяцы воздержания, когда смотрел на нее с вожделением и не смел прикоснуться, удовлетворяясь лишь весьма негустыми процентами с продажи записей ее шикарного голоса. Причем отыгрывался не только физически, наверстывая упущенное, но, что гораздо хуже, уничтожал ее морально. И постоянно твердил, что не позволит ей больше так с собой обращаться. Мол, говорить с ним через домработницу может позволить себе разве что президент, но уж никак не подопечная. Так она ведь прекрасно знает правила игры: продюсер — бог и начальник, единоличный хозяин, которому она принадлежит не только целиком и полностью, но и по отдельным частям, вместе со всеми потрохами. Захочет продюсер увеличить или уменьшить ее грудь, неважно даже, в интересах ли бизнеса или в своих личных, — она обязана беспрекословно лечь под нож хирурга. Ну а уж переспать с нужным человеком, или не особо нужным, но заплатившим определенную сумму — это уж и вовсе как дважды два, это же азбука шоу-бизнеса. Не ими придумано, не им и менять правила. Нравится — не нравится, это только твои личные проблемы, вопросы твоего морального воспитания. Всем известно, что порядочным девушкам на сцене делать нечего. Порядочные сидят в зрительном зале или вообще дома перед телевизором, под неусыпным надзором родителей или мужей. Их же мужья и пользуются потом дополнительными услугами в саунах или бассейнах, изображая из себя спонсоров, а жен своих выгуливают на коротких поводках и петь им разрешают только дома, так сказать, для разогрева перед определенного рода игрищами и только для себя. Единоличники!

А через несколько дней после ее возвращения домой неожиданно, без звонка, вдруг заявился Иоанн. Конечно, произойди это до ее странной отлучки, Альбина бросилась бы ему на шею и расплакалась от счастья. Во-первых, она его действительно любила, или, по крайней мере, думала, что любила. Во-вторых, как ни крути, а работать под Иоанном, даже не будучи его женой, гораздо приятнее и прибыльнее. Он ведь даже для субботников всегда старался подбирать более приятную компанию, дабы не слишком напрягать Альбину. Но теперь, после Утицкого… С какой стати ей преклоняться перед Муравичем, рыдать от счастья, что он вдруг вспомнил про нее? Он ведь со дня на день оставит бизнес и уйдет управлять каким-то домом.

Странно конечно, неужели какой-нибудь дом сможет принести ему большую прибыль, нежели шоу-бизнес? Однако Утицкий выразился весьма и весьма недвусмысленно, мол, Иоанн меняет профессию, переквалифицируется в управдомы. Зачем он ей теперь нужен? Прежде всего, кинься она ему сейчас на шею, это может не понравится Утицкому. И, когда он примет дела Муравича, запросто сможет отказаться от Альбины и ей по-прежнему придется пахать на Варенника со всеми вытекающими, то есть, в данном случае, скорее втекающими последствиями. С другой стороны, зачем ей снова спать с Иоанном, если это никогда не приносило ей удовольствия? Ладно, раньше она не только выполняла свои обязанности перед продюсером, но и доставляла плотскую радость законному и любимому мужу. Теперь же, побарахтавшись пять дней в постели с Утицким, Альбина, наконец, поняла, почему все в этом мире сводится к интиму. Так вот за что, оказывается, люди платят такие бабки! Вовсе не за то, чтобы похвастаться при случае, что переспали с самой Альбиной Щербаковой. Оказывается, это действительно здорово! По крайней мере, с Утицким… Так зачем ей теперь Иоанн? Любовь? Какая любовь? Дурость то была, а не любовь! Как можно любить человека, не получая от него удовольствия в постели? Дурость, обыкновенная девичья дурость, проистекающая из благодарности за то, что вытащил ее из дерьма жизненного, вывел на большую сцену да еще и не оставил на ней обыкновенной певичкой-поблядушкой, а официально женился, признав тем самым перед всем миром порядочной женщиной. И на уговоры Муравича вернуться к нему Альбина ответила категорическим отказом. Даже от предложения вновь создать семью отказалась. Нет уж, Иоанн, у нее теперь есть Утицкий!

Однако поведение Утицкого озадачивало больше, чем все остальное, вместе взятое. Выждав некоторое время, Альбина все же позвонила ему сама. Странное дело, но говорил с ней Утицкий более чем сдержанным тоном. Да и разговор вышел каким-то странным, Александр вроде как не понимал, о чем она говорит. Альбина сначала расстроилась, даже всплакнула немножко, а потом поняла, что видимо, был он в комнате не один. Про Ритку-то она спросила, нет ли ее рядом, но ведь кроме Ритки могла быть и домработница, могли быть и будущие партнеры по бизнесу, перед которыми Александр не хотел светить раньше времени свои отношения с Альбиной. И она быстренько успокоилась. Что ж, она подождет.

Однако прошло еще некоторое время, а Утицкий все не объявлялся. А Альбине так хотелось его увидеть! Теперь она понимала, отчего так дрожали некоторые клиенты, стягивая с нее

трусики. О, как она их понимала! И день, и ночь она только и вспоминала, только и мечтала о том, как бы снова оказаться вдвоем с Утицким, и желательно в постели. Хотя она согласна и в гостиной, и на кухне, даже на полу в прихожей, лишь бы только он вспомнил о ее существовании, только бы позвал. А он, подлец, все не звал, все не звонил… Альбина набралась наглости и заявилась сама, когда Ритка укатила на репетицию. Правда, в доме оставалась прислуга, да ладно, это такие мелочи…

Удивлению Утицкого, казалось, не было предела. Дааа, играл в забывчивость он профессионально! Не обращая внимания на возмущенную физиономию домработницы, Альбина нагло затащила хозяина в спальню. Оглянувшись на пороге, зыркнула на прислугу:

— Брысь! — и захлопнула за собой дверь.

Несмотря на отсутствие в спальне посторонних, Утицкий продолжать играться в непонимание. Правда, с момента появления Альбины на пороге он не издал ни звука, только пялился на нее весьма красноречиво, мол, что ж ты делаешь? Однако Альбине так хотелось вновь почувствовать его ласки, что она забыла о стеснении и, толкнув его на кровать, бросилась сама туда же и впилась голодным поцелуем в его губы. Утицкий было начал сопротивляться, но Альбина быстро подавила сопротивление, нагло влезши в его штаны. Александр поколебался было несколько мгновений, но устоять против Альбининого напора не смог…

Альбина лежала на спине, раскинув руки в стороны, и улыбалась, счастливо глядя в потолок. Утицкий брезгливо снял с себя ее руку:

— Дааа, не ожидал от тебя такого. Ты что, белены объелась?

Альбина звонко рассмеялась:

— Наоборот — дико проголодалась!

— С чего вдруг? Варенник давно субботников не организовывал?

— Ой, Саш, перестань, — недовольно поморщилась Альбина. — Только ревности не хватало. Ритка твоя вон, практически открыто с Муравичем трахается, не говоря уж о субботниках. Или ты ей тоже дома сцены ревности устраиваешь?

— То жена, а то ты. Это раз. Ревновать тебя? Бред. Это два. Кто ты есть такая, чтобы я тебя ревновал? Это пусть Варенник бесится твоим несанкционированным заходам. А в-третьих, почему я должен болезненно переносить Риткины субботники? И Муравич твой — не более чем тот же субботник. Это ее работа. Не могу сказать, что я от этого в восторге, но каждый должен заниматься тем, что он хорошо умеет делать.

— Да, железная логика! Могу сказать, что ты в постели — редкий умелец. Сомневаюсь, что что-то ты умеешь делать лучше, чем это. Так по твоей логике выходит, что тебе — самое место на панели. За тебя бабы знаешь, какие деньги будут отваливать? Слушай, — Альбина приподнялась, облокотившись на локоть, и кокетливо улыбнулась. — А давай, я буду твоим панельным продюсером?

— Что ты мелешь?! — возмутился Утицкий и встал с кровати, стыдливо прикрываясь одеялом.

Альбина подскочила и сорвала с него одеяло:

— Это ты кого стесняться вздумал? Меня? Да я тебя…

Она вновь повалила его на постель и стала осыпать его грудь поцелуями. Однако Утицкий резко сбросил ее с себя и вновь встал. Правда, на сей раз не стал прикрывать голый зад одеялом, но быстро натянул трусы. Альбина все также лежала на спине и весело хохотала. По всему было видно, что вставать она не собирается.

Утицкий весьма негостеприимно бросил на гостью охапку одежды:

— Оденься. Ритка в любой момент может вернуться.

Альбина села, обиженно надула губки и прямо на голое тело начала натягивать блузку:

— Смотрите, какие мы верные! Что-то в прошлый раз я такой верности не обнаружила. Кто-то, по-моему, очень злился, когда я напоминала о существовании жены. И больше всего, помнится, тебя злил факт, что женой твоей являюсь не я, а Ритка. И одним разом ты тогда не ограничивался…

— Ты о чем? — удивленно уставился на наглую бабу Утицкий.

— Что значит о чем? Слушай, тебе бы в артисты пойти, у тебя для этого все данные: и играешь великолепно, и в постели силен. Тебя бы там быстро оценили…

— Ну, насчет постели спорить не стану — силен, да. Только не тебе это утверждать. Один раз — не показатель. А то, что ты принимаешь за актерскую игру — всего лишь искреннее недоумение, так что на актерскую панель мне еще рановато.

— Один раз? А, это ты про сегодня. Ну да, так я же пыталась соблазнить тебя еще разок, а ты, как мальчик-девственник стесняешься. Только кого — не меня же? Или боишься, что прислужка твоя Ритке доложится? Ну так и хрен с ней, с твоей Риткой! Ты же сам слушать о ней не желал, больше того, все обижался, что я о ней напоминала. А теперь играешься в невинность, как прожженная шлюха в первую брачную ночь. Хватит, Саша! Что ты из меня идиотку делаешь? Сначала держал

меня взаперти пять дней, трахал круглосуточно, невзирая на мое нежелание, убеждал, что именно ты — мой муж, а никакой не Муравич, обещал, что скоро станешь моим продюсером, когда Иоанн переквалифицируется в управдомы…

— В кого? — удивление Утицкого выглядело настолько реальным, что у Альбины закружилась голова. Что это, неужели она все придумала? Быть того не может. Она же очень четко помнит все пять дней, проведенных в том жутком доме. И очень хорошо помнит, как нежен с ней был Сашка, как он любил ее, как ласкал…

— В управдомы, — уже не так уверенно ответила она. — Ну помнишь, ты же сам говорил, что Иоанн меняет профессию, переквалифицируется в управдомы, а ты берешь бразды правления в собственные руки, и теперь я буду твоей женой. Я, а не Ритка. И что ты ее не любишь и никогда не любил, что знать ее не желаешь, а любишь только меня…

— Альбин, тебя случайно в детстве с высоты не роняли? — спросил Утицкий, застегивая ширинку. — Ты же несешь полную ахинею! С какой стати я должен тебя любить, если я женат на Ритке? Да, мне обидно, что ей приходится бесплатно обслуживать твоего Муравича, но это — работа. И пусть деньги она получает только с субботников, ведь за ее записи публика пока еще отказывается платить, а концерты у нас всю жизнь были бесплатными, но ведь и концерты, и субботники для нее организовывает именно Иоанн, значит, она обязана его обслуживать. С голосом у нее проблемы, не всем ведь повезло, как тебе. А значит, ей приходится пахать гораздо больше, чем тебе. Я ее жалеть должен, а не ревновать! И я жалею. А тут приходишь ты, фактически насилуешь меня на глазах у прислуги. Ты представляешь, как Ритка расстроится? Что я ей скажу? Как докажу, что ты сама пришла, что не было с моей стороны никаких намеков на близость?

— Никаких намеков?!! Это точно, намеков не было! Ты просто трахал меня круглосуточно, ни на что не намекая! Сукин сын! Теперь ты скажешь, что не обещал забрать меня у Варенника, когда Иоанн сдаст тебе свои дела? Ах ты, ублюдок! Ты нагло воспользовался моим телом в собственных целях, а теперь кричишь, что я тебя изнасиловала? Да, я тебя изнасиловала, но только сегодня, потому что хочу тебя с утра до вечера, думать ни о чем не могу, только и жду, когда ты вспомнишь обо мне. Потому что только ты показал мне, что такое настоящий мужик! А теперь…

Слезы выступили на глазах и Альбина отвернулась, пытаясь скрыть их.

— Я не понял — нас что, снимает скрытая камера? Ты спрятала ее в сумочке? Ты пытаешься так отомстить и Ритке, и Муравичу? Или ты вздумала меня шантажировать?

Утицкий схватил ее сумочку и вытряхнул содержимое прямо на кровать. Чего там только не было, в той сумочке: и косметика, и блокноты, и какие-то старые скомканные бумажки, носовые платки всех цветов радуги, ручки и карандаши. Не было только ни видео-, ни фотокамеры, диктофона и того не было. Альбина же рыдала уже в голос, не смущаясь, прерывая судорожные всхлипы только краткими восклицаниями:

— За что? За что? За что?!!

Потом рыдания резко прекратились, и Утицкий услышал целую тираду:

— За что? Господи, за что? Я ведь никому не сделала плохого. Меня предал Муравич, мне было так плохо, но я выстояла. И теперь, когда я влюбилась в тебя, оказывается, что это был только ваш злой розыгрыш. Представляю, как веселилась Ритка…

Излив душу, Альбина замолчала. Истерика словно бы прекратилась сама собой. Не было больше ни слез, ни рвущих сердце восклицаний. Она лишь тихонько промакивала слезы, опасаясь испортить макияж. Плечики ее сгорбились так печально, что Утицкому стало по-человечески жаль ее. Он присел рядышком, обнял ее за плечи:

— Альбина, я не хотел тебя обидеть. Мне было хорошо с тобой, честно. Спасибо тебе, мне ведь и правда нелегко терпеть Риткину работу. Я понимаю, что это всего-навсего способ зарабатывания денег, но мне все равно очень больно. А ты пришла, заволокла меня в постель… Знаешь, я рад, что это произошло, честно рад. И мне действительно было здорово с тобой. Если хочешь, мы можем периодически повторять этот опыт, — он слегка закашлялся от смущения. — Ну, ты поняла, что я имел в виду. Только знаешь, я на самом деле не понимаю, о чем ты говоришь. Я согласен быть твоим любовником, причем, с огромным удовольствием, но как я могу стать твоим продюсером? Я впервые слышу, что Муравич собирается передать мне бизнес. Ты сама подумай — с какой стати ему бросать суперприбыльное дело и идти управлять каким-то домом. Каким, кстати? Разве что Домом Правительства, да кому он там нужен, там своих управляющих хватает…

***

А через несколько дней Утицкий вновь был тем неутомимым любовником, что и в те незабываемые пять дней. И вновь

категорически отказывался говорить о своей Ритке, как о жене, упорно называя ее "подружкой из Арзамаса". Единственное, что не менялось, так это недоумение по поводу предстоящей переквалификации Иоанна. Утицкий вновь делал удивленное лицо и уверял, будто никогда не утверждал, что Муравич собирается управлять каким-то домом.

— Конечно, Аленький, музыкант из него так себе, не то, что его знаменитый папаша, но, насколько я знаю, от своей виолончели Ванька никогда не откажется — он вырос вместе с ней. Да и, честно говоря, ничего другого он делать не умеет. А уж чтобы Ваньке кто-то чем-то позволил управлять — это уж и вовсе фантастика. Им самим управлять надо — с трудом, наверное, находит дорогу домой. Малахольный, одно слово…

— Это кто малахольный, Иоанн?! Это им-то управлять надо?! Утицкий, ты совсем сдурел, да? И о какой виолончели ты говоришь? Что это такое?

— Ой, Аль, брось придуриваться, а? Надоело, ей богу. Ты ж в музыкальном училище училась. Пусть немного, но ведь училась же. Неужели ни разу виолончель не видела? А на концерте в Арзамасе? Помнишь, Ванька играл на большой такой скрипочке? Такая большая, что ее на пол надо ставить — в руках не удержишь…

Альбина зашлась от задорного хохота:

— Ой, Утицкий, ну насмешил! Иоанн, по-моему, не догадывается, как ноты называются, а чтобы он играл на большой скрипке?.. Шутник ты, однако! Эк тебя сегодня на шуточки разобрало! Он только на людских эмоциях играть умеет, управлять народом, как куклами. Это у него хорошо получается. А на большее он не способен. И за что я его, дура, любила? Представляешь — в постели полный ноль, а я, дура самозабвенная, восторгалась им, как идолом!

Утицкий побелел:

— Что?!! Когда это ты успела в его сексуальных способностях убедиться?

— Да говорю ж тебе, там способностями и не пахнет, — отмахнулась Альбина.

— Ах ты шлюха! Пока я на гастролях, ты с этим козлом в постели кувыркаешься? И хватает же наглости мне об этом заявлять!!!

Альбина оскорбилась:

— Ну хватит, Саш! Ты шути-шути, да не заговаривайся. Еще не хватало, чтобы ты меня шлюхой обзывал. И за что? За то, что я спала с собственным мужем? Пусть и не получала от этого особого удовольствия, но он ведь был моим мужем. Ладно бы еще

за субботники начал отчитывать — я бы поняла, хотя и субботники всего-навсего моя работа. Сам знаешь — Ритка твоя там пашет по полной программе. Голоса Бог не дал, вот и зарабатывает имя чем может, а может только телом. Меня Иоанн берег, на субботники отправлял, только когда крайняя нужда заставляла. Варенник, правда, не жалеет, особенно в последнее время. Как сдурел, сволочь — по два, по три раза на неделе "субботы" мне устраивает. Приятного мало, но работа есть работа. Все мы знали, на что идем. Или ты не знал, каким образом Ритка твоя на сцену попадет? Только не говори, что надеялся делиться ею только с Иоанном!

Утицкий сначала побагровел, но по мере Альбининых откровений вернулся к норме:

— Фу, старушка, ну ты меня и напугала! Я-то попервах решил, что ты говоришь серьезно. Ты ж на будущее хотя бы предупреждай, а то меня кондратий когда-нибудь хватит от твоих сексуальных фантазий. Только мне как-то невдомек, чего это ты так резко переменилась? Раньше не любила разговоров на эту тему, вообще старалась отделаться дежурным пересыпом, а теперь вдруг такие эротические фантазии, что и меня заводят! Эх, Алька, шикарная ты у меня баба! Только странная иногда бываешь, но тебе это даже идет. Ты ж только смотри, никому свои глупости не рассказывай — не поймут, в психушку отправят. Я один тебя понимаю…

И от слов Утицкий перешел к делу. И Альбине уже некогда было уточнять насчет фантазий. Да и желание выяснять отношения отчего-то пропало. Конечно, Сашка как-то странно себя ведет, разговоры непонятные разговаривает. Опять же играет в лед и пламень: то он верный Риткин муж, то дико влюбленный поклонник, то ревнивый муж самой Альбины. То звонит ей и шепотом, боясь, как бы не услышала домработница, предлагает встретиться на ее, Альбининой, территории. То вдруг самым наглым образом, не испросив на то ее согласия, переносит каким-то макаром в тот странный мир. Такого Альбина любила Утицкого больше всего. Во-первых, там им никто не мешал. Пусть там не было Люси, которая и кушать приготовит-подаст, и квартирку приберет так, чтобы каждый угол чистотой отсвечивал. Пусть кушать приходилось странное варево под названием "макароны по-флотски", зато там Утицкий не опасался каждую секунду, что его похождения станут известны Ритке. Там он вообще не желал о ней слышать, категорически отказываясь признавать ее своей женой. И, что самое главное, именно интим в том странном доме почему-то оказывался самым сладким. Возможно, именно потому, что там он не опасался быть

застуканным на месте преступления? Как бы то ни было, но Альбина обожала, когда, по обыкновению неожиданно, все вокруг нее покрывалось зыбким, липким маревом. Она уже не боялась этого ощущения. Напротив, ждала его целыми днями, прислушиваясь к собственным ощущениям ежеминутно. Она до сих пор не знала, как Сашка это делает. Пусть это останется его маленьким секретом. Зато там, в том странном мире, они оставались одни на всем белом свете. Жаль только, что теперь они уже не могли позволить себе прятаться от остального мира так надолго. Видимо, сказывалась возросшая деловая активность Утицкого. Наверное, Муравич таки потихоньку начал передавать ему дела, иначе, чем еще это может объясняться? Только почему-то Сашка категорически не желает больше возвращаться к этому вопросу — видимо, поспешил, открыл ей карты слишком рано, о чем теперь дико сожалеет. А может, Муравич запретил говорить об этом по каким-то причинам. Может, боится сорвать какие-нибудь сделки. А впрочем, какая разница? В объятиях Утицкого Альбина забывала обо всем на свете. Не хотелось думать ни о карьере, ни о Муравиче, ни о Ритке. Здесь был только Утицкий:

— Сашка, Санечка…

11

Первый опыт прошел весьма успешно. Расколоть Берганову удалось довольно просто. Честно говоря, Алька далеко не была уверена, что ее план сработает. Собственно, Берганова стала первой жертвой лишь потому, что отыскать ее телефон оказалось проще простого — он почему-то был самым дешевым на рынке соответствующих услуг. А деньгами на тот момент Алька обладала более чем скромными. К тому же, фамилия у Бергановой оказалась не слишком распространенная, а ведь Альке предстояло найти ее двойника в другом мире, а сделать это можно было лишь по фамилии. Это уже потом, на втором этапе поисков, можно будет визуально сравнить образец с подлинной Бергановой. Потому и выбрала для эксперимента Ирину Берганову. А почему бы и нет? Бабенка не слишком молода, чтобы легко перенести свалившиеся незнамо откуда невзгоды. Достаточно давно в шоу-бизнесе, а потому требуемая сумма у нее наверняка имеется. И сумма в десять тысяч у.е. для нее вполне подъемная — она такую сумму берет за один вечер в ночном клубе. Вот и пусть поделится! Петь — это не работа, это удовольствие. А ей, паскуде, за это удовольствие еще и такие деньжищи платят! Алька, например, за выступление на большой сцене не получила ни копейки, а лишь вынуждена была обслужить шестерых мужиков — очень даже сомнительная

награда за возможность несколько минут покрасоваться на сцене. А поет-то она, между прочим, в тысячу раз лучше Бергановой! Это ж какая несправедливость!

Прикупив по сходной цене номер телефона Бергановой, Алька вновь отправилась в Зазеркалье. К счастью, там тоже имелось справочное бюро, только называлось оно совершенно по-дурацки: Вопросник. Спасибо Люсе — что бы Алька делала без ее неоценимой помощи?

Бергановых Ирин в Мамсбурге не оказалось. Однако Алька не поленилась вызвонить двенадцать обнаруженных номеров однофамильцев и таким макаром нашла престарелую мамашу Ирины Бергановой. Здешняя Ирина выскочила замуж совсем еще девчушкой, взяла фамилию мужа, а потому нынче ее следовало разыскивать под фамилией Труханова. Впрочем, и разыскивать нужды уже не было. Мамаша любезно предоставила адрес дочери, так как телефона у нее почему-то не оказалось.

Въехав в один из дворов захолустного района на окраине Мамсбурга на шикарном Альбинином авто, Алька увидела всклокоченную особу весьма непрезентабельного вида. То ли от того, что настроена была на встречу с двойником Бергановой, то ли особа действительно была похожа на знаменитость из другого измерения, однако Алька почувствовала, что к особе стоит приглядеться повнимательнее. И, дабы не светиться узнаваемой в Мамсбурге личностью, Алька благоразумно не стала выходить из машины. Лишь дала указание водителю незаметно преследовать объект. Пожалуй, задание едва ли было выполнимым — такую машину в захолустье сложно было не заметить. Однако здешняя Берганова, она же Труханова, куда-то спешила и не обращала ни малейшего внимания на преследование.

Сделав две пересадки с одного автобуса на другой, Труханова оказалась в центре Мамсбурга. Спустилась в подземный переход. Дабы не упустить ее из виду, Альке пришлось покинуть убежище на колесах. Она, как заправская шпионка, нацепила на себя большие черные очки, на голову накинула легкий полупрозрачный шарф, заодно обмотав им пол-лица, и спустилась в переход.

И как раз вовремя — там уже началось представление. Синюшного вида певунья, пританцовывая на месте, исполняла замысловатую песенку со странным мотивом:

Зачем тебя я повстречала
Зачем увидела в ночи
Любовь обманчиво сияла
В глазах твоих в ночной тиши.

Это, видимо, был куплет, спетый более-менее нормальным

человеческим голосом. После чего последовал припев с дурноватыми подвываниями:

Ты мне сказал тогда: "Люблю,
Люблю, люблю тебя одну!"
Тебе я верила тогда
И влюблена в тебя была.

Песенка, хоть и незамысловатая, но вполне лирическая, входила в такой рьяный диссонанс с пропитой внешностью исполнительницы, что воспринималась скорее пародией на некую знаменитую в этом мире певицу, может, даже саму Щербакову — Алька ведь до сих пор не знала всего своего репертуара, то есть не своего, конечно, Альбининого, но какая, в сущности, разница? А может, так оно и было, ведь народ довольно живенько кидал синюшнице монетки, весело ухмыляясь.

Понаблюдав за импровизированным концертом несколько минут, Алька вернулась в машину. Следить за Трухановой дальше не имело смысла. Дальше все должно было идти по раз и навсегда установленному сценарию: насшибает определенное количество монеток, сгоняет в ближайший "Черственец", как здесь называют гастроном, и с бутылочкой "Мажобра", самого что ни на есть дешевого пойла, отправится отдыхать от трудов праведных. Очень хорошо. Замечательная личность Ирина Труханова! Как по заказу — с такой "подругой" у Альки не возникнет никаких проблем!

Алька, не будь дурой, заранее продумала план действий. Договорилась с соседкой по лестничной клетке, одинокой старушкой Анной Марьяновной, о некоторых услугах. Придумала для нее сказочку, что, мол, организовывает клуб двойников знаменитостей, но пока еще определенных навыков не имеет, да и средств на это дело достаточных тоже пока в наличии нет, но она непременно развернется на широкую ногу и уж тогда-то расплатится с Марьяновной по полной программе. Марьяновна была человеком малообщительным, и с кумушками во дворе не дружила. С Алькой же приходилось когда-никогда перебросится парой фраз, как с ближайшей соседкой. С деньгами у нее, как у нормальной русской бабушки, были вечные проблемы, а Алька обещала отблагодарить по-царски. В-общем, договорились о взаимовыгодном сотрудничестве.

День потихоньку плавно перевалил на вторую половину, а значит, проход уже закрылся и вернуться домой Альке в этот день уже не было суждено. Впрочем, она не слишком огорчилась. Подумаешь, отдохнет денек от Утицкого. А то он, сволочь, совсем сдурел последнее время — ни сна, ни отдыха Альке не дает, подлец. То ли проголодался за те несколько дней, что Алька

пропадала в Зазеркалье? И ведь, гад, даже не понял, что ее дома не было! И чем они, интересно, занимались с Альбиной? Ах, кобель бестолковый, как же так можно, не отличить чужую бабу от родной жены? А Альбину так даже жалко. Мало того, что в чужом мире оказалась, так тут еще и Таракан ненасытный на ее голову свалился. Пришлось бедняжке попыхтеть за Альку.

Ха, тут же одернула себя Алька. Это Альбина-то за нее пыхтела? Альбина — что? Подумаешь, одного Таракана обслужила. Вот уж кто за кого натерпелся, так это как раз наоборот — Алька за Альбину! Вот уж кто настрадался ни за что, ни про что! Бррр, одного Варенника достаточно для неизгладимых впечатлений.

Ой, Варенник! А что, если этот гад для нее на сегодня приготовил субботник? Это ей что же, опять за Альбину работать? Ну уж нет, перебьется! И, войдя в Альбинину квартиру, первым делом отдала распоряжение домработнице:

— Люся, для Варенника меня сегодня нет. Что бы он ни говорил — нет меня, и точка. Я умерла. Все вопросы завтра. Особенно субботники. Скажешь, завтра я на все согласна,

может даже квоту вдвое увеличить. Я с удовольствием. Скажи — сама просила. И еще скажи, что с удовольствием отработаю два субботника подряд. А если найдет достаточно спонсоров — и три. Скажи, хоть каждый день готова вставать грудью на защиту его материальных интересов. Ну и своих собственных, конечно. Скажи — добровольно беру на себя повышенные обязательства, кроме тех дней, когда не смогу поработать для него. Скажи — такое мое единственное условие. За исключением некоторых дней буду трудиться, не покладая спины. И еще при этом буду пищать и плакать от восторга. Так и скажи. А сегодня я умерла.

Вот так. Так той Альбине и надо. Пусть потрудится во славу Варенника. Будет знать, гадюка, как чужих мужей соблазнять! Может, это немножечко подло по отношению к Альбине, но себя-то Алька любила побольше знаменитой двойницы. И Утицкого к сопернице ревновала страшно. Кому какое дело — любит Алька мужа или нет? Какая разница, главное — он ее законный муж, и никакая шалава, пусть даже знаменитая певица, пусть даже ее же собственный двойник из соседнего мира не имеет права отнимать его у нее. И не так уж важно, что Алька практически сама подкладывает свою копию под мужа. Она же делает это сугубо из крайней необходимости, чтобы извлечь выгоду из обнаруженного эксклюзива. Не может же она жить, как ни в чем ни бывало, когда в ее квартире находится проход в параллельный мир! Это что же, она будет каждый день ходить мимо призывно мерцающего зеркала и полностью его игнорировать? И будет терпеть нужду и

лишения, в то время, когда Альбина там не знает ни в чем отказа? Ннда, Алька вынуждена признать, что не так уж сладка Альбинина жизнь в том мире. Но ведь сама-то Альбина об этом не догадывается! Она-то думает, что у нее все хорошо и вообще она замечательно живет в своем долбанном Зазеркалье! Может, она так и не думает, но, по Алькиным понятиям, именно так она и должна думать. Ну а дабы жизнь медом не казалась, надо подбросить ей работенки. Заодно и не до Таракана будет, когда ей придется заменять Альку. А то ишь, ни стыда, ни совести у бабы — мало ей своих, субботних мужиков, так она еще и на Алькиного Утицкого нацелилась!

***

С утра пораньше Алька уже дежурила возле дома Трухановой. Из машины, как и накануне, не выходила. Около десяти утра из подъезда выползла синюшная тень Бергановой.

Алька мигом выскочила из машины и подлетела к пьянчужке:

— Здравствуйте, Ира. Вы меня узнаете?

Труханова поглядела на нее сонными глазами. Алька так и не поняла — узнала ли ее Ирина или нет, такое равнодушие было написано на ее оплывшем лице. И, пока ее не послали далеко по матушке, Алька затараторила:

— Я Альбина Щербакова, вы меня узнали? Да-да, та самая знаменитая певица. Я хочу пригласить вас на экскурсию. Вот нас уже и машина поджидает, — и красноречивым жестом указала на шикарное авто Щербаковой.

Труханова, кажется, начала просыпаться, однако в машину садиться не желала:

— Дык мне эта, в "Черственец" надо, в магазин, ага. Там эта, Талян проснется — биться будет. Он у меня буйнай, када похмело кончается. Ага. А ты кто?

— Эк тебя, подруга, переиначило. Пойдем, милая, к машинке. Там похмела полно. А Толян твой пусть пока поспит. А похмело ты ему попозже принесешь. Ты шагай, подруга, шагай. Смотри, машинка какая красивая. Она знаешь как быстро ездит? О, очень быстро! На бензине! Вот ты ездила когда-нибудь на бензине? Во, и я не ездила. А она ездит…

Забивая немногие оставшиеся мозги Трухановой, Алька подвела ее к машине. Та было уперлась перед самой машиной, видать, про Толяна своего вспомнила, да Алька была на чеку: подхватила синюшницу под локоток, другой рукой помахала активненько перед ее носом, пощелкала пальцами, и произнесла таинственное заклинание:

— Гляди, какая машинка! Шина-бика, би-бип. На бензине,

ооо!

Сопротивление было сломлено, и Альке уже без труда удалось усадить Ирину в машину. Дальше все было делом техники. Когда Алька завела Труханову в шикарную Альбинину квартиру, у той на пропитом лице ни дрогнул ни один мускул, вроде, в похожих апартаментах она бывает ежедневно. Зато Люсина реакция была весьма неадекватной. Она тихо ахнула, почему-то присела, потом всплеснула руками и вскрикнула:

— Ой!

Потом еще раз присела, икнула и прошептала:

— Я же хорошо себя вела, хорошо! За что? Ведь вы же обещали поднять зарплату, а вместо этого увольняете…

Алька поняла, что синюшницу Люся приняла за новую домработницу и поспешила ее успокоить:

— Нет, Люся, тебя никто не увольняет. Это моя гостья. Только пожалуйста — веди себя хорошо и выполняй все мои распоряжения, поняла? А то действительно уволю к чертовой матери! И не смей заходить в мою комнату без вызова!

С этими словами протащила Труханову вглубь квартиры и закрыла за собой дверь. Люся вжалась в стенку и продолжила громко икать.

Дабы у пьянчужки не возникло ненужных вопросов, Алька с таинственным видом завязала ей глаза:

— Сюрприз! — и, как маленькую, за ручку, провела ее через проход. Уже в своей квартире довела ее до самых входных дверей и только на самом пороге сняла повязку. Впрочем, оглянуться Ирина так и не успела, так как Алька тут же вывела ее из квартиры на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь.

— Вот, Анна Марьяновна, знакомьтесь — это первый член нашего клуба. Ирочка Берганова, узнаете? — и протянула соседке бутылку водки, явно предназначавшуюся для Ирины.

Марьяновна удивленно поглядела на опухшую с похмелья гостью, с трудом пытаясь углядеть в ней знакомые черты Бергановой. Алька завела Ирину в квартиру, а сама, кивнув на прощанье Марьяновне, исчезла, кинув во след:

— Анн Марьянн, позаботьтесь о ней, я скоро…

***

Вернуться в Зазеркалье и подъехать к дому Трухановых заняло минут двадцать, и из всего концерта Альке пришлось довольствоваться лишь финалом, когда знаменитая певица Ирина Берганова, улепетывая от пьяного мужика в одних чулочках на потеху публике, упала в объятия участкового Девятова. Но и этого

ей оказалось достаточно для последующего обсуждения с потерпевшей. Спокойно вернувшись домой, то есть в Альбинин дом, она понежилась пару часов на ее шелковых простынях, после чего решила, что для первого раза Берганową мучений достаточно, как и весьма "веселеньких" впечатлений.

Труханова была тем же путем препровождена домой, правда, на сей раз она уже не была такой покладистой — в гостях у Марьяновны самолично оприходовала выданную бутылку водки, и вела себя теперь крайне буйно. Однако особо шалить в компании со знаменитой Щербаковой поостереглась, и неприятных эксцессов удалось избежать. Анатолий Борисович Труханов к тому времени уже благополучно парился на нарах, так что за отсутствие "похмела" Ире ничего не угрожало.

Правда, уже после Алькиного возвращения в родные пенаты к Трухановой пожаловали гости в погонах. Они препроводили ее под белы рученьки обратно в камеру, удивляясь, до чего же бабу может довести тяга к похмелью: это ж надо, как она только умудрилась проскочить между прутьями решетки да еще и проскользнуть незамеченной дежурным по отделению?! Да еще, сволочь наглая, умудрилась утащить с собой казенное одеяло!

Пообщавшись вечером того же дня с пострадавшей, Альке без особого труда удалось убедить ее расстаться с некоторой суммой денег ради собственных покоя и безопасности. Больше того, Берганова была столь любезна, что сама подсказала Альке, кого выбрать следующим "клиентом" в свой клуб. И даже подсказала пару секретных телефонов и настоящих фамилий. Алька радовалась: золотой человек Ирина Берганова!

12

Альбина уже с трудом отслеживала события. К ее неописуемому восторгу состояние зыбкости и липкости, заволакивающее ее время от времени, случалось все чаще. С одной стороны, это как будто бы здорово — она ведь уже поняла, что такое состояние является для нее предвестником счастливого забвения в обществе обожаемого Утицкого, когда он не боится быть застуканным женой или домработницей, а полностью принадлежит одной лишь Альбине. С другой, такие состояния происходили с ней все чаще и, мало того, что иногда они обозначали как раз окончание счастливого времяпрепровождения в объятиях Утицкого, но, что гораздо хуже, иногда она оказывалась в их крошечном гнездышке для двоих, но предвкушение радости было напрасным, потому что возвращаться обратно иной раз приходилось уже через пару часов, так и не

дождавшись Утицкого. Больше того, возвращаясь обратно к себе, она обнаруживала некоторые несостыковки. То Люся смотрела обиженно и намекала на каких-то таинственных гостей, с которыми якобы Альбина закрывалась у себя в комнате. Но на Люсю, по большому счету, Альбине было наплевать — что она, не найдет себе другую домработницу? Конечно, она уже давно привыкла к Люсе, и та ее очень даже устраивала. В конце концов, Альбина вовсе не обязана отчитываться перед домработницей о своих гостях. Смущало Альбину как раз то, что ведь гостей-то никаких и не было. Что это, Люся вдруг стала заговариваться? У нее начались видения? Да, надо с этим что-то делать…

Хуже всего было то, что непонятности происходили не только с Люсей. Странно вел себя Иоанн при последней встрече, намекая на какой-то мифический обед. Еще более странно говорил с ней Утицкий, каждый раз начисто забывая прошлую встречу. Что характерно — встречаясь у Альбины дома, Сашка категорически отказывался говорить о встречах в том странном доме, как будто их и не было вовсе. Встречаясь же там, на его территории, он воспринимал Альбинины речи и воспоминания, как фантазии. Ему нравилось называть их ее эротическими фантазиями, Альбина же склонна была считать это его сексуальными грезами. В сущности, ей было глубоко наплевать, кто во что играет. Главное, ей было очень хорошо с Утицким, все остальное — такие мелочи. И все-таки как это странно…

И совсем уж отвратительно отношения складывались с Варенником. Альбина никак не могла понять причину резкой перемены Варенника. Что случилось? Ведь раньше он относился к ней, как к богиньке. Обожал, чуть ли не на руках носил. Теперь мало того, что перестал выделять ее из всех своих подопечных, обязав платить общую дань. Ныне он так загрузил ее субботниками, что выдерживать такую нагрузку Альбине становилось уже не по силам. Оно то, конечно, такая загруженность приносила хороший доход, ведь всем ясно, с каких таких доходов живут звезды. Концерты, к сожалению, бывают не так уж часто, зато платить за это удовольствие приходится регулярно и довольно дорого — что ж, такова участь всех звезд шоу-бизнеса: люди публичные, они просто обязаны и выглядеть лучше остальных людей, и ездить на куда более дорогих машинах, жить в гораздо более комфортабельных условиях. А откуда всему этому взяться, если записи приносят сущие копейки, такой мизер, что даже не прокормишься, не говоря уже о квартирах, машинах, одежде и прочих прелестях жизни. Такова суровая реальность: наградил Бог талантом — ты просто обязан делиться им с народом. Даже если побочные стороны славы тебе

не особенно нравятся. С другой стороны — все справедливо. Ясное дело, что талант твой принадлежит народу, но отсюда вытекает, что и тело твое принадлежит ему же: каждый человек имеет право иметь желания, и, как записано в Высшем Законе Страны — каждый человек имеет право реализовывать свои желания. Если имеет, за счет чего их реализовывать. Этот пункт в Высшем Законе не был указан, но предполагалось, что это само собой разумеется каждым законопослушным гражданином.

Когда в Мамсбурге желающих отведать звездного тела оказывалось маловато, продюсеры устраивали гастроли по весям страны. Вот уж где работа кипела! В Мамсбурге-то звезд валом, мужики зажравшиеся, а в провинции звезды разного калибра — экзотика. Там даже мелочь пузатая, вроде Тоси Белой, и то аншлагами пользовалась, каждый день отрабатывая субботники. Альбина же, как звезда номер два на отечественном небосклоне, пахала, как мало кому удавалось, отрабатывая поистине марафонские субботники. Каждому известно, что один чес по весям позволяет безбедно существовать целый год. Альбина гастроли ненавидела душой и телом, однако вынуждена была признать, что без них обойтись очень сложно. По крайней мере, с ее потребностями. А аппетит, как известно, приходит во время еды, растут и ее запросы. Хорошо хоть она неизменно пользовалась успехом и выходить в тираж пока не собиралась. Однако уже сейчас Альбине бывало страшно — а на что она будет жить лет так через десять? Вот как, например, сейчас живет Ольга Кулагина? Вернее, на что? Конечно, она — звезда номер один, а потому концертов имеет больше, чем Альбина — вот уж где моральное вознаграждение многолетних трудов! Опять же — вездесущий спутник славы — востребованность записей, которые в отличие от концертов оплачиваются поклонниками. Но ведь не настолько же, чтобы безбедно существовать на гонорары с них. А значит что? Значит, успела отложить за многолетнюю карьеру. Много работала, мало тратила. Вот и Альбине нужно брать с нее пример — работать побольше, и не возмущаться. Так она ведь и не возмущается. Конечно, тяжело работать в таком режиме, какой ей "прописал" нынче Варенник. Но она же понимает, что это на благо им обоим, и не возмущается. Так почему же он все время недоволен? Он зарабатывает на ней огромные деньжищи, и при этом смотрит на нее с такой ненавистью. За что? Она же ни разу не посмела огрызнуться на него, ни разу ему ни в чем не отказала. А он все равно ею недоволен. Уйти бы от него, да к кому? Муравич, правда, приглашал обратно под крылышко, да стоит ли менять шило на мыло? Ведь он в шоу-бизнесе последние деньки, скоро, наконец, отправится управлять домом. Ох,

конспираторы! Как они блюдут свою тайну! И ведь оба категорически отказываются признать свои грандиозные планы на будущее. Вот уж никогда бы Альбина не смогла представить, что Муравич с Утицким вдруг станут друзьями. Они и сейчас, правда, это скрывают тщательнейшим образом, но она-то знает наверняка.

Ах, Муравич! Ах, Утицкий! Она безумно обожала когда-то одного, и яростно презирала второго. Как же быстро все меняется! Теперь Муравич не вызывает в ней ровным счетом никаких эмоций — ни любви, ни ненависти. Так, одно сплошное прошлое. Утицкий же совершенно неожиданно стал вдруг главным в ее жизни человеком. Хм, какой странный, странный мир…

13

После Бергановой были Татьяна Казанцева, Марина Островская и Вера Горемычная. С этими барышнями у Альки не возникло ни малейших проколов. Все шло, как по маслу. Воспользовавшись подсказкой Бергановой, Алька без проблем обнаружила зазеркальных двойников Островской и Горемычной. Пожалуй, помощь Бергановой с полным основанием можно было назвать неоценимой, ведь самостоятельно Альке вряд ли удалось бы разыскать в Мамсбурге Марию Острогу и Брониславу Перепетухину. Казанцева же, как и в нормальном мире, оказалась просто Казанцевой. Да, Ирочка Берганова — не человек, чистое золото! Знала бы Алька, какая из нее выйдет помощница, скостила бы ей сумму откупного вдвое.

Остальное было, как и в прошлый раз: помещенные в мир иной на пару часов, "звезды" легко расставались с наличными. Аж скучно, ей Богу! И это притом, что ни одной из вышеуказанных барышень не довелось испытать на себе ни единой ярко-негативной эмоции. Вот Бергановой в этом плане действительно не повезло, тут ничего не скажешь. А эти… От презрения к неженкам у Альки самопроизвольно выворачивалась нижняя губа — ну подумаешь, оказались в чужих домах. Ну подумаешь, народ их резко перестал узнавать. Так ведь и за решетку никто не отправлял! И угрозы физического насилия не было. И даже голыми по улице прогуливаться не довелось! А они так легко согласились расстаться с деньгами, что Алька тут же подняла ставку вдвое. И ни одна из невольных путешественниц даже и не вздумала торговаться! А может, это их Берганова так настращала?

В итоге у Альки на руках оказалась довольно крупная сумма денег. Раньше она и одной тысячи не то что в руках не держала, а даже и не видела. Теперь же у нее их было семьдесят. Вернее, уже несколько поменьше. Алька, естественно, не удержалась и сразу

же накупила себе дорогих шмоток. Потом опомнилась — деньги уходят, а главная проблема не решена. Ведь Утицкий в любой момент может обнаружить проход в Зазеркалье. Фокус с приоткрытой дверцей кладовки до сих пор исправно срабатывал, но кто знает, не вздумается ли в одно ясное воскресное утро Таракану плотно закрыть дверь. И тогда он поймет, что последнее время довольно часто его законная супруга отсутствовала, заменяя себя своей абсолютной копией. И кто знает, какие мысли возникнут у него после такого открытия. Нет, даже самую малую возможность обнаружения Утицким прохода она обязана исключить. А сделать это можно лишь одним способом — переехать в другую квартиру. Денег, правда, пока еще маловато, чтобы не менять шило на мыло, но и тянуть особо с этим делом небезопасно. Придется покупать ненамного лучшую квартиру, чем они имеют сейчас, зато срочно. Заодно и Таракану проще будет объяснить переезд — мол, подвернулся удачный обмен, да еще и без доплаты. А о том, что их нынешнюю квартирку никто продавать не собирается, он и не догадается. И Альке не придется отвечать на вопрос, откуда у нее взялись такие деньжищи.

И временно Зазеркалье было забыто. Алька полностью погрузилась в вопросы недвижимости. Довольно скоро она присмотрела двухкомнатную квартирку ближе к центру. Совсем не шикарную, и совсем не в центре, но однозначно гораздо лучшую, чем нынешняя. Уговорить Утицкого не составило труда. Главный аргумент — шара, и сделка была оформлена в рекордно быстрые сроки.

Потом был переезд. Хлопоты, хоть и приятные, но времени отнимающие немерянно. Лето плавно подходило к концу, а Алька все моталась по магазинам в поисках подходящих обоев, карнизов и дверных ручек. А денег на все необходимые хозяйственные приобретения уже не оставалось. И старая мебель в новой квартире смотрелась так убого…

Лишь мало-мальски приведя новую квартиру в нормальный вид, Алька вернулась к излюбленному бизнесу. Хорошо, что она сразу, как порядочная, расплатилась с Марьяновной. Кидала ей с барского плеча по пятьдесят баксов за гостя, и бабулька была просто счастлива. Алька же таким образом могла быть спокойна за тылы. И, еще раз пообщавшись с Бергановой, Алька вышла на очередную жертву.

Ею стала Александра Мальвинина. Вернее, Валентина Трошкина. Мальвинина она была по мужу, а на эстраде выступала под псевдонимом Александра. Отчего-то ей не нравилось имя Валентина. Ну что ж, ничего странного. Алька, в принципе, уже привыкла к некоторым несовпадениям в этой области в мире шоу-

бизнеса. Опять же — большое человеческое спасибо Ирочке Бергановой. Алька даже стала подумывать, а не взять ли ей Берганову на зарплату?

Александра, невероятно миловидное создание лет двадцати восьми, на самом деле плавненько приближалась к сорока и имела троих детей. Однако, глядя на нее, эта информация казалась абсолютным вымыслом. Хрупкая фигурка в сочетании с нежной кожей и ясными голубыми глазами никак не вязались с представлением о нормальной матери семейства. Да, Мальвинин вкладывал в супругу немалые деньги. Правда, зарабатывал их на ней же — всему миру известно, что он же и вывел Александру на большую сцену. Но в данном случае нельзя сказать, что сделал он это только при помощи денег. Нет, Александра-Валентина на самом деле оказалась ярким талантом, совершенно ни с кем не сравнимым. Александра прочно заняла на эстраде нишу, казалось, предназначенную специально для нее. Ее песни были какими-то особенными (чаще всего, написанными самим Мальвининым), не избитыми, но в то же время привычно-лирическими, однако со своей, присущей только Александре, изюминкой. К тому же у нее была весьма своеобразная манера держаться на сцене, плавно изгибаясь в танце под собственное пение. А голос… Голос у нее действительно был шикарный. Это вынуждена была признать даже Алька. И возможно, именно из некоторой ревности она с удовольствием взялась за этот проект.

Двойник Александры был обнаружен в Мамсбурге без особого труда. Хотя и Александра, и Валентина не были уроженками столиц, обеих судьба забросила в главные города одной страны. Правда, Валентина, несмотря на шикарные вокальные данные, певицей так и не стала. То ли порядочное воспитание не позволило встать на скользкие подмостки, то ли просто не повезло — истории не известно, но факт то, что жила она теперь жизнью простой русской женщины, матери троих детей и жены Михаила Седакова. Вот тут-то Алька и обалдела: Седаков-то даже отдаленно не напоминал Мальвинина! Несостыковочка вышла! То ли Седаков не приходится отцом детям Валентины, то ли Александра при зачатии своих детей обошлась без участия Мальвинина? Ведь главное условие существования двух миров Алька поняла в первый же день: единственные события, которые неизменно совпадают в обоих мирах, это рождение и смерть одних и тех же людей, от одних и тех же родителей и под одними и теми же именами и фамилиями. Иначе в обоих мирах наступил бы полный хаос. Так кто кого обдурил: Александра своего Мальвинина или Валентина — Седакова?

Впрочем, особо задумываться над моральным поведением

подопечных Альке было недосуг. "Похитив" привычным уже способом Валентину, Алька передала ее на поруки Марьяновны, а сама отправилась понаблюдать за Александрой, заброшенной в чужой мир.

***

Тошнота внезапно подкатила к горлу и Александра покрылась липким холодным потом.

— О Боже, опять залетела, — пробурчала под нос Александра и потеряла сознание.

Очнувшись через несколько минут, она не узнала дом. Из шикарного загородного особняка она каким-то непостижимым образом оказалась в довольно тесной городской квартире. В доме было тихо и пусто — ни прислуги, ни паскуды Мальвинина, ни его злобных охранников. Никого. Александра не верила собственным глазам — как, она вдруг оказалась совершенно одна, без назойливого присмотра?

Чувство одиночества опьянило. Она не была одна уже много лет, с тех пор, как… Нет, нельзя об этом вспоминать. Нельзя! Сколько раз зарекалась, а память в очередной раз предательски демонстрирует лицо единственного дорогого человека на свете. Кроме детей, разумеется.

Интересно, куда же подевались злобные церберы? Мальвинин, ясное дело, должен быть в офисе. Как же, у него сегодня очередной "кастинг"! Только Александра-то прекрасно знала, кого и для чего он отбирает на этом кастинге. Ублюдок!

Александра выглянула в окно. Пейзаж ничем не заинтересовал ее: кроны деревьев наполовину закрывали обзор, лишь в правом углу просматривалась детская площадка с оригинальными вогнутыми зонтиками из странного полупрозрачного материала. Детки возятся в песочнице, мамаши сидят в сторонке на лавочке. Все, как обычно. Москва, как Москва. Только как она оказалась в Москве? Она же буквально несколько минут назад сидела в беседке на берегу Истры; чуть в стороне, почти под самым забором, расставив ноги шире плеч, стоял дежурных охранник. Якобы охранял ее от посягательств сумасшедших поклонников. Только почему-то смотрел не по сторонам, отыскивая замаскированного лазутчика, а пристально отслеживал каждое движение самой Александры. Еще бы, сколько его предшественников были уволены без выходного пособия после предварительного радикального избиения за нерадивую охрану певицы! Сколько раз екало сердечко у Александры, когда ей удавалось ускользнуть из-под внимания ежесекундной опеки. Как радовалась, глупая, обдурив охранника и выскочив за

решетку калитки! И как всякий раз обрывалось все внутри, когда ее, не успевшую еще отбежать и десяти метров от ограды, ловил кто-то из внешней охраны. Как же теперь, когда она даже не пыталась сбежать, ей удалось вырваться из плена? И где она оказалась?

Александра еще раз обошла квартиру. Четыре комнатки, не очень просторные. Это мягко говоря. Если честно — скорее небольшие. Зато дефицит пространства с лихвой окупался каким-то странным уютом. Вот ведь явно люди обошлись без услуг дизайнера, а добились такого комфортного ощущения, какого она ни разу не испытала в их идеально разработанном-расланированном особняке. Уж там, казалось, и море пространства, и мебель шикарная, и стены шелком обтянуты, в некоторых комнатах даже расписанным вручную, а в результате все такое чужое, холодное. А здесь вроде и простенько, а так мило. На стенах, как в деревенских домах, много фотографий, портретов. Не больших, как в их доме. Александра не любила те шикарные портреты, заказанные Мальвининым у супермодного фотохудожника Мулецкого. Огромные портреты висели в гостиной, украшали лестничные пролеты. И везде Александра, Александра, Александра. Фальшивая улыбка, фальшивые глаза. Как ей надоели эти светло-голубые линзы, делающие ее темно-зеленые глаза водянистыми, почти прозрачными! А здесь…

Александра подошла поближе к фотографиям и обомлела: это была она! Несомненно, она! И не с ненавистно-прозрачными глазами, а со своими родными, не прикрытыми противными линзами. Это когда же ее так снимали? И в чем это она? И на детях какая-то странная одежда. Зато какие они счастливые на фотографиях! Александра не помнит, когда у детей были такие безоблачные улыбки на лицах. И не вымученно-деланные, а совершенно естественные, такие радостные. Хм, странно.

Александра перешла в другую комнату и ахнула: на странном пластиковом буфете стоял в рамочке портрет. И как же она могла не заметить его при первом обходе квартиры? Как?!! Ведь там, там… Глаза немедленно заволокло накипью слез. Изображение на портрете смазалось, искривилось, но Александра любовалась им, даже в искривленном виде таким сладким, таким трепетным… Антон, Антонушка, солнышко ненаглядное, где ты, что с тобой? Помнишь ли ты меня?..

Александра безудержно плакала, глотая слезы вместе с рыданиями, боясь спугнуть миг счастья всхлипываниями. И гладила, и целовала стекло, за которым они с Антоном прижались друг к дружке в свадебных нарядах. Молодые, красивые, счастливые… Господи, как же так, этого же не было,

никогда не было. Антон, Антонушка, милый, любимый! Откуда взялось это фото? Чей мастерский фотомонтаж?

Ее рыдания были нарушены шебуршанием ключа в замочной скважине. Александра мгновенно сжалась в пружину — слезы перестали катиться из глаз, но щеки все еще были мокрыми, и она, не заботясь о макияже, резко отерла их тыльной стороной ладоней. Нельзя, чтобы Мальвинин увидел ее слезы. Ведь он наверняка организовал все это с единственной целью — в очередной раз поиздеваться над супругой. Сначала заставить ее расчувствоваться от несложившейся любви, а потом жестоко наказать за то, что любит она не его, а того призрачного мальчика из далекого детства. И это он еще не догадывается, что Антон — совсем не призрачная детская любовь, а вполне реальный любовник. Правда, к великому сожалению Александры, оказался он не таким уж и героем-любовником, при малейшей угрозе быть раскрытым ревнивым мужем исчезал, как тень в безлунную ночь. И наверняка даже не догадывается, что двое из троих ее детей вовсе не дети Мальвинина, как считает вся страна, а его кровиночки — старшая Светочка и средняя Аленка. Почему-то у Антона упорно не получаются мальчишки. Вот и у его жены тоже дочь. Зато Мальвинин, мерзавец, специализируется по мальчишкам. Мало того, что младший сын в семействе Мальвининых самый что ни на есть законный сын своего отца, а сколько их еще по стране разбросано! Ведь Мальвинин только на публике такой верный муж и примерный отец. В постели он совсем другой… Самое интересное, что каждая его любовница, не исключая и матерей его залетных детишек, уверены в его порядочности и ни одна не догадывается о наличии множества соперниц. Каждая из них знает только об Александре, законной супруге известного продюсера. И только сама Александра знает обо всех его постельных безобразиях. Еще бы не знать — уже четыре раза законный супруг награждал ее позорной болезнью. Хорошо, хоть не СПИДом… Даже личного венеролога в штат вписал.

Александра слышала приближающиеся шаги, но выходить навстречу Мальвинину не решалась. На щеках еще очень явственно чувствовалась влага, да и глаза от слез наверняка покраснели. А Мальвинин, хоть и большая сволочь, но далеко не дурак — сразу поймет причину слез. Собственно, наверняка ради этого и затеял злой розыгрыш: застать ее в печали по несбывшейся любви, чтобы потом с бесконечным наслаждением в очередной раз избить знаменитую супругу. Избить так, чтобы места живого на ней, кроме лица, не было. Лицо трогать нельзя, ее лицо — его кошелек, деньгами он рисковать не мог…

Шаги неумолимо приближались и Александра, в надежде если не избежать, то хотя бы отдалить очередную физическую расправу, отвернулась к окну.

— А ты почему не на работе?

Голос прозвучал весьма недружелюбно, но вместо страха вызвал в Александре волну несказанного счастья:

— Антон??? Антонушка, солнышко мое!

Однако Антон отстранился от ее объятий:

— Ой, Валентина, только давай не будем начинать сначала!

Александра осеклась:

— Ты о чем? И почему "Валентина"?

— Потому что "Зайчиком" ты перестала быть много лет назад. И вообще прекращай изображать из себя невесть что…

Антон замолчал на полуслове и удивленно уставился на Александру. Лишь через несколько секунд спросил:

— Что ты с собой сделала? Откуда парик? А вообще-то он тебе потрясающе идет. И что с твоими глазами? Они стали какие-то водянистые. А вообще должен признать: ты конечно, порядочная стерва, но выглядишь сегодня как-то особенно замечательно. Хотя это не делает тебя меньшей дрянью, чем ты есть на самом деле. Я догадывался, что твоя работа — миф чистой воды. Теперь точно знаю, чем ты днем занимаешься. Только, похоже, я рановато пришел: твой козел Мальвинин еще не появился. И как тебе после этого верить?

На лице Александры отразилось искреннее непонимание:

— Антонушка, солнышко мое, ты о чем? Мальвинин, конечно, козел, и это ты еще очень мягко выразился. Но почему ты оскорбляешь меня? Ты же сам отказался бороться за меня, а теперь называешь меня стервой?

Антон возмутился:

— А, так я еще должен за тебя бороться? Ты, бесстыжая баба, спуталась с длинноволосым кобелем, невзирая на наличие двоих детей, принесла в подоле пополнение от этого козла, и я должен за тебя бороться? Ну знаешь ли, твоя наглость не знает границ!

На несколько мгновений в комнате воцарилось молчание. Судорожно пытаясь в голове сложить два и два, получив при этом положенный результат, Александра вглядывалась в Антона. Конечно, они не виделись несколько лет, и все же Антон как-то неуловимо изменился за это время. Не столько внешне, а… даже говорить он стал как-то иначе. Ну никак не получается "четыре"!

— Антошик, ты о чем? Что значит "спуталась"? Это с законным-то мужем? И позволь тебе напомнить, что ты практически сам толкнул меня в его объятия. Ты уже не помнишь, что тогда говорил? Я напомню. Ты сказал: "Валюшка, если иначе

не получается, ты сходи за него замуж, а потом, когда он сделает из тебя звезду, ты разведешься и мы поженимся". Теперь припоминаешь? Или стыдно? Конечно, проще всего обвинить меня. А ты не думаешь, как мне с ним живется? Ты знаешь, каково это — рожать детей не от мужа, а от любовника? И ведь он до сих пор не догадывается, что девчонки не его дочери! А терпеть его ежедневные побои? А насилие? И это все оттого, что ты не мог сделать из меня "звезду", но непременно желал меня ею видеть! А теперь упрекаешь меня: спуталась с длинноволосым. А кстати, почему ты назвал его длинноволосым?

Теперь Антон лупал глазами.

— Догулялась, мать твою, — брезгливо сплюнул на пол. — Тараканы в голове поселились. Ты уже и "озвездеть" успела? И позволь поинтересоваться: на каком же поприще?

Беседа все больше напоминала разговор слепого с глухим.

— Антоша, я вообще-то Александра. Если у тебя плохо с памятью, напоминаю: я певица. Очень известная, можно сказать, знаменитая…

— Я ж говорю — шлюха! — почему-то обрадовался Антон. — Совсем баба сдурела! Тебе сороковник скоро, а ты на панель собралась! Уже и псевдоним себе придумала! Да кому ты там, старая, нужна? Кто за тебя платить будет? Ты нужна-то, небось, одному длинноволосому, да и то на халяву…

Александра вздохнула:

— Подожди, подожди. Тайм-аут. Давай успокоимся, а то я вообще ничего уже не понимаю. Причем тут панель? Не смей оскорблять меня за то, что я вышла замуж за Мальвинина. Да, это была самая моя большая ошибка в жизни, но от этого я не стала шлюхой. Ты прекрасно знаешь, что, даже будучи его женой, я всю жизнь люблю только тебя. И даже детей я рожала не от него, а от тебя. Только Андрюшка — его сын, но тут уж я ничего не могла поделать. Я не хотела его рожать, но Мальвинин не позволил мне прервать беременность. Он думает, чем больше я ему нарожаю детей, тем сильнее он меня к себе привяжет. А сам издевается над детьми…

Брови Антона сначала сошлись на переносице, потом взлетели вверх:

— О Господи, Валь, ты меня пугаешь. Ты что несешь-то? Когда ты успела выйти замуж за этого волосатика? Мы ж с тобой еще не развелись. И вообще я уже ничего не понимаю. Как ты могла переспать с этим уродом? Как ты могла родить от него ребенка? Скажи, тебя не тошнило в постели от его соседства?

— Тошнило, еще как тошнило! Я и сейчас не могу без содрогания ложиться с ним в одну постель! А что я могу

поделать? Он же не спрашивает моего согласия! Он практически насилует меня каждую ночь! Как же — я ведь его законная жена и должна выполнять супружеские обязанности. Только знаешь, мне кажется, он это делает не от особой любви ко мне. Он просто таким образом самоутверждается. А еще мне каждую ночь доказывает, что мой муж — он, а не ты, и только он имеет право делать это со мной. Он, а не ты! А я каждую ночь закрываю глаза, и представляю, будто рядом не он, а ты. Ты, понимаешь? Ты, ты, ты!!! Каждый день, каждую ночь! Потому что я до сих пор тебя люблю! И никогда не переставала любить. А теперь уж, наверное, и не перестану. Я не умею не любить тебя. Вот только быть с тобой не получается. Антошка, милый, что мы делаем? Нам выпала редкая удача побыть вдвоем, а мы ссоримся, обвиняем друг друга. Он же в любую минуту может объявиться, а мы теряем время. Давай уедем куда-нибудь, где он не сможет нас достать! Конечно, с моей известностью нам трудно будет затеряться в толпе, но давай все-таки попробуем. Ты не представляешь, как я его боюсь. Боюсь и ненавижу! Антошик, миленький, забери меня от этого ублюдка, я больше не выдержу!

И Александра уткнулась в такую родную, с ранней юности знакомую широкую грудь Антона и расплакалась безудержно и совершенно по-детски. Она не знала, сколько минут просидела в объятиях любимого, а может, часов. Они уже не выясняли отношения, просто сидели, прижавшись друг к дружке, став, казалось, одним целым. Александра уж почти совсем забылась в объятиях любимого, как вдруг опять закружилась до обморока голова, тошнота подобралась к самому горлу, и противный холодный липкий пот покрыл все ее тело. На какое-то мгновение она отключилась, а пришла в себя на берегу Истры.

Охранника рядом не было, и Александра на свой страх и риск прошлась вдоль забора. Калитка почему-то была открыта настежь и так и манила к себе неприкрытой свободой. Не раздумывая о последствиях, Александра шагнула в мир и тут же нарвалась на град ударов:

— Ах ты тварь, опять удумала удрать! Я тебе устрою пир на свободе, ты у меня долго будешь вспоминать свою прогулку!

Мальвинин, не скрываясь от любопытствующих глаз, осыпал ее ударами, причем, старался бить в живот, поболезненнее. Один из ударов попал в аккурат под дых и, падая, Александра подумала:

— Как хорошо, ни одна беременность не выдержит такого удара…

Еще мгновение назад в его объятьях удобно устроилась

Валентина. Дрянь, конечно, мерзавка, но ведь самая родная, самая любимая на всем белом свете. А может, и правда она его любит? Ну было, ну уговорил ее тот козел волосатый. Ну, черт попутал, в конце концов. А любит-то она действительно только его. Ведь нельзя изображать любовь так искренне. Ее или нет вовсе, или есть. Третьего не дано. И Антон уже был готов поверить своему счастью, готов был простить изменницу, как вдруг все вокруг покрылось каким-то маревом, как будто плотным сигаретным дымом, только мокрым. Это продолжалось буквально мгновение, а когда мокрый дым рассеялся, оказалось, что Антон сидит на диване в гордом одиночестве. Вот так. Хотел застукать супругу с любовником, а, когда номер не удался, заснул на диване и увидел странный сон. На редкость реальный, но все же сон. Антон умылся холодной водой, чтобы проснуться окончательно, и вернулся на работу.

***

Алька терялась в догадках. Лицо ее, полное недоумения, выглядело довольно по-деревенски. Странно, она дежурила около дома Седаковых уже около двух часов, а ровным счетом ничего не происходило. Почему-то Александра не выскакивала на улицу, не окидывала безумным взглядом незнакомые окрестности, не рвала на себе волосы. Что-то не так. Что-то не складывается. И как же теперь Альке строить вечерний разговор с "потерпевшей"? Как убедить Александру расстаться с некоторой суммой кровных, трудом и потом заработанных денег?

Время летело, а ровным счетом ничего не происходило. Однако Алька не могла себе позволить караулить Александру целую вечность — проход-то работает далеко не круглосуточно, того и гляди закроется, а оставаться на ночь в этом идиотском мире, где Варенник может в любой момент доставить ее к месту проведения очередного субботника, категорически не хотелось. И она вынуждена была покинуть свой пост.

С трудом дождавшись вечера, Алька набрала знакомый номер:

— Будьте любезны, пригласите Александру.

— А кто ее спрашивает? — весьма нелюбезно поинтересовалась трубка.

— Это по очень важному делу. Мне необходимо срочно с ней побеседовать.

В трубке хмыкнули:

— Побеседуйте без Александры.

Алька растерялась. С откровенным хамством она столкнулась впервые. И как быть? Требовать денег у хама?

— Вы не поняли. Это очень серьезный разговор. Относительно ее сегодняшнего путешествия…

— А-а, так это ты, сука, помогла ей сбежать?! Учти, бля, поймаю — ноги повыдергиваю!

Алька разозлилась: да что же это такое? Что за мурло позволяет себе так разговаривать с нею, почти всемогущей? Ах ты, козел, да я вот тебя самого упеку куда подальше!

— Послушайте, любезный! Мне крайне необходимо поговорить с Александрой, иначе она рискует навсегда остаться там, где побывала сегодня. Так и передайте…

Алька не успела даже сказать, что необходимо передать Александре, потому как из трубки на нее вылился такой поток брани, причем отъявленно-нецензурной, отвратительно гадкой и пошлой, что она вынуждена была положить трубку. И так из услышанного поняла — ничего хорошего при встрече с говорившим ей не светило.

Однако хамство неизвестного собеседника ее не только не охладило, а напротив — лишь раззадорило. Недолго думая, она созвонилась с давней знакомой Берганową:

— Ирочка, вы не поможете мне еще разок? У нас ведь с вами весьма взаимовыгодное сотрудничество получается: по вашему заказу я могу доставлять большие неприятности вашим конкурентам. А сейчас я не могу связаться с Александрой. Она сегодня кое-где побывала, и теперь мне самое время пообщаться с ней на предмет дальнейших путешествий, так какой-то козел упорно не дает мне с ней поговорить. С вами-то он не посмеет так разговаривать, вы, как-никак, коллега по цеху. Не будете ли вы столь любезны назвать ей от моего имени сумму, которую она должна выложить за свое спокойствие?

Как и предполагала Алька, Берганова взялась за посредничество с величайшей радостью. Каково же было Алькино удивление, когда через несколько минут вконец расстроенная Ирочка сообщила ей, что Александра наотрез отказывается платить.

"Ах, ты так?! Непокорная! Ну, я тебе устрою!", — думала Алька. И на следующий же день вновь отправила Александру в Зазеркалье.

14

Альбина всерьез задумалась о психическом нездоровье. Конечно, проще всего было бы думать, что это не она, а все вокруг сошли с ума. Но ведь так не бывает, чтобы все ее окружение одновременно свихнулось! Или они сговорились специально,

чтобы она поверила в свою больную голову? Только зачем? Кому это нужно? Муравичу с Риткой? А смысл? Ведь Ритка и так довольно прочно стоит на ногах. Естественно, не без поддержки Иоанна, но ее положение совсем не шаткое. Да, поет она не так, чтобы очень, и это еще мягко выражаясь. Зато Муравичу удалось раскрутить ее имя так, что на субботниках Утицкая пользуется, пожалуй, даже большим спросом, чем сама Альбина. И, если бы Варенник не удвоил, или даже не утроил усилия по поиску клиентов в последнее время, по количеству субботников Альбина бы уже явно проиграла Ритке. Однако Варенник не дремлет, и пока что Ритке не под силу спихнуть Альбину со звездного Олимпа. Так вот в чем дело! Альбина аж вздохнула успокоено: ну вот, с одной загадкой разобрались. А она-то все никак не могла понять, почему сбесился Варенник. Все билась в попытках разгадать, отчего это вдруг он стал гонять ее в хвост и в гриву, устраивая субботники чуть не ежедневно. А он, оказывается, просто заботится о ней, ну и, естественно, о себе самом. Ведь, отдай они лидерство Утицкой — проиграют оба. И в известности, и, как следствие, в деньгах. Рейтинг необходимо поддерживать любыми путями. Прав Варенник, на все сто прав. Так что она должна ему в ножки кланяться за заботу, а не обижаться за повышенную эксплуатацию.

А чем объяснить странное поведение Люси? Каждый раз смотрит на нее непонимающе, все время удивляется частой смене нарядов. И все время наряды называет такие, каких Альбина отродясь не носила. То начинает нести полнейшую ахинею, будто бы Альбина водит домой каких-то странных людей, не всегда благопристойного вида, закрывается с ними в спальне на несколько минут, потом сама уходит, а гостей оставляет в спальне, причем, строго-настрого запрещая Люсе входить туда. И если поведение Варенника объясняется вполне логично, то Люсин вздор понять просто невозможно. Единственное приемлемое объяснение: рехнулась баба от причастности к звездному закулисью. Однако ее умопомрачение каким-то странным образом совпало с остальными непонятностями.

Странно ведет себя Иоанн, без конца напоминая ей о каком-то мифическом обеде. И все время пытается уговорить ее вернуться к нему. Только зачем он ей теперь нужен, "невкусный" в постели, бесперспективный в шоу-бизнесе и к тому же сумасшедший? Пусть уже, наконец, уходит управлять своим домом, а их с Утицким оставит в покое.

Утицкий… Сердечко сладко заныло. Дорогой, любимый, самый родной человек на свете. Но и он упорно продолжает издеваться над Альбиной. И почему-то практически перестал

встречаться с нею в той маленькой квартирке. А ведь именно встречи на той территории были самыми сладкими, самыми восхитительными! В других местах почему-то получается уже не так здорово. Наверное, он просто боится быть застуканным Риткой. Ну тогда пусть бы они встречались именно в том доме, если только там он может спокойно расслабиться. Так ведь нет, упорно играет в непонимание, когда Альбина просит его встретиться там. Обиднее всего, что он по-прежнему периодически отправляет ее в ту квартиру каким-то одному ему известным способом, а сам не является. Подержит ее там пару часиков, помучает ожиданием счастливой встречи, а потом она вновь оказывается где угодно, только не там, где бы ей хотелось быть каждую минуточку своей жизни. Ну когда, когда же Муравич, наконец, оставит шоу-бизнес и переквалифицируется в управдомы? Когда уже Утицкий сможет открыто встречаться с нею?!!

И, в очередной раз встретившись с Утицким в своей квартире, Альбина не выдержала и потребовала от любимого объяснений:

— Саш, я, конечно, тебя безумно люблю, и согласна ждать хоть всю жизнь, но я не могу ждать тебя в полном неведении. Ты хотя бы поделись со мной планами, скажи мне, сколько я должна ждать и на что конкретно могу рассчитывать. Я не хочу быть вечной любовницей, я хочу быть твоей законной женой. А иначе получается — Ритке все, а мне ничего. Она у меня мужа увела, увела и любовника. Того и гляди, займет мое место на сцене. А я остаюсь у разбитого корыта. Я хочу знать, когда Иоанн покинет бизнес и уйдет управлять своим таинственным домом. Я хочу знать, когда ты официально займешь его место в бизнесе. Я хочу знать, когда ты расскажешь Ритке обо мне. И когда, наконец, мы сможем пожениться официально. Я не принуждаю тебя к женитьбе немедленно, но я требую ответа на поставленные вопросы. И главный из них: КОГДА?

Утицкий недовольно поморщился:

— Ну вот, Альбина, опять ты начинаешь. Ну ведь все и так хорошо. Нам с тобой так здорово в постели, зачем ты все усложняешь? Ну откуда я знаю, когда Муравич уйдет из шоу-бизнеса? Я вообще слышал об этом только от тебя. Ты же знаешь, мы с ним практически не общаемся. Так, выпивали пару раз, когда я на Ритке женился, а он на тебе. Вы же с Риткой когда-то были подругами. А мы с Муравичем друзьями и не были никогда. С чего ты взяла, что он передаст мне бразды правления? И чего вдруг он должен уходить из шоу-бизнеса? Ну глупость же, ей Богу. Альбина, ну как ты сама не понимаешь, что несешь полную чушь?

Альбина аж захлебнулась от негодования:

— А, так это я несу чушь? Я?!! И не ты говорил мне, что Иоанн меняет профессию, что переквалифицируется в управдомы?! И слово это я тоже сама придумала? Да я его с трудом произношу, я его до тебя слышала-то всего пару раз, а сама никогда не говорила. Скажи еще, что я все это сама придумала, что не было того разговора на кухне, когда ты разбил яйца и вознамерился продемонстрировать мне, что это такое! И что не "лечил" меня ночи напролет! Если хочешь знать, тот секс был лучшим в наших с тобой отношениях! И объясни, пожалуйста, почему мы больше не встречаемся в том доме? Почему ты ведешь меня туда, где не можешь расслабиться и представляешь из себя лишь бледную копию того Утицкого, каким ты бываешь в той квартире?!

Теперь возмутился Утицкий:

— Что? Это я — бледная копия? Причем, бледная копия самого себя?! Я давно подозревал, что у тебя с головой большие проблемы, просто говорить не хотел, был уверен, сама знаешь. Да чтобы я из-за тебя развелся с Риткой? Она, может, и шлюха, а ты чем лучше? Она с Иоанном спит сугубо ради карьеры, а ты? Что ты рассчитывала получить от меня? Фамилию? Да никогда, мне одной Утицкой достаточно! Думаешь, мне приятно в каждой газете читать отзывы клиентов о ее "работе"? С меня Ритки хватит, еще не хватало вторую такую же шалаву в дом привести! Все вы шлюхи! Одно дело — иметь тебя на халяву, прикоснуться, так сказать, к звездному телу, "приобщиться к миру прекрасного", и совсем другое — иметь тебя в роли жены. Я от одной шлюхи устал, на хрена мне вторая? Да еще и сумасшедшая?! Ты ж несешь такую ахинею, что слушать стыдно, ей Богу! И постоянно говоришь о каком-то странном доме. Наверное, ты имеешь в виду дурдом? Уж не там ли мы с тобой были счастливы? Только прости, должен тебя разочаровать: я тебе пригрезился, потому что в дурдоме никогда не жил. А вот твое место, похоже, именно там. И ведь еще подробности какие-то придумала! И "переквалификация", кстати, не является словом из моего лексикона! И "управдома" я впервые услышал от тебя. Дура ненормальная, а меня обвиняешь во всем. Это ты — бледная копия. А я — гений. По крайней мере, в постели.

***

Долго плакала Альбина после выяснения отношений с Утицким. Она ж его так любила, а он, подлец, насмеялся над несчастной. Мало того, что шлюхой обозвал за любовь ее самозабвенную, так еще и обвинил в умственном нездоровье. Но

ведь сам же говорил, что Иоанн меняет профессию! Сам же переносил ее непостижимым образом в тот восхитительный мир, где они были только вдвоем! А теперь предал ее, оскорбил до глубины души. И оказывается, Иоанн вовсе не собирается покидать шоу-бизнес! А она-то, она сама, можно сказать, своими руками отталкивала его от себя, когда он хотел взять ее обратно под свое крылышко!

— Люся! Немедленно позвони Иоанну Ильичу, попроси его прийти как можно скорее!

На удивление, Муравич примчался по зову экс-супруги уже через сорок минут. Альбина бросилась в его объятия со слезами:

— Иоанн, милый, родной, любимый! Не могу без тебя! Я так долго держалась, я так старалась научиться жить без тебя, разлюбить и забыть твое предательство, как страшный сон. Но я не умею не думать о тебе! Я стараюсь, стараюсь, а у меня ничего не выходит! Что мне делать? У тебя есть Утицкая, а я совсем одна. Иоанн, милый, мне так плохо без тебя, я так соскучилась, сил моих больше нет терпеть такую жизнь. Зачем она мне, если тебя нет рядом?!!

Монолог ее звучал несколько фальшиво, по крайней мере, преувеличенно слащаво, однако Иоанн то ли не заметил неискренности, то ли предпочел не заметить. По крайней мере, радость на его лице, вопреки обыкновению, читалась откровенно. И, нацеловавшись вдоволь, он ответил:

— Ну наконец-то ты наигралась! Как я устал ждать тебя! Ты же знаешь, как я тебя люблю! Только прошу тебя, перестань изображать из себя фригидную женщину. Я больше этого не вынесу, — и, подхватив Альбину на руки, понес ее в спальню, немало не смущаясь осуждающего Люсиного взгляда.

15

Алька обдумывала сложившееся положение, лежа на стареньком диване в теперь уже ее личной квартире. Таракан об этой квартире уже и не вспоминал, словно и не жил здесь практически всю свою жизнь. Алька же ездила сюда, как на работу. Только за Сашкой закрывалась дверь, как она тут же подхватывалась и бежала сюда, в свое тайное убежище. Она не могла оставить зеркало без присмотра хотя бы на день. Мало ли, вдруг кому в голову взбредет влезть в чужую квартиру? Или вдруг Альбина там у себя обнаружит проход? Кстати, об Альбине. Неужели она его до сих пор не обнаружила? Как же так получается, что до сих пор в Зазеркалье Алька оказывалась только по своему личному желанию? Или по необходимости. По крайней мере, каждый раз она оказывалась в чужом мире сугубо

по собственной воле. Неужели Альбина так и не заметила, что происходит с зеркалом под воздействием прямых солнечных лучей?

От мыслей об Альбине ее отвлек резкий звонок в дверь. Алька поморщилась: сколько раз просила Таракана поменять звонок! Ведь так и заикой остаться можно.

На пороге стоял… Муравич. Собственной персоной. Причем — Алька сразу поняла — не Иоанн, а самый что ни на есть Иван, тот самый Ванька, который совсем не кавказец,

а виолончелист. Вот это новости! Ему-то чего здесь надо? Он здесь отродясь не бывал!

— Добрый день, — приятным баритоном, так не соответствовавшим его очень среднему росточку, произнес Муравич. — Аля, я хотел бы поговорить с Сашей. Ты позволишь мне пройти?

И, не дожидаясь приглашения, нагло протиснулся между приоткрытой дверью и Алькой, стоявшей прямо в проходе. При этом практически проехался своею грудью по Алькиной, весьма аппетитно выставленной вперед. Наглое прикосновение оказалось довольно приятным, хотя факт, что к ней прикоснулся не кто-нибудь, а Муравич, доставил моральное содрогание: фу, мурло, и ты туда же!

В квартире Муравич огляделся, после чего с удивлением уставился на Альку, словно видел ее впервые:

— А что это у вас такая обстановочка скромная? Один диван, и тот обшарпанный какой-то. И где Утицкий?

— Утицкий на работе. И странно, что ты этого не знаешь. Ты, между прочим, тоже должен бы там быть. И вообще мы здесь больше не живем — мы переехали.

Насчет "переехали" Муравич проглотил без комментариев, зато по поводу первого замечания криво усмехнулся:

— Вообще-то сегодня выходной. Причем общий для всех составов. Я потому и ищу его дома.

И такая наглая была на его физиономии ухмылка, такая грязная: мол, я знаю, на какой он сейчас "работе", что Альке стало откровенно не по себе. И ревность холодным клинком вонзилась в сердце: как, он, мерзавец, завел себе кого-то на стороне? Ему мало Альки, ему мало Альбины, которую Алька вынуждена была терпеть, так как без ее участия в их семье уже было не обойтись, так он завел себе еще какую-то подружку?! А Ванька пялился на нее так откровенно, так недвусмысленно уткнулся жирными липкими глазами в ее грудь, что Альку передернуло от отвращения:

— Спасибо за сообщение, приму к сведению. Еще что-то?

— Да в принципе ничего. Жалко просто тебя. Такая баба видная, а терпишь его выходки. Скажи, а у тебя никогда не возникало желания ему отомстить?

Алька гордо вскинула голову и тряхнула шелком волос:

— Ну не с тобой же!

— А почему нет? — и, не дожидаясь ответа, мелкий Муравич сгреб Альку в охапку и потащил на диван. — Ведь тут зачем-то остался диван? Чего мебели без дела пропадать?

Алька билась в его руках, пытаясь вырваться из цепких объятий, но все ее усилия были тщетны: Муравич, такой невзрачный и тщедушный с виду, на самом деле оказался весьма крепким. По крайней мере, он так и не выпустил Альку из железных объятий, несмотря на все ее брыкания. Лишь приговаривал:

— Тише, тише, не буянь. Ну не убудет же от тебя. Утицкий сейчас тоже с кем-то кувыркается, так тебе хоть не так обидно будет. Отомстишь ему пару раз, глядишь, и полегчает на сердце…

А сам, подлец, уже задрал шифоновую юбчонку, уже раздвинул Алькины ноги коленями… Алька билась под ним, как рыба на крючке, хотела оттолкнуть насильника ногами, да они ни во что не упирались, болтались бессмысленно за спиной Муравича.

— Пусти, пусти, гад! Не смей, урод! Пошел вон, мерзавец! Отпусти, прекрати!!!

***

Ванька с довольной рожей застегивал штаны:

— Теперь я понимаю, зачем он тебя в Москву привез. Да, оно того стоило. Кстати, Утицкий действительно на репетиции, это наш состав выходной. Просто мне почему-то до чертиков захотелось тебя увидеть. Даже не столько увидеть, сколько… Ну, сама понимаешь. Сам удивляюсь — я ведь тебя практически не знаю, не могу сказать, чтобы ты мне особенно нравилась. Однако, поди ж ты — приспичило так, что дышать не мог. Вообще-то я не жалею. Но если обидел тебя — прости, не хотел.

— Ага, ты просто хотел меня трахнуть, а обижать и в мыслях не было. Пошел вон, козел!

— Ты, детка, полегче на поворотах. Скажи спасибо, что я не урка, а то пришлось бы за "козла" отвечать…

— Даже урки так не поступают! Он мне еще угрожать будет, мурло поганое! Пошел на хрен отсюда, а то на нары отправлю, сам уркой станешь. Или нет, не уркой, козлом. Или петухом? Короче, козел, вали отсюда!

А "козел" и не думал задерживаться — мавр сделал свое дело, мавр может уходить. А Алька лежала на диване и плакала от обиды. От одного Муравича она получила не меньшее унижение, чем от тех пятерых, на "субботнике". И если там была сугубо

"работа" и ничего личного, просто она случайно вынуждена была заменить собою настоящую Альбину, то здесь было изнасилование чистой воды. И кто?! Муравич! Этот урод, недоносок! Они с ним практически незнакомы, а он вот так нагло ворвался в ее жизнь, и изнасиловал! Стоп! Стоп! Нагло ворвался? Ни с того, ни с сего? А может, это как раз не случайность, а закономерность? И может, странно не то, что ее изнасиловал Муравич, а что произошло это только теперь? Как он сказал? "До чертиков захотелось тебя увидеть, приспичило так, что дышать не мог"? Это что же такое происходит, а? Граждане-товарищи! Это ж он ее не только изнасиловал, он же ее обрюхатил!!! Это ж ни что иное, как закон сохранения энергии в чистом виде! Значит, в ту же самую минуту Альбина зачала в себе дитя от Иоанна! Вот почему Муравичу приспичило так, что "дышать не мог"!

Альке стало дурно. Обида на Муравича прошла. Он, конечно, козел, но он действительно не виноват. Просто в ту же секунду в другом мире другой Муравич любил другую Альбину, и от той любви непременно должно было зародиться дитя. А потому у здешних Муравича с Алькой никто не спрашивал, хотят ли они быть вместе. И тем более никто не поинтересовался их мнением, нужен ли им плод такой "любви". Ваньке что? Он теперь к Альке ни малейшего отношения не имеет. Ему проще: сделал дело, смог дышать нормально и пошел по своим делам, жить своею жизнью. А Альке теперь расхлебывать? Альбина, видимо, решила вернуться к Муравичу, или он решил ее вернуть, в общем, им теперь хорошо вместе, а Алька как же? И как она объяснит свое брюхо Утицкому?

Ну, допустим, объяснить это будет несложно. Таракан, пожалуй, даже обрадуется такому известию. Однако, когда малыш появится на свет, он наверняка не будет похож ни на белобрысую Альку, ни на рыжего Таракана. Как она сможет объяснить Сашке, почему их ребенок — абсолютный брюнет? Да и не хочет она ребенка! Ни от Утицкого, ни от Муравича, ни от Варенника или еще кого бы то ни было. Кстати, о Вареннике. Это что же, если бы Альбине вздумалось залететь от Сала, то и Альку изнасиловал бы его двойник?! Еще лучше! Нет, что-то у них там, наверху, явно недоработано…

16

Александра определенно срывалась с Алькиного крючка. Вот и второе путешествие в Зазеркалье оказалось безрезультатным. Опять напрасно Алька просидела два часа в машине под домом Седаковых. Как и в первый раз, не произошло ровным счетом ничего. Но сдаваться Алька не была намерена: как это, она что

же, зря столько времени потратила на Мальвинину, чтобы отпустить ее вот так, без копейки? Практически за одно большое человеческое спасибо?

Ирина Берганова с удовольствием подключилась к игре. Похоже, ей совсем не было жаль потерянных десяти тысяч. И даже за пробежку голышом по Зазеркалью она не держала на Альку обиды. Зато подстраивать подлянки коллегам по цеху ей доставляло немыслимое удовольствие. А потому помогала она Альке совершенно бескорыстно, на, так сказать, добровольной основе. И Алька уже не скрывала от нее свои координаты, не опасаясь отмщения оскорбленной звезды. Так что после второго путешествия Александры Берганова сама вызвалась быть посредницей.

В трубке раздавался весьма огорченный голос Бергановой:

— Знаешь, Алька, я уже ничего не понимаю. Похоже, ей там понравилось. Она категорически отказывается платить за то, чтобы ты оставила ее в покое. Я думаю, тебе надо самой с ней пообщаться — что-то она явно недоговаривает…

— Ну ясное дело, это было бы очень даже неплохо. Только как это осуществить? Там всегда берет трубку какой-то козел, который упорно обещает повыдергивать мои ноженьки. А с Александрой, гад, не соединяет.

— Так давай я дам ей твой номер, она сама выйдет с тобой на связь.

— Ну конечно, — возразила Алька. — А вместо нее на связь выйдет тот урод, вычислит по номеру телефона адрес и на самом деле повыдергивает мне задние конечности! Нет, так не получится. Нужно еще что-то придумать…

Берганова задумалась на несколько мгновений, потом предложила:

— Тогда приезжай ко мне. Я позвоню ей от себя. Трубку, естественно, возьмет Мальвинин, но меня-то он знает, а потому не станет возражать, чтобы Александра взяла трубку. А потом к разговору подключишься ты.

На том и порешили. В тот же вечер Алька была у Бергановой. На удивление, та принимала ее весьма гостеприимно. То ли ей на самом деле доставляло невероятное удовольствие подкладывать свинью коллегам-соперницам, то ли всерьез опасалась, как бы Алька, поиздержавшись, вновь не отправила ее к тому алкашу Труханову. Так или иначе, а Ирина была сама гостеприимность:

— Ах, Алечка, я так рада тебя видеть! Чай, кофе, коньячок? Только я пить не буду, а то мне потом сложно остановиться.

Алька хотела было попросить рюмочку коньяку для уверенности в голосе, да вовремя вспомнила о том, что она нынче

не одна: ей теперь нужно заботится еще об одной жизни. И, хоть воспоминания о близости с Муравичем доставляли массу неприятных ощущений, что делать с нынешним ее положением, она еще не решила. А потому остановила свой выбор на апельсиновом соке. Кисленькое ей сейчас будет в самый раз.

Берганова набрала знакомый номер и начала разговор:

— Здравствуйте, Валерий Борисыч! Берганова беспокоит. Не могли бы Вы мне Александру кликнуть? Хочу кое-что с ней обсудить. Что? Ах, какой Вы, Валерий Борисыч, шутник! Ну какие могут быть свидания в нашем с Александрой возрасте! Да и поклонников у нас общих нет. Вы же знаете, мы работаем в разных жанрах. Просто хочу к ее визажисту перейти, мой что-то выдохся, я в нем разочаровалась. Так могу я с ней поговорить, или все переговоры только через Вас?

Мальвинин, наконец, убедился в том, что с этой стороны на его супругу никто не посягает, и передал трубку Александре. Берганова лишь поздоровалась с ней сюсюкающее-фальшиво и тут же передала трубку Альке.

— Здравствуйте, Александра. Никак не удавалось с Вами пообщаться. У меня к Вам интересное предложение, надеюсь, оно Вам понравится. Вам удобно говорить или нас слушают?

— Удобно, говорите.

— Как Вам понравились маленькие путешествия в мир иной?

Недолгая пауза и сдержанный ответ:

— Спасибо, ничего.

Алька опешила. Нормальный ответ! И как ей после этого требовать денег?

— Я не поняла, Вам действительно понравилось?!

— Да. Это было весьма забавно.

— То есть? Вы хотите сказать, что не будете возражать, если окажетесь там еще раз?

— Буду.

— Не могли бы Вы выражаться ясней? Или нас все-таки слушают?

— Нет-нет, успокойтесь, нас никто не слушает. Мой муж убедился, что звонит не мужчина, больше его ничего не интересует, так что мы можем разговаривать спокойно.

Алька все больше запутывалась. Александра явно не была склонна платить деньги, чтобы путешествия в Зазеркалье прекратились. Однако ей однозначно был интересен разговор, по крайней мере, сворачивать его она не собиралась.

— Александра, выражайтесь яснее: Вы хотите еще раз отправиться в путешествие или это Вам было бы неприятно?

— Я бы предпочла отправиться туда. Только меня не

устраивает столь краткосрочный визит.

Оппаньки… Вот тут Алька совсем обалдела. Надо же, человеку понравилось путешествовать!

— Простите, я правильно поняла? Вы не собираетесь платить за то, что бы я оставила Вас в покое?

— Однозначно. Вы не получите ни копейки, если оставите меня в покое.

Манера общения Александры начала не на шутку раздражать Альку. Ну что за человек? Ну скажи ты нормальным русским языком, что тебе нужно! Однако не успела высказать свое возмущение вслух, как Александра продолжила:

— Я бы хотела с Вами встретиться.

Ну конечно, нашла дурочку! Приведет с собой Мальвинина, тот оторвет Альке голову и некоторые другие конечности, и с бизнесом будет покончено!

— Это совершенно исключено. Я не встречаюсь с клиентами.

Александра поколебалась мгновение, потом предложила:

— Тогда давайте встретимся на нейтральной территории.

— Я же сказала — я не встречаюсь с клиентами, — повторила Алька.

— Хорошо. Тогда назовите сумму, сколько будет стоить билет в одну сторону?

— Что? — Алька не верила собственным ушам.

— Вы слышали. Меня не устроит еще одно путешествие. И два, и три. Меня вообще не устраивают экскурсии. Я интересуюсь только ПМЖ.

— Чего-чего?

— ПМЖ, постоянное место жительства. Эмиграция, если хотите. Назовите сумму, сколько мне будет стоить эмиграция.

— Так Вы хотите там остаться навсегда? — дошло наконец-то до Альки.

— Господи, наконец-то Вы поняли! Да, я согласна хорошо заплатить, но только за ПМЖ!

***

Да, такого поворота событий Алька не предполагала. Как быть? Оставить Александру в покое и расстаться с надеждой получить вознаграждение за свои услуги? Получается, она напрасно работала, теряла с нею время, да еще и платила каждый раз Марьяновне по пятьдесят баксов? Одни сплошные убытки! А если устроить ей ПМЖ? Что будет? Какие последствия в мире произойдут от перемены мест слагаемых?

Если прибегнуть к логике, получается, что катастрофа миру от такого перемещения явно не угрожает. Ведь Алька сама пять

дней подряд прожила в Зазеркалье, и что страшного случилось? Ну подумаешь, ей пришлось отработать субботник за Альбину, но мир-то не рухнул! Ведь кроме них с Альбиной никто и не почувствовал разницы. Так почему бы не предоставить Александре такую услугу? Если она, конечно, заплатит соответствующую сумму.

А как же вторая Александра, то есть Валентина? Понравятся ли ей такие перемены в жизни? А кого, собственно, интересует ее мнение? Кто платит, тот и заказывает музыку. И Алька, прикинув, сколько можно потребовать за полную эмиграцию при цене двухчасового путешествия в двадцать тысяч долларов, с вызовом ответила:

— Двести тысяч у.е. и ни центом меньше!

***

Александра согласилась с такой суммой. Однако лично у нее таких денег не было. Вернее, у нее вообще никаких денег не было, так как все финансы были сосредоточены в руках Мальвинина. Даже гонорары за концерты никогда не попадали в руки Александры даже на минуту. Она была бесправна и безденежна, как осужденный к пожизненному заключению. Надо было найти способ, как ей добраться до семейной казны.

Перво-наперво следовало избавиться от постоянного присутствия Мальвинина рядом с Александрой. Как раз этот пункт программы не представлял особого труда: Алька, как обычно, сгоняла в Зазеркалье, навела справки через Вопросник и очень быстро узнала, где можно обнаружить Мальвинина Валерия Борисовича.

(Альбина в это время, естественно, оказалась в Алькиной осиротевшей квартире. Зрелище ее глазам предстало довольно печальное — привычная уже обстановка изменилась не в лучшую сторону: и без того не супернавороченная квартирка нынче представляла почему-то и вовсе ужасающее зрелище. Мало того, что куда-то пропала практически вся мебель, так еще и с окон исчезли занавески, сделав квартиру невыносимо похожей на казарму. Лишь одинокий старенький диванчик тосковал у стены, да рядом с ним, прямо на полу, примостился странный телефонный аппарат. И, конечно же, сам Утицкий, в очередной раз отправивший ее в этот странный дом каким-то одному ему ведомым способом, отсутствовал напрочь. Однако не успела Альбина как следует возмутиться по этому поводу, как снова оказалась в своей квартире. Чудеса, да и только!)

Однако удаления Мальвинина с поля военных действий было недостаточно: исчезнет хозяин, но останутся его верные псы. Да и

без требования самого Мальвинина казна перед ними не откроется. Ведь именно хозяин должен произнести заветное "Сим-сим". Значит, Мальвинина следовало не удалить, а заменить. А кем его еще можно было заменить, как ни двойником из Зазеркалья? Вот только как объяснить другому Мальвинину, куда он попал? И как заставить делать то, что нужно Александре, а значит и Альке?

Пришлось Альке опять отправляться в мир иной и изображать из себя "звезду". В ее мире Мальвинин был личностью раскрученной и его физиономия уже некоторым образом успела ей порядком поднадоесть. Здесь же ей предстояло узнать, так сказать, "по морде лица" его двойника. По обыкновению, Алька дожидалась его в машине под домом местного Мальвинина. И чуть было не упустила его. Мимо продефилировал патлатый хмырь, довольно неопрятно одетый. И лишь в последний момент, когда он уже входил в подъезд, Алька поняла, что это и есть Мальвинин.

В одно мгновение выскочив из машины, она подбежала к нему:

— Здравствуйте, молодой человек! Вы меня узнаете?

Мальвинин отшатнулся от неожиданности, но тут же, узнав визави, расплылся в улыбке:

— Вы же Альбина Щербакова? Конечно, я Вас узнал! Но что Вы здесь делаете?

Эх, зря Алька в свое время не пошла в артистки, ох и зря! Похоже, она умела не только петь. А еще из нее вышла бы неплохая романистка. Что она только не плела Мальвинину! И что надумала организовать новую ветвь шоу-бизнеса, организуя не коллективные субботники, а приватный "вечер выходного дня со звездой". И что видела Мальвинина несколько дней назад, проезжая мимо его дома. И как безумно он ей понравился. И как решила, что, уж если пробовать с кем-то новую шоу-программу, то только с этим симпатичным молодым человеком. И что ему, как первооткрывателю этого течения, все удовольствия достанутся совершенно даром. И, если он ей понравится, "вечер выходного дня" может плавненько растянуться на целую неделю. А если очень понравится, глядишь, и на месяц. А уж если совсем…

Короче, пошел за ней Мальвинин, как теленок на веревочке. И беспрекословно позволил завязать глаза в спальне Альбины Щербаковой, и послушно поднимал ноги по Алькиной команде, перешагивая через зеркальный порог. А Алька, вопреки привычным действиям, долго не позволяла ему снять повязку, ведь этого гостя у Марьяновны не оставишь — не на пару часов

привела его в свой мир. И похоже, нянчиться с ним ей придется самостоятельно.

Первым делом Алька привела его в парикмахерскую. Как ни крути, а прежде всего его следовало избавить от длинных волос, ведь настоящий, вернее, здешний Мальвинин всегда носил короткую стрижку. Второго же Мальвинина пришлось долго уговаривать избавиться от его гордости. Пришлось даже намекнуть на возможные суперблизкие отношения…

После парикмахерской Мальвинина переодели в костюм, предоставленный Александрой. Ведь в том мотлохе, в котором Алька его обнаружила, его ни в коем случае нельзя было выдавать за здешнего Мальвинина. Теперь, приведя гостя к внешнему сходству с известным продюсером, необходимо было заставить его сыграть роль. И от этого зависело очень многое.

Александра благоразумно закрылась в своей комнате, с утра сославшись на нездоровье. Алька с Мальвининым подъехали к шикарному особняку на берегу Истры на такси. В машине Алька наплела спутнику очередную историю о том, что сейчас они попадут на съемочную площадку, где ему предстоит сыграть роль очень богатого человека. И что съемки ведутся скрытой камерой, а потому все должно быть максимально приближено к жизни. А съемки в кино — неизменный атрибут программы "выходного дня".

Суть дела Алька обрисовала лишь вкратце, предоставив "артисту" импровизировать. Однако и Мальвинин оказался весьма способным актером. Как он вошел в роль барина! Как убедительно изображал богатенького буратинку, приведшего в дом, практически на глазах жены, любовницу! Правда, войдя в дом, остановился, как вкопанный, уставившись удивленным взглядом на огромный портрет Александры, висевший над камином. Как долго пытался сообразить, кого же напоминает ему этот портрет, а, сообразив, понял, что уж Валентина, его настоящая многолетняя любовница, аж никак не могла оказаться на шикарном портрете, да еще и в кино. Мордой не вышла. Да, весьма похожа, но его Валя не блондинка с водянистыми глазами, а зеленоглазая рыжая бестия. Да, очень похожа, но не она. Да и не до нее ему сейчас, когда он оказался рядом с настоящей Альбиной Щербаковой, да снимается в кино, а потом, после съемок, наконец, осуществится его давняя мечта. Ведь он давно так хотел поучаствовать в знаменитых субботниках Щербаковой! Но денег на такое мероприятие насобирать никак не получалось. А теперь вся Щербакова будет принадлежать ему одному, и, возможно, не одну ночь. И совершенно бесплатно! Так разве он может сейчас думать о какой-то там Валентине?!

Мальвинин с Алькой с шиком пообедали, потом полежали под солнышком рядом с бассейном. Новоявленный барин даже поплескался с удовольствием, Алька же не стала рисковать макияжем. И вообще: обед и солнечные ванны вещь, конечно, интересная и довольно приятная, но разве за этим они разыгрывали этот спектакль? Главной целью было предъявить лже-Мальвинина казначею, заместителю Валерия Борисовича по финансам. Надо было заставить того раскошелиться, выдать Александре требуемую сумму в двести тысяч условных единиц.

В последний момент, когда Мальвинин уже заговорил с казначеем о срочной необходимости пополнить запас наличных, у Альки в сумочке запиликал мобильный. Увидев на маленьком мониторчике позывные Бергановой, у нее все оборвалось внутри: что-то произошло, где-то они прокололись и теперь все отменяется.

— Слушаю.

— Алька, слушай внимательно, — раздался в трубке возбужденный голос Ирины. — Мне только что звонила Александра. Она поднимает ставку до полумиллиона! Представляешь? Сама, добровольно!!! Пусть твой Мальвинин берет полмиллиона, потом поделимся!

Алька не знала, что и ответить. Естественно, больше всегда лучше, чем меньше. Но как-то это все странно. Зачем, спрашивается, клиенту самому поднимать цену за услугу?

— Можно попробовать. Только я не понимаю, зачем ей это?

— Зачем, зачем? Потом будешь вопросы задавать. Отомстить она ему хочет, вот зачем. Он, ублюдок, знаешь, как ее избивает?

— Дааа?!

Алька была ошеломлена. Так вот оно, в чем дело! Вот почему Александра попросилась на ПМЖ в Зазеркалье! Вот почему согласилась на жуткую, по Алькиным понятиям, сумму в двести тысяч долларов. Ах, ублюдок, издеваться над несчастной женщиной?! Да еще и посмел так по-хамски разговаривать с самой Алькой?

А Мальвинин уже озвучил сумму в двести тысяч и казначей встал из-за стола с намерением принести в лапках требуемые деньги. И практически вдогонку ему Алька сказала громко непререкаемым тоном:

— Стой. Двести будет мало, — и, обращаясь уже к Мальвинину, "напомнила" ему: — Валерик, а как же мой клип? А как же дом? Ведь ты обещал! А кто позаботится о нашем малыше? Ведь потом, когда твоя мегера будет рядом, ты уже не посмеешь оторвать деньги от семьи. Нет, милый, мы так не договаривались. Двести тысяч — это тебе на карманные расходы. А мне?

И, надув капризно губки, презрительно крикнула казначею:

— Слышь, ты, как тебя. Тащи миллион. Шурик у тебя и завтра сможет взять на карманные расходы, а мне такая радость редко достается. Тащи бабки, кассир. Правда, котик, — и муркнула Мальвинину прямо в ушко сладко-сладко, отчего у того в паху все аж сжалось.

Миллион так миллион, жалко, что ли? Да и, видимо, Альбина-то лучше знает сценарий, ей виднее. Ему же необходимо лишь по возможности более убедительно играть свою роль. А вечером за хорошую работу ему и награда выйдет. И, как обожравшийся сметаны кот, лениво и самоуверенно заявил казначею:

— Ну, тащи миллион, видишь — женщина просит. Как ей, такой сладкой, откажешь?

***

Гости смылись с хозяйским миллионом, и никто так и не догадался, что это были посторонние люди. Правда, после их отъезда Александра вышла из своего убежища, повозмущалась погромче, какой же Мальвинин гад и кобель, обнаглел до такой степени, что практически на ее глазах водит в дом шлюх, да еще и расплачивается с ними ее, заработанными потом и кровью, деньгами.

Альке же приходилось теперь отдуваться. День давным-давно перевалил на вторую половину, а значит, проход закрыт до утра. И куда ей теперь девать Мальвинина? И как отбрехаться от щедрых обещаний, раздаваемых ею налево и направо ради достижения цели? И куда его вести на ночь? Не в ее же скромную квартирку с ободранным диваном. Но и к Утицкому она его не приведет. Утицкий! Она же не может не появиться дома на ночь! Конечно, ей доводилось периодически отсутствовать ночью, но в таких случаях ее успешно заменяла Альбина. Теперь же все наоборот. Но не может же она бросить Мальвинина на произвол судьбы? И в Зазеркалье не отправишь до утра, и в дом на Истре. Ведь Алька не сможет быть рядом с ним, а без нее он, того и гляди, проколется где-нибудь, и охранники поймут, что он не тот Мальвинин, за которого себя выдает. Можно было бы его сдать на поруки Александре, но кто знает, какой номер он выкинет, узнав в ней свою любовницу Валентину? Нет, так не пойдет. Но что же ей с ним делать? Конечно, она могла бы придумать какую-нибудь отговорку для Утицкого. Да хоть бы мифическую поездку к родителям в Арзамас. Но ей вовсе не хочется провести ночь с Мальвининым. Даже если она сможет устоять против его настойчивости и не позволит ему переступить границу

дозволенного, все равно в таком общении она находила очень мало приятного. Что же предпринять? К кому обратиться за помощью?

Александра отпадала, Марьяновна тем более. Кому еще Алька могла доверить Мальвинина? И рука сама потянулась к телефону.

— Ир, все прошло самым замечательным образом. Вот только теперь нам некуда деваться. Что, если мы сейчас нагрянем к тебе в гости?

Ах, какая она молодец! И себя от излишних хлопот избавила, и Бергановой приятное сделает. Всякому известно, как она это дело любит. Мальвинин, правда, обидится, да Альке с ним детей не крестить. Да и не нужен он ей больше, по большому-то счету. К тому же, она выполнит свое обещание. Она ведь обещала ему "вечер выходного дня со звездой", вот он и проведет его с самой что ни на есть настоящей эстрадной звездой. Только из другого мира, но ведь это уже такие мелочи, правда?

***

Вот так, медленно и сначала незаметно, подбирается к человеку старость. Еще вчера молодой и здоровый, а сегодня — бах, и все кругом поплыло. И ведь ничего не предвещало беды, ничего не болело. А потом — раз, и… где это он?

Мальвинин оглянулся. Во бля. Только что кувыркался с очередной кандидаткой в "звезды", наслаждался молодым телом, а теперь вдруг оказался в какой-то жалкой конуре. Что вообще происходит?!

Не успел он оглянуться, как услышал шорох в соседней комнате. Пошел на звук в надежде разобраться с тем, что же с ним произошло и куда делось молодое восхитительное "мясо"? Какая падла посмела отнять?!!

— Ну наконец-то, милый, я уже разволновалась. Все жду тебя, а ты не идешь и не идешь. А время проходит, и кто знает, когда еще я смогу вырваться к тебе?

Голос был знаком до боли, и дорог, и противен одновременно. Но шел он в такой ярый диссонанс с внешностью его обладательницы, что Мальвинин не сдержался:

— Ты чё, бля, с собой сделала? Тебе, паскуда, кто позволил эту самодеятельность?

Лицо Валентины, только что радостно-безмятежное, мгновенно превратилось в ледышку:

— Ты что себе позволяешь? Это ты с кем так разговариваешь?!

Мальвинин начал терять над собой контроль. Да и немудрено

— мало того, что эта дрянь посмела ослушаться его, так она еще возмущается, гадюка!

— Сколько раз я тебе говорил: тень, знай свое место! Кто тебе разрешил рот открыть?! Кто тебе позволил менять внешность? Да я тебя, суку, приду…

Договорить он не успел, так как резкий короткий удар под дых перекрыл доступ кислорода к легким и Мальвинин, как выброшенная на берег огромная рыбина, хватал воздух открытым ртом и никак не мог проглотить. Скрючился вопросительным знаком и смотрел удивленным взглядом снизу на вышедшую вдруг из-под контроля супругу.

Валентина же, тряхнув рыжими кудрями, обратила взор на безукоризненный маникюр. Ногти были длинными и узкими, окрашенными ярко-красным лаком. Мальвинин терпеть не мог длинные ногти и никогда не позволял Александре их отращивать, а уж тем более красить ярким лаком. Он всегда настаивал на том, что лишь проститутки могут позволить себе такое безобразие на руках. Однако сейчас, задыхаясь без воздуха, он вдруг испытал небывалый кайф, глядя на узкие, словно маленькие стилеты, ногти. Такой опасностью от них веяло, а возбуждающе-красный цвет лишь усугублял эту опасность, и Мальвинин вдруг отчего-то явственно представил, как эти ногти будут сейчас царапать его спину, а после вырвут из груди его сердце и оно будет трепыхаться, зажатое между этими хищными стилетами, и уже сложно будет понять, где яркий блестящий лак, а где — его алая артериальная кровь, стекающая по тонким и нежным пальцам Александры. И, едва живой, он согнулся в конвульсиях сладострастия. Никогда, никогда еще ему не доводилось испытать такого кайфа рядом с супругой!

— О, девочка моя, — рухнул он на колени и по-собачьи пополз к ней. — Ты превзошла себя! Как ты чувствуешь, чего я хочу! Я и сам не знал этого, а ты почувствовала! Иди ко мне, малышка, иди к своему хозяину, моя маленькая Александра!

— Э, парниша, как у тебя все плохо. Тебе, мудаку, меня одной не хватает? Хозяин, мать твою. Я тебе устрою хозяина! Завел себе Александру? Уж не она ли посоветовала состричь шикарные волосья? Меня ты не слушал, мое мнение тебя мало интересовало, а какая-то Александра добилась того, что мне оказалось не по силам? Ах ты, кобель!

Удар острым носком туфли пришелся опять же под дых, и Мальвинин совсем рухнул на пол. И, задыхаясь, наслаждался очередной горячей волной, растекающейся в паху. О, какое наслаждение! Хотел сказать об этом Александре, да не то что говорить, дышать не мог. Лишь глядел на нее восхищенно снизу

вверх. Когда воздух стал мало-помалу наполнять легкие и Мальвинин смог двигаться, приподнялся немного, оставаясь на коленях, и стал осыпать ноги любимой поцелуями. Начал со ступней, постепенно пробираясь все выше и выше:

— О, милая, как давно я этого хотел! Люблю тебя, всю жизнь люблю только тебя. А все шлюхи — это так, чтобы ты ревновала. А ты всегда такая холодная. Девочка моя, как же я тебя люблю!..

Шелк платья облепил его голову, и говорить дальше Мальвинину было неудобно. Да и не смог бы — занят был…

***

Александра благополучно отбыла на ПМЖ в Зазеркалье. На Альку произвело неизгладимое впечатление то, как она восприняла "небольшую" Алькину импровизацию на счет суммы вознаграждения за посредничество. Вместо того, чтобы возмутиться Алькиной жадностью, она только радостно расхохоталась и отказалась принять свою долю из миллиона: мол, теперь ей это ни к чему, там, в другом мире, другие деньги и наши не имеют никакой ценности. С этим доводом трудно было не согласится, и Алька поделилась деньгами только с Бергановой. Отвалила ей с барского плеча первоначальную сумму, то есть двести тысяч. Ирочка была счастлива.

— Ты знаешь, Алька, я ведь не за деньги стараюсь, но мне приятно, что ты ценишь мою помощь. Хотя, честно говоря, за такое удовольствие еще я тебе должна была бы приплатить.

— Это ты о чем?

Берганова слегка зарделась, потом отбросила в сторону ложную скромность:

— Ну как же, ты мне такого мужичка подкинула. Ты знаешь, я ведь уже давно на Мальвинина поглядывала, да он, козел, все больше по части малолеток специализируется. А у меня, ты знаешь, возраст, так сказать, переходный. В смысле, перехожу от одного кобеля к другому, и никак остановиться не могу. То ли в молодости не догуляла, хотя и тогда вроде не упускала возможности. Вообще-то, у меня на этот счет своя теория. Ведь в молодости мне приходилось прыгать в койку к каждому, кто мог мне помочь выбраться на сцену. Я тогда еще мало что понимала в интиме, просто знала, что так надо. Дарила наслаждение старым козлам, не думая о себе. А теперь пришло мое время. Раньше не понимала, чего это люди так много думают о сексе. А теперь, когда дело потихоньку тянется к закату, вдруг поняла, в чем прелесть жизни. А желающих разделить со мной радость секса почему-то все меньше и меньше. И за что нам, бабам, такая несправедливость? Пока молоды, привлекательны и пользуемся

спросом, ни хрена радости от секса не имеем. А как выходим в тираж — так только и давай. А их, козлов, к тому времени уж и след простыл. Вот ты мне скажи. Ты молодая, интересная девка. А как ты относишься к сексу?

Ой, как Алька не любила такие разговоры! Вернее, она не любила не столько разговоры, сколько сам секс. И точно так же, как Берганова в юности, не понимала, почему вокруг него столько шума.

— Как, как. Приблизительно как ты.

— Правда, — обрадовалась Берганова. — Так ты такая же любительница острых ощущений? Тогда почему бы нам не устроить небольшой бардельеро? Я имею ввиду…

Алька, не будь дурой, уже догадалась, что именно Ирина имела ввиду, а потому прервала ее на полуслове:

— Нет-нет, ты не поняла. Я имела ввиду: приблизительно, как ты в молодости. Не люблю я это дело. Я, наверное, фригидная.

Берганова расхохоталась:

— Ой, не смеши! Фригидная! Ты просто еще не встретила того мужика, который тебя раскочегарит. Вот попомни мое слово: появится однажды в твоей жизни мужик, и забудешь все, что было до него. И о верности мужу забудешь, и о долге материнском — обо всем на свете. Вот тогда не сможешь остановиться. Даже если мужик этот придет и уйдет. А ты потом всю жизнь будешь искать наслаждения в постели.

Алька молчала. Ну не любила она эту тему, не любила — и все тут. Неважно, с кем приходилось обсуждать эти вопросы: с мужем ли, с Варенником, или с Ириной. Да, есть в ее жизни повинность — муж. Нравится, не нравится, а делить с ним брачное ложе она обязана. С Варенником тоже вроде как обязанность выполняла. И с теми, на субботнике. Но разве можно получать кайф от обязанностей? Долг он и есть долг, его нужно просто выполнять, и никто не обязан получать от этого удовольствие.

— Ир, давай сменим тему. Ты мне лучше скажи, что мы теперь будем делать? Ты, может, к деньгам и привыкла, а мне с ними что делать? Да и как я мужу объясню, откуда у меня такие деньги?

— Ха, нашла проблему! Вот попробовала бы ты ему объяснить, как потеряла деньги, а как нашла…

— И что, по-твоему, я должна все ему рассказать про тот мир? Тогда он сразу догадается, что далеко не всегда с ним была я. Мало того, что догадается, что вместо меня имел чужую бабу, так ведь поймет, что и я, возможно, не всегда была ему верна. Ты

этого хочешь?

— Детка, то, чего хочу я, к тебе не относится никоим образом. Ты мне лучше скажи: ты теперь прекратишь деятельность своего бюро путешествий и экскурсий?

Алька лишь неуверенно пожала плечом. И правда — что ей теперь делать? Денег и так больше, чем она надеялась выручить при помощи зеркала. Да и какая от них радость, если она не может позволить себе потратить их так, как хочется? С другой стороны, жалко ведь упускать возможность. Это же такой эксклюзив, ведь ни у кого в мире больше такого нет!

— Не знаю, Ир, честное слово, даже не представляю, что мне теперь делать. Наверное, пора прикрывать контору. Но что же делать с проходом?

Берганова аж подскочила в своем кресле:

— Закрывать?! Да ты с ума сдурела! Да мы же туда всех врагов закатаем, а ты говоришь — закрывать!

— Каких врагов-то? У меня и врагов нет…

Ирина расхохоталась беззлобно:

— Это раньше их у тебя не было! Сейчас у тебя во врагах числятся Островская с Танькой Казанцевой, да Верка-Горе. Но это так, мелочи жизни, просто лекарство от скуки. А вот Мальвинин — это уже серьезный враг. Мало того, что ты лишила его любимой женщины, ты еще и "обула" его на миллион.

— А не хрен женщин беспомощных обижать! Да и как он, мерзавец, со мной разговаривал?! А ведь я ему тогда еще вообще ничего плохого не сделала. Нет, этот козел получил по заслугам…

***

А козел Мальвинин в это время наслаждался жизнью. Он плохо соображал, что произошло, но этот момент его практически не беспокоил. Подумаешь, в мгновение ока его Александра, его бесценное сокровище, молчаливая овечка переменилась, превратившись в полную свою противоположность. Теперь она стала редчайшей стервой, неподвластной мужу. Правда, иногда это его дико бесило, и он по привычке пытался строить ее по стойке смирно, да в ответ, как обычно, получал короткий удар под дых, и заваливался "отдыхать" на пол, закатывая глаза то ли от нехватки воздуха, то ли от дикого блаженства. Всю жизнь он изумлялся самому существованию садомазохизма, не верил, что можно получать удовольствие от унижений и побоев. И не догадывался при этом, что сам уже давно является садистом по отношению к Александре. Теперь же, когда она, после долгих лет терпения, взбрыкнула, оказалось, что гораздо больший кайф он

получает от роли не властного хозяина, а презренного раба. Ныне он с диким восторгом преклонялся перед Александрой, стоял перед любимой на коленях при всем честном народе. Причем, чем больше посторонних присутствовало при его унижении, тем больший кайф он получал. А уж когда ему удавалось рассердить Александру до такой степени, когда она применяла на практике свой улюбленный приемчик в виде удара под дых, валялся поверженный у ее ног в самом сладком кайфе.

С тех пор интимные связи Мальвинина с малолетками прочно и навсегда оказались в прошлом. Кто, скажите на милость, мог позволить себе так обращаться со знаменитейшим продюсером, как родная до слез супруга? Разве какая-нибудь юная шлюшка, кандидаточка в "звезды" ткнет его со всей силы носком туфли под дых? Разве обзовет "козлом патлатым" при посторонних? Конечно, сложно понять, почему его, всю жизнь предпочитающего короткие стрижки, она упорно называет именно так, да разве это так важно? Главное, что от таких унижений он получает кайф небывалый! И если раньше подобную радость он чувствовал только наедине с очередной шалавой, то теперь "торчал" на глазах изумленной публики, иногда даже перед многочисленными камерами. Сначала его лицо заливала краска стыда и гнева: мол, как же так, эта дрянь привсенародно позволяет себе так оскорблять его, самого Мальвинина! А потом самым непостижимым образом та же краска с гневом пополам с лица добиралась до паха и…….

Правда, первое время Александра отказывалась признать свой раскрученный псевдоним, упрямо настаивая на имени Валентина. Да и о сцене слышать не хотела, упорно путая почему-то сцену с панелью. Да быстро успокоилась, поняв, что никто, кроме Мальвинина, не посягает на ее звездное тело. Отказалась вернуться к прежнему внешнему виду, посылая супруга подальше всякий раз, как он требовал от нее вновь стать голубоглазой блондинкой. Пришлось запустить в средства массовой информации "мульку" о смене имиджа известной певицы. Впрочем, такая реклама только пошла на пользу им обоим.

Пострадавшим в этой истории оказался лишь казначей. Мало того, что уволен был с волчьим билетом, так еще и миллионный "хвост" на него привесили. Многому мог поверить Мальвинин, многое мог принять. Но категорически отказывался признать, что он мог вот так запросто отдать какой-то неизвестной шлюхе миллион. И куча свидетелей в виде охранников и домработницы не смогла убедить его в обратном.

Алька упорно не желала мириться со своим нынешним положением. Правда, пока что она не имела никаких доказательств беременности, даже о пресловутой задержке не могло быть и речи, ведь с момента "контакта" с Муравичем прошло всего-то пару недель. Но уверена была на двести пятьдесят процентов: неспроста Муравича на нее потянуло, ох, неспроста…

Утицкий, естественно, ни о чем не догадывался. А радовать супруга подобным известием Алька не спешила. Зачем? К чему? Ведь она и сама еще не решила, что делать с этой беременностью. Она вообще не думала пока о продолжении рода. Ну ладно, случилось бы еще забеременеть от собственного мужа — куда денешься? Пришлось бы рожать. Но от Муравича? При одной мысли об отце будущего ребенка Альку передергивало. Фу, Ванька Муравич — отец ее крошки? Это что же, ребеночек будет таким же черным, кривоногим и противным, как его случайный папаша?

Вообще-то на самом деле Муравич не был столь противным, каким его услужливо рисовало Алькино воображение. Даже странно, ведь его зазеркального двойника она воспринимала вполне нормально. Не сходила по нему с ума, конечно, но ведь даже готова была на близкие отношения, когда просилась к нему под крылышко. Правда, при этом она сравнивала его с Варенником, а потому, видимо, Иоанн и выглядел более привлекательно по сравнению с Иваном.

Мысли в Алькиной голове текли сумбурно и путано. Однако сама она прекрасно разбиралась, о ком думает в данную минуту. Она очень хорошо научилась разделять два мира, и точно так же одинаковых людей из этих миров. Вернее, одинаковых только по антропологическим меркам и метрикам, а по сути все двойники были совершенно не похожи на прототипов из Алькиного мира. Вот интересно, окажись Алька на месте Альбины, согласилась бы она родить от Иоанна? Пожалуй, да. Наверное, даже была бы почти что счастлива. Так почему же ей дурно от одной мысли, что она беременна от Ивана?

И как она будет объяснять Утицкому абсолютную непохожесть младенца на маму и папу? И как гадко будет ухмыляться в лицо Утицкому Муравич. Нет, этого никак нельзя допустить. Определенно надо кончать с этой беременностью. Может быть, никто и не спрашивал ее желания беременеть от Муравича. Зато рожать или нет — решать ей самой. И никто не сможет запретить ей прервать беременность, если она примет такое решение. А похоже, она его уже приняла. Да, определенно.

Ребенка не будет! И точка. Интересно, а что же тогда случится с беременностью Альбины? Сможет ли она родить, если Алька прервет беременность? Что за глупый вопрос! Естественно нет! Или обе рожают, или обе оплакивают несостоявшегося младенца, третьего не дано. Алька не склонна была к сантиментам: ну какая ей разница, хочет ли Альбина этого ребенка? Хочет, не хочет — ее проблемы, главное, что Альке этот ребенок не нужен.

Приняв решение, Алька вздохнула с облегчением. Конечно, в предстоящем аборте мало приятного, но что поделаешь, если это единственная возможность избежать появления на свет нежеланного ребенка? Только пока что этим заниматься рано. Ведь вся беременность у нее пока что только в голове. Ведь, пойди она сейчас к доктору за направлением на аборт, что она предъявит вместо беременности? Не станет же она рассказывать о том, как ее изнасиловал Муравич, да еще и объяснять, отчего он это сделал и что это значит. Расскажи она о том, что Муравич сделал с ней это потому, что в другом мире в этот момент другая Альбина Щербакова с другим Муравичем зачинали своего ребенка, доктор, пожалуй, вместо аборта направит ее в психушку. Ведь для того, чтобы человек поверил в эту бредятину, его необходимо отправить в Зазеркалье. Только тогда он все поймет.

А рядом с Алькой есть только один человек, с которым она запросто может говорить о Зазеркалье. Только один человек не станет смотреть на нее с жалостью, что вот мол, такая молодая, а уже головка бо-бо. Только Ира Берганова, ныне лучшая Алькина подруга, все поймет и не посмеется над глупостями. Еще бы, вот уж кому досталось в том Зазеркалье! Алька до сих пор удивлялась, что Берганова так легко перенесла то путешествие и, самое главное, не затаила обиду за перенесенные унижения. Напротив, иногда Ира сама вспоминала свое перемещение из одного мира в другой и при этом так искренне заливалась хохотом, словно веселее этого приключения в ее жизни никогда ничего не случалось.

— Ну что, подруга, какие планы? — поинтересовалась Берганова при очередной встрече. — Ничего нового не надумала?

— Ай, Ир, какие планы? — поморщилась Алька. — Мне Муравич все планы перепутал. У меня теперь одна мысль в голове — как побыстрее от беременности избавиться.

— Да ладно тебе, чего ты себя раньше времени стращаешь? Подожди, может, еще все обойдется.

— Еще скажи — само рассосется, — возмутилась Алька. — Нет же, говорю тебе, я просто чувствую, что это правда.

Берганова вздохнула. Впрочем, без особой горести:

— Ну что ж, придется делать аборт. Да не переживай ты так.

Ты, что ли, первая? Такая наша бабская доля. У нас без этого никак. Думаешь, меня миновала сия кара? Я ж тебе рассказывала, какими путями дорожку на сцену прокладывала. Я в абортарии вообще своим человеком была. Да я к твоим годам уже штук семь абортов сделала. И что? Живая! И даже вполне симпатишная. Ладно, брось нюни разводить. У меня вот тут идейка одна возникла.

— Что за идейка? — без особого энтузиазма поинтересовалась Алька. Ей сложно было перестать думать о предстоящей операции.

— Идея — высший класс! А что, если нам отправить в небольшой круиз между двумя мирами Гремухину?

Алька отшатнулась:

— Венэру Антиоховну? С ума сошла. На святое покушаешься?

Берганова с горящим взором кинулась защищать свою замечательную идею:

— Да ты что, Алька, ты сама подумай, какой кайф! Она же, зараза, настолько уверена в себе. Она ж думает, что весь мир у ее ног. Она — бог и царь российской эстрады, обнаглевшая, зажиревшая от собственной звездности баба. Ты представляешь, как ей гонор-то там обломают? Как же, царица вселенной Венэра Антиоховна Гремухина — и вдруг никто. А ты, случайно, не поинтересовалась, кто она там?

— Да ты что, и в мыслях не было! Кто ж с огнем играет? Это ж не дай Бог догадается, от кого волна пошла — в порошок сотрет. Не-е, Ир, я в такие игры не играю…

Берганова оскорбилась:

— Значит я — дерьмо собачье, с Бергановой экспериментировать можно, а Венэра — святое? Да ты прикинь, сколько ты с нее бабок снять сможешь! Это тебе не занюханный Мальвинин, это сама Гремухина! Это ж бабушка советской эстрады со всеми вытекающими обстоятельствами. Она ж, сволочь наглая, с каждого новичка имеет свой процент. Она ж, коряга престарелая, одна решает, кому быть на эстраде, кому нет. Это раньше проще было: переспал с кем нужно — и в дамках. А эта зараза… Да ты знаешь, что эта сука в закон возвела? Эти сведения в прессу не просачиваются, эта тема закрыта для обсуждений. Я только с тобой и могу об этом поговорить, и то сугубо из надежды поставить гадюку на место. Ну с мужиков она ясно каких услуг требует. Старому телу много надо, чтобы получить хоть каплю удовольствия. Однако это не освобождает кандидатов от материальных вливаний в ее пользу. А девочек-то она не любит, у нее с сексуальной ориентацией все в порядке. Еще как не любит! Она же в каждой видит потенциальную конкурентку! И мстит им

заранее. Ты думаешь, обходится только взятками? Как бы не так! Говорить такое и то противно. Слава Богу, я свою дорожку проложила еще до того, как она стала всемогущей. Теперь эта старая калоша находит для каждой кандидатки мужичка погрязнее да повонючее, в идеале — бомжа подзаборного, и наслаждается зрелищем, как мерзкое мурло насилует хорошенькую молоденькую девчушку. Ой, поверь мне: там столько грязи — просто рассказывать противно. Язык не поворачивается, честное слово. А ты ж у нас в некотором роде Робин Гуд. Вон как за Александру заступилась, когда узнала, как над ней Мальвинин измывался. Неужто оставишь без наказания гадкую бабищу?

Алька притихла. Оно то, конечно, зло должно быть наказано. До нее и раньше доходили кое-какие сведения о Венэриных "подвигах". Но такое…

— Ир, ты представляешь, что она со мной сделает, если узнает, что я — виновница ее бед? Она ж меня в порошок…

— Да как она узнает, — перебила Берганова. — Мальвинин ведь даже не пытался на тебя выйти. Да даже если бы и захотел, где бы он тебя искал? И Венэре тебя найти будет невозможно. Звонить ей будешь только с мобилки, так тебя вообще никто не вычислит. Зато денег сорвем со старой заразы — на всю оставшуюся жизнь. Тебе тогда и аборт делать не придется, ты тогда не только этого ребенка, ты еще десяток запросто прокормишь. А вообще, ты знаешь, я бы ее и забесплатно на тот курорт отправила. Еще лучше — на ПМЖ, как говаривала наша славная Александра. Вот только узнать бы, кто она там, в том мире?

Алька задумалась ненадолго. Наказать-то, конечно, можно. Скорее, даже нужно. Раз она такая дрянь…

— Вот только где ее там искать? Она же не москвичка? Насколько я знаю, она из какого-то глухого села. А как оно там называется? Конечно, и в том мире не на каждом углу встретишь Венэру Антиоховну Гремухину. Вряд ли у нее найдется хоть одна полная тезка. И все-таки: где ее искать?

— Где-где, — в очередной раз перебила Берганова, воодушевленная почти полученным Алькиным согласием. — Да все там же, в Москве! Она ж Снежанку свою в Москве родила? В Москве! Значит, и там она должна была родить в Москве Снежану Петровну Кастиловскую. Следовательно, и саму ее надо искать в Москве.

— Не в Москве, а в Мамсбурге. Там нет Москвы. Арзамас есть, точно знаю, а вместо Москвы у них Мамсбург — мать городов и город матерей. Они от этого названия просто тащатся.

— Ну и хрен с ними, пусть тащатся, от чего хотят. Мамсбург, так Мамсбург. Хотя название, конечно же, идиотское. Главное, мы знаем, где ее искать. Ты думаешь, у них в том Мамсбурге много найдется Венэр Гремухиных? Сомневаюсь, что там окажется больше одной Снежаны Петровны Кастиловскую. А если даже тамошняя Гремухина и сменила фамилию, выйдя замуж, то ты сможешь найти ее по имени-отчеству. Ну не поверю я, что в славном городе Мамсбурге есть еще одна Венэра Антиоховна!

Алька согласилась:

— Это да, что правда, то правда. Спорить не буду — с такими именами найти их будет несложно. А вот что делать дальше?

— А там и посмотрим. Давай, дуй в свое Зазеркалье. Да присмотрись к ней повнимательней: может, мы их насовсем поменяем?

***

Обнаружить в Мамсбурге Венэру Антиоховну удалось лишь после того, как отыскалась Снежана Петровна Кастиловская. К счастью, в Зазеркалье Снежана до сих пор еще была не замужем, хоть и имела, аналогично зеркальному отражению, двоих детей. А вот ейная мамочка ныне числилась под фамилией Бадейко.

Прежде, чем затевать аферу, следовало присмотреться к здешней Венэре повнимательнее. То есть, здесь она была не Венэра, а просто Венера, однако и это более традиционное имя мало подходило к его обладательнице. Невысокая приземистая тетка с седыми патлами, в дешевом спортивном костюме — именно такой она предстала Алькиному взору. Несмотря на означенное описание внешности, весьма походила на свою именитую тезку из другого мира. Вот только довольно забавно было видеть в ее грубых, неухоженных руках вместо микрофона метлу. Нет, на бабу Ягу она совсем не походила, несмотря на сивые пряди волос, выбивающиеся из-под цветастого платочка. Зато дворничиха из нее получилась самая что ни на есть классическая!

Ради наблюдения за объектом Альке даже пришлось на некоторое время забыть про родной мир, про привычного Утицкого, про зеркало. Ради Венэры пришлось вновь заменить собою Альбину Щербакову со всеми вытекающими последствиями…

С удивлением Алька обнаружила, что Варенник ныне оказался в отставке, а ее продюсером вновь стал Муравич. Правда, жили они по-прежнему раздельно, к великой Алькиной радости, ведь, окажись они соседями по спальне, ей сложно было

бы объяснить ему, что такое странное происходит с зеркалом в определенное время суток. И ведь здесь не пройдет тот фокус, при помощи которого ей удавалось довольно долгое время скрывать проход от Утицкого. Там все было просто — слегка приоткрыла дверь кладовки, на которой висело зеркало, тем самым предотвратив попадание на него прямых солнечных лучей, и могла быть спокойна за сохранность тайны. Здесь же зеркало крепилось к стене наглухо, навечно. Плотные гардины на окнах — вещь хорошая, но не слишком надежная. Раз-другой можно было бы объяснить Иоанну, почему необходимо держать шторы закрытыми, но при постоянном совместном проживании с этим могли возникнуть проблемы.

Однако в гости Муравич наведывался ежедневно. В первый же вечер представил Алькиному вниманию расписание репетиций на ближайшую неделю. И из этого расписания выходило, что всю неделю Альке предстоит крутиться с утра до вечера практически без перерывов. Но ведь в ее личных планах были совсем другие задачи. Не может же она сидеть здесь бесконечно, когда у нее там Утицкий без присмотра!

— Ах, милый, — ласково прильнула она к плечу Муравича. — Я не уверена, что этот график мне подойдет. Может, через пару-тройку дней я и смогу в него втянуться, но сейчас пока придется изменить планы. Знаешь, дорогой, что-то я в последнее время расклеилась, чувствую себя неважно. То меня тошнит, то в жар бросает. И дрожь какая-то противная внутри меня засела. Как ты смотришь, солнышко, чтобы я несколько дней посвятила себе?

Муравич обеспокоился:

— И что, мы не будем встречаться? Я не смогу тебя видеть?

— Ну что ты, милый, как же я без тебя? Будем, мы обязательно будем встречаться! Только знаешь, я пока не готова к близости…

На лице Муравича слишком явно расплылось неудовольствие, и Алька поспешила исправить ситуацию:

— Нет же, Иоанн, нет! Солнышко мое, ты все неправильно понял. Я же не про совсем, я только про ближайшие дни, про сегодня! Может быть, завтра. А может, уже завтра я буду чувствовать себя лучше и тогда все будет, все, я тебе обещаю! Может, не завтра, может, через три, четыре дня, но у нас все будет, непременно будет! Ты же знаешь, дорогой, как много ты для меня значишь…

Иоанн нахмурился:

— Ну вот, опять начинается. Альбина, ты никогда не изменишься! Я ради тебя бросаю Ритку, я всех своих подопечных лишаю собственного внимания, хотя они, поверь мне, с куда

большим энтузиазмом дарят свою ласку! Вспомни, что ты мне обещала. Кто говорил, что я буду визжать и плакать от восторга? А сама ни разу еще не заставила меня ни взвизгнуть, ни всплакнуть. Так теперь ты уже и вовсе хочешь лишить меня всего!

О Господи, как же Алька устала от этой темы! Ну никуда от нее не деться, никуда! Все кругом только об этом и говорят: Утицкий, Муравич, Берганова. Да что же они все такие ненасытные?! Да сколько же можно? Вот взять бы да послать этого Муравича подальше со всеми его претензиями! Да пошел он! И Алька уже было собралась высказать Иоанну все свои мысли по этому поводу, да вовремя одумалась. Ну, скажет она ему, и что? Что это изменит? Только то, что на нее будет претендовать уже не Иоанн, а опять Варенник. А это ведь в тысячу раз хуже, чем Муравич! А если к тому же Варенник отправит ее на субботник?! О нет, вот уж чего нельзя допустить ни в коем случае!

— Солнышко мое, Иоаннушка! Я обещаю тебе, что это очень ненадолго. Всего два-три дня, не больше. Может быть, я уже завтра буду себя хорошо чувствовать. Клянусь! Я только справлюсь с недомоганием, и с радостью упаду в твои объятья. Но если ты так тяжело это переживаешь, что ж, ты же знаешь, я на все готова ради тебя. А уж на такие жертвы…

— Да не надо мне никаких жертв, — перебил ее Муравич. — Я мог бы ждать, сколько угодно, меня лишь раздражает твоя холодность. Ты только говоришь о любви, а на самом деле — абсолютная статуя! Ты думаешь, мне приятно кувыркаться в постели с каменным изваянием? Я уже не знаю, что еще тебе нужно, как мне тебя разбудить? И ведь вижу, что вроде любишь, а в постели вместо тебя кусок холодного мрамора! Ты думаешь, я смогу такое долго выдержать? Я ведь потерплю-потерплю, да снова к Ритке вернусь. Я же нормальный мужик, и я хочу нормальную бабу. А ты…

При упоминании о Ритке Альке поплохело: пожалуй, это она маху дала. Муравич — к Ритке, а, как известно, свято место пусто не бывает, к ней тут же прилепится Варенник со всеми вытекающими обстоятельствами. И втекающими тоже. А она ведь, можно сказать, своими собственными руками надоумила Варенника гонять ее по субботникам ежедневно, что называется, в хвост и в гриву. И в другие точки. О Боже, что же она наделала! Нет, надо бросать на хрен затею с Гремухиной. Пусть себе живет, кобылка старая. Уж слишком много проблем из-за этой заразы!

— Иоанн, солнышко, я же не знала, что ты так тяжело это переживаешь! Ну что ж поделаешь, если тебе так этого не хватает. Я, конечно, неважно себя чувствую, но не до такой степени, чтобы не сделать тебе приятное.

— Спасибо, дорогая, я не нуждаюсь в подачках! Я привык сам брать, чего захочу!

И Муравич выскочил из комнаты, хлопнув дверью. У Альки аж сердце захолонуло: вот это мужик, не то, что ее Утицкий: "Зайка, дай", да "Рыбка, не оставь милостью". На каждое ее "Нет" она только и слышит: "Дай, дай, дай". Да что ж они все ненасытные такие, что ж они только об одном-то и думают? Однако Муравича она рассердила конкретно. Скорее всего, он больше не придет. Значит, в ближайшее время следует ожидать визита Варенника. Ну да это уже не Алькина проблема — она к тому времени успешно вернется домой. А вот расхлебывать, как обычно, придется Альбине. Да ей и не привыкать…

***

Раненько утречком Алька была на посту. Как обычно, наблюдала за происходящим из машины. Водитель, конечно, не мог понять, что так заинтересовало Альбину в таком неожиданном месте, да какая, в принципе, ему разница? Солдат спит — служба идет, зарплата капает ежеминутно. А Щербакова… Хозяин — барин, не его это собачье дело, хотя если честно и откровенно, последнее время хозяйка стала уж очень странная…

Как ни старалась Алька прибыть на место пораньше, а Венера оказалась более расторопной бабой, и к моменту Алькиного прибытия уже усердно мела тротуар. Работы ей навалило немало: самый конец августа, еще, казалось бы, лето, но листва уже осыпается под воздействием даже легкого ветерка. Несмотря на жару, осень ощутимо заявляет о своих правах.

Венера аккуратненько сгребла листья в кучу и пошла заниматься мусоропроводом. Дом тем временем потихоньку оживал. День был самый что ни на есть будний, и народ дружненько начал расходиться на работу. Гремухина, то есть Бадейко, все суетилась: дорожки уже были подметены, мусорные баки выставлены на площадку и ожидали мусоровозки. Теперь Венера граблями прочесывала лужайку перед домом. В траве листьев собралось еще больше, чем на дорожках, а потому, вся поглощенная работой, дворничиха и не заметила, как десятилетний пацан на велосипеде начал накручивать круги вокруг дома. Да не просто накручивать, а при этом все норовил непременно проехаться по куче листьев, каждый раз все больше разнося их по дороге. И, когда,

наконец, Венера заметила это безобразие, от тщательно собранной кучи остались, можно сказать, рожки да ножки: практически весь мусор оказался разбросанным по ближайшей территории. Словно в издевательство над несчастной, юному

шалопаю с удовольствием помог и ветерок: листья разнесло не только на дорогу, но и на уже подметенную лужайку и всю работу предстояло проделать заново.

— Ах ты сучий кобеленыш! Я тебя прибью когда-нибудь, дерьмовник паскудный! И мамашу твою, Дерьмовочку, вместе с тобой урою!

Неуклюжая дворничиха кинулась было на пацана с метлой наперевес, да тот был куда поворотливее ее, да еще и на колесах. Мальчишка крутанул педали и заорал на всю округу:

— Венера-мегера! Венера-фанера! Венера-пантера! Лейка-Бадейка! Давай, догони, старая кляча!

Тут вдогонку мальцу понесся такой мат-перемат, что некоторые жильцы повысовывались в окна:

— Зараза старая, ты когда-нибудь заткнешься? Когда тебя уже уволят к чертовой матери?! Послал же Бог дворника. Заткнись, гадюка, дети слушают!

На что Венера, ничтоже сумняшеся, отвечала почти беззлобно, но громко:

— Плевать я хотела на ваших детей, пусть слушают, с детства к высокой культуре приобщаются. Да если б не ваши паскудные детки, я была бы самым образцовым дворником! И хрен кто меня отсюда уволит — кто еще ваше дерьмо убирать станет, кроме меня?! Я вот сейчас развернусь к е… матери, так вы же сами через неделю на коленях приползете: "Венера вернись, у нас мусорник забился". Вы меня, ляди, на руках носить должны, да чарочку по праздникам подносить. И вообще, я всему дому расскажу, кто из вас чем занимается, так что заткните пэльки и слушайте, чему я ваших деток сраных учить буду. Нарожали уродов, подонки!!!

В принципе, про здешнюю Венеру Альке все было ясно. Абсолютная, можно сказать, "знойная" неудачница. Да, ничего не скажешь, весело будет знаменитой Венэре оказаться в такой ипостаси! Пожалуй, уже можно было возвращаться в свой мир, да ведь аферу они с Бергановой задумали самую крупную, может, не стоит торопиться? Оно-то конечно, сама местная Венера — как на ладони, от нее вряд ли можно ожидать каких-то сюрпризов. А вот интересно, что из себя представляет ее доченька? Может, пригодится и эта информация? И, вместо того, чтобы возвращаться домой, Алька направила свои стопы по адресу Снежаны Петровны Кастиловской.